Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР, ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

29-й ГОД ИЗДАНИЯ | № 9 | СЕНТЯБРЬ 1952

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ ЛЕНИНА—СТАЛИНА

5 октября 1952 г. открывается очередной, XIX съезд ВКП(б). Рабочий класс, трудящиеся всего мира, прогрессивные люди во всех странах с радостью приветствуют это величайшее историческое событие, имеющее важное международное значение. Все организации большевистской партии, все коммунисты и вместе с ними весь советский народ по призыву Центрального Комитета партии тщательно и с большим воодушевлением готовятся к съезду великой партии Ленина — Сталина. Опубликованные ЦК ВКП(б) материалы к съезду — проект директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг. и проект текста измененного Устава партии — глубоко изучаются и обсуждаются в партийных организациях, широко разъясняются всем трудящимся и повсюду находят всеобщее одобрение в широких массах, выражающих свое отношение к этому важному историческому событию новым подъемом социалистического соревнования, новыми социалистическими обязательствами в честь XIX съезда ВКП(б).

Исключительный энтузиазм и огромную радость вызвало постановление ЦК ВКП(б) о созыве очередного съезда партии не только в нашей стране, но и далеко за ее рубежами, в странах народной демократии, в сердцах всех миролюбивых народов мира. Они еще и еще раз на деле убеждаются в том, что народы Советского Союза, уверенно строящие коммунизм под руководством героической Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и ее великого вождя И. В. Сталина, заняты мирным трудом, величественной народной стройкой и нисколько не помышляют о военном нападении на кого бы то ни было, что истерические вопли американо-английских реакционеров об опасности, якобы грозящей Западу со стороны Советского Союза,— сознательная ложь и бессовестная клевета.

Народы мира вновь оказываются перед неоспоримыми фактами мощного подъема социалистической промышленности и сельского хозяйства СССР в короткий, всего пятилетний исторический период послевоенного развития Советского государства, двигающего семимильными шагами вперед поистине процветающую экономику необъятной страны,

в то время как всеобщий кризис капиталистического хозяйства довел до глубокого и беспросветного нищенства жестоко эксплуатируемые народные массы империалистических и зависимых от них стран.

Народы мира воочию убеждаются в том, что страна, которая строит величайшие гидроэлектростанции, грандиознейшие в мире каналы, новейшие и совершеннейшие типы машин для новых и новых, колоссальных по мощности заводов, шахт и других предприятий, что страна, которая выполняет грандиозный план преобразования природы, вкладывает сотни миллиардов рублей народных средств в строительство и содержание культурных учреждений, что такая страна не может стремиться к войне, желать разрушений и смерти. Трудящиеся в капиталистических странах на примере варварской войны американских империалистов против героического народа Кореи убеждаются в том, что разрушений и крови жаждут алчные хозяева их стран, они ясно видят, кто именно ищет спасения от экономического кризиса в новой мировой бойне.

«Мирное развитие советской экономики, — говорится в проекте директив XIX съезда партии, — намечаемое пятилетним планом, противостоит экономике капиталистических стран, идущих по пути милитаризации народного хозяйства, получения наивысших прибылей для капиталистов и дальнейшего обнищания трудящихся».

Народы Советского Союза, занятые мирным трудом, гордятся своими завоеваниями во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни. Они уверенно и смело шагают вперед к великой цели, записанной в программе Коммунистической партии (большевиков), к коммунистическому обществу. Постоянно выполняя и перевыполняя пятилетние планы развития народного хозяйства, трудящиеся Советского Союза, несмотря на тяжелые разрушения, нанесенные стране фашистскими извергами в 1941—1944 гг., добились того, что к концу четвертой пятилетки, в 1950 году, увеличили объем продукции всей промышленности на 73% по сравнению с довоенным 1940 годом, в то время как по плану это повышение предусматривалось в 48%.

Новый мощный подъем промышленности намечен проектом директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг. В проекте говорится: «Установить повышение уровня промышленного производства за пятилетие, примерно, на 70 процентов при среднегодовом темпе роста всей валовой продукции промышленности, примерно, 12 процентов».

Беззаветно преданный своему любимому вождю товарищу Сталину, советский народ под руководством Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) успешно претворяет в жизнь смелые планы работ, определенные и предначертанные в исторической речи И. В. Сталина на собрании избирателей 9 февраля 1946 г.

«Что касается планов на более длительный период, — говорил товарищ Сталин, — то партия намерена организовать новый мощный подъём народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдёт, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Не далеко то время, когда эти проникновенные слова великого вождя И. В. Сталина полностью осуществятся, станут действительностью.

Успешно и досрочно выполнив четвертую пятилетку, которая была первой послевоенной пятилеткой восстановления и развития народного хозяйства СССР, наша страна вступила в пятую пятилетку, в течение которой будут строиться и уже строятся великие стройки коммунизма, часть которых — Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина и Куйбышевская гидроэлектростанция — вступают в строй действующих предприятий в эту пятилетку.

В новом пятилетнем плане предусматривается большой рост производства сельскохозяйственной продукции; валовой урожай зерна должен быть увеличен за пятилетие на 40—50 процентов, в том числе пшеницы на 55—65 процентов, хлопка-сырца на 55—65 процентов, сахарной свеклы на 65—70 процентов и т. д. Продукция животноводства должна быть увеличена в следующих размерах: мяса и сала на 80—90 процентов, молока на 45—50 процентов, шерсти, примерно, в 2—2,5 раза, яиц (в колхозах и совхозах) в 6—7 раз.

Соответственно огромному росту промышленной и сельскохозяйственной продукции предусмотрен и необходимый рост товарооборота, транспорта и связи, повышение качества их работы.

«Пятый пятилетний план,— говорится в проекте директив XIX съезда партии, — определяет новый мощный подъём народного хозяйства СССР и обеспечивает дальнейший значительный рост материального благосостояния и культурного уровня народа».

И действительно, проект предусматривает такой рост материального благосостояния, здравоохранения и культурного уровня народа, о котором и мечтать не могут трудящиеся в капиталистических странах. Конкретно об этом говорят следующие слова и цифры директив: «На основе непрерывного роста социалистического производства и повышения производительности общественного труда увеличить национальный доход СССР за пятилетие не менее чем на 60 процентов и в связи с этим обеспечить дальнейший рост доходов рабочих и служащих и доходов крестьян». «Повысить, — говорится далее, — реальную заработную плату рабочих и служащих, с учётом снижения розничных цен, не менее чем на 35 процентов...» и «...денежные и натуральные доходы колхозников (в денежном выражении) не менее чем на 40 процентов».

В намеченных по проекту широчайших мероприятиях по дальнейшему улучшению материально-культурного благосостояния советского народа, начиная от невиданного размаха жилищного и школьного строительства и кончая дальнейшим развитием кино и телевидения, находит яркое отражение величайшая сталинская забота о трудящихся СССР, об их радостной, культурной и счастливой жизни в социалистическом обществе.

Для успешного выполнения задач пятого пятилетнего плана, являющегося «крупным шагом вперёд по пути развития от социализма к коммунизму», необходимо осуществление ряда важных требований и условий, о которых подробно указано в проекте директив. К числу этих требований и условий, в осуществлении которых немалую роль могут и должны сыграть работники органов юстиции, суда и прокуратуры, относятся борьба за охрану и укрепление социалистической собственности, за строгое соблюдение государственной дисциплины, за режим экономии, за высокое качество продукции, непримиримая борьба против нарушителей закона, срывающих выполнение хозяйственных планов.

«Задачи, поставленные пятилетним планом, — говорится в заключительной части проекта директив, — предъявляют большие требования к партийным, советским, хозяйственным, профсоюзным, комсомольским организациям и обязывают их мобилизовать широкие массы трудящихся

на выполнение и перевыполнение нового пятилетнего плана, развёртывая широкую критику недостатков в работе наших организаций с целью быстрейшей ликвидации этих недостатков».

Эти требования полностью относятся и к органам юстиции, прокуратуры и суда, которым необходимо немедленно ликвидировать имеющиеся еще в их работе серьезные недостатки и активно, энергично содействовать устранению недостатков и нарушений законов в деятельности других организаций, способствуя тем самым успешному выполнению и перевыполнению нового пятилетнего плана.

До сих пор некоторые органы прокуратуры не ликвидировали волокиту в расследовании преступлений, тормозящих работу наших предприятий, наносящих серьезный ущерб хозяйственным интересам государства, мешающих организационно-хозяйственному укреплению колхозов и других кооперативных организаций. Факты длительного рассмотрения дел имеют место и в некоторых судах.

Партийная печать не раз обращала внимание на слабую борьбу с расхищением и разбазариванием колхозной собственности, с нарушением Сталинского Устава сельскохозяйственной артели. Органы прокуратуры и суды обязаны добиться решительного искоренения этих преступлений.

Органы прокуратуры и суды далеко еще не добились необходимых результатов также и в борьбе с бракоделами; факты выпуска недоброкачественной продукции, причиняющие большие убытки народному хозяйству, нередко остаются без законного реагирования, а виновные в этом лица безнаказанными.

Все эти и другие недостатки в работе органов суда и прокуратуры стали сейчас особенно нетерпимыми, они мешают делу всемерного укрепления социалистической законности, на страже которой стойко должны стоять суд и прокуратура, неустанно выполняя свою ответственную роль в дальнейшем укреплении социалистического государства — главного орудия построения коммунизма.

«Новый пятилетний план представляет для всех советских людей конкретную программу повседневной борьбы за укрепление могущества нашей Родины», — пишет газета «Правда» в передовой статье 22 августа 1952 г., посвященной пятому пятилетнему плану развития СССР.

Горячо и радостно приветствуя созыв XIX съезда ВКП(б), работники органов юстиции, суда и прокуратуры так именно и понимают стоящие перед ними задачи — всей своей деятельностью каждодневно укреплять социалистическую законность и советский правопорядок, а следовательно, и могущество великой советской Родины.

Следует особо отметить, что для дальнейшей успешной деятельности Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), под испытанным руководством которой народы Советского Союза, несомненно, выполнят новый пятилетний план, огромное значение имеет подлежащий обсуждению XIX съезда партии проект измененного Устава ее.

Основной целью этого проекта является дальнейшее организационное укрепление партии. Изменения, вносимые в Устав партии, помогут еще более повысить сознательность, единство и сплоченность членов партии.

Исключительно четко и политически остро проект измененного Устава излагает обязанности члена партии. Значительное расширение обязанностей члена партии звучит гордо в современной политической и международной обстановке, повышает ответственность членов

Коммунистической партии Советского Союза и закаляет их для борьбы за дело коммунизма.

Заслуживают особого внимания работников прокуратуры и суда следующие, со всей четкостью подчеркиваемые впервые в проекте обязанности члена партии: развивать самокритику и критику снизу, выявлять недостатки в работе и добиваться их устранения; сообщать в руководящие партийные органы вплоть до Центрального Комитета партии о недостатках в работе, невзирая на лица; быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытия и искажения правды; соблюдать партийную и государственную тайну; проявлять политическую бдительность, памятуя, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке; на любом посту, порученном партией, неуклонно проводить указания партии о правильном подборе кадров по их политическим и деловым качествам.

Повсеместное и неуклонное выполнение этих обязанностей членов партии поможет и органам юстиции, суда и прокуратуры, прокурорам, судьям и следователям быстрее, точнее и решительнее выявлять и устранять нарушения законов, применяя суровые меры наказания к врагам советского народа, к нарушителям законов социалистического государства.

В проекте измененного Устава партии весьма принципиальный характер носит указание на то, что «в партии не может быть двух дисциплин — одна для руководителей, другая для рядовых. Партия имеет одну дисциплину, один закон для всех коммунистов, независимо от заслуг и занимаемых ими постов».

Это принципиально важное положение, проводимое в нашей партии с неизменной последовательностью, было высказано товарищем Сталиным еще в 1934 году, когда он говорил об одном из типов людей, «...которые тормозят нашу работу, мешают нашей работе и не дают нам двигаться вперёд». «...Это люди, — говорил товарищ Сталин, — с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины». Товарищ Сталин говорил, что таких работников «...надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом» (Соч., т. 13, стр. 370).

Органы прокуратуры и суды должны с особой энергией и силой неуклонно проводить в жизнь эти указания, ныне записанные также и в проекте нового Устава партии, привлекая к ответственности всех нарушителей законов, невзирая на лица.

Проект текста измененного Устава партии кратко и ясно указывает на главные задачи, стоящие ныне перед Коммунистической партией Советского Союза и, следовательно, перед всем советским народом: «Ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путём постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий её врагов».

Эти величественные задачи вдохновляют всех советских людей на новые подвиги и победы в строительстве коммунизма под руководством великой партии Ленина — Сталина.

СОУЧАСТИЕ В ХИЩЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ И НЕДОНОСИТЕЛЬСТВО О ХИЩЕНИИ

В. Папиташвили

В процессе практического применения ст. 5 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» возник ряд интересных вопросов, которые в нашей юридической литературе еще скудно освещены.

В задачу настоящей статьи и входит, по возможности, поднять эти вопросы с тем, чтобы в процессе обмена мнениями выработать единую точку зрения.

К таким вопросам относятся: соучастие в хищении, недоносительство о хищении, покупка заведомо краденого.

При рассмотрении вопроса о соучастии возникает очень важный вопрос: может ли соучастие в формах, предусмотренных ст. 17 УК РСФСР, кроме укрывательства заранее не обещанного, перерасти в совиновничество, т. е. могут ли эти соучастники и непосредственные исполнители рассматриваться как члены одной хищнической преступной группы, ставящей себе целью хищения социалистической собственности.

С моей точки зрения, этот вопрос следует решать положительно в том смысле, что при известных условиях соучастие в формах подстрекательства, пособничества в буквальном смысле слова и заранее обещанного укрывательства можно и должно рассматривать как совиновничество, а непосредственные исполнители и вышеуказанные соучастники должны отвечать как за групповое хищение по ст. ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г.

При этом следует строго руководствоваться ст. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г., которая говорит:

«Под организованной группой или шайкой следует понимать группу из двух или более лиц, предварительно организовавшихся для совершения одного или нескольких хищений. При этом ответственность по соответствующим статьям указов от 4 июня 1947 г. несут не только организаторы, но и участники организованной группы (шайки)». Далее в постановлении Пленума говорится, что если группа не осуществила своих преступных намерений, то следует руководствоваться правилами, изложенными в ст. 19 УК РСФСР.

Это постановление не определяет, какую именно деятельность проводят отдельные участники группы. Однако совершенно очевидно, что все члены заранее организованной преступной хищнической группы должны нести ответственность за совершение хищения. Отсюда не важно для квалификации преступления, какую конкретно деятельность проводили отдельные участники группы. Главное, что они заранее организовались в преступную группу и ставили себе задачи хищения социалистической собственности. Если один из участников этой группы непосредственно похищает социалистическую собственность, второй перед этим создает условия для хищения, в частности, например, уводит сторожа от магазина, а третий принимает похищенное, укрывает его и впоследствии реализует,— то следует всех троих участников этой группы

рассматривать как непосредственных исполнителей преступления. Разница лишь в том, что они распределили между собой роли и каждый участник этой группы выполнял определенные функции по хищению социалистической собственности. Внешне казалось бы, что участник группы, который подготавливает условия для хищения, или участник группы, который укрывает похищенное, должны были бы отвечать через ст. 17 УК РСФСР, так как непосредственное хищение произвел третий участник группы.

Это положение было бы правильно, если бы мы не имели дела с организованной группой, объединенной единством преступного намерения.

Точно такое же положение и с подстрекателем. Если по материалам конкретного дела будет установлено, что подстрекатель явился организатором преступной группы и ее членом, то он должен нести ответственность как за непосредственное участие в хищении, а не через ст. 17 УК РСФСР.

При рассмотрении данного вопроса определенный интерес представляет дело по обвинению Иванова (он же Ханин) и Салтыкова, осужденных одним из судов 4 ноября 1948 г. по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.

Иванов (он же Ханин) 2 октября 1948 г. совершил с попутной автомашины хищение 10 кг 700 г риса. Этот рис он принес повару Салтыкову, который согласился рис спрятать, зная, что тот похищен.

Впоследствии Салтыков из этого риса готовил пищу и вместе с Ивановым (он же Ханин) ее употреблял.

Поскольку не было установлено, что Иванов (он же Ханин) и Салтыков сорганизовались для хищения государственного имущества и представляли из себя организованную группу, то они и не могли отвечать как за групповое хищение. С учетом изложенного, а также принимая во внимание, что Иванов (он же Ханин) в прошлом аналогичных преступлений не совершал и хищение по своему размеру не являлось крупным, его действия в кассационном порядке были переквалифицированы на ст. 1 указа от 4 июня 1947 г., а действия Салтыкова — на ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 того же указа.

Из сказанного видно, что привлечение за соучастие в хищении через ст. 17 УК РСФСР возможно в том случае, когда соучастники не объединены с непосредственными исполнителями в преступную группу.

Исключение составляет укрывательство заранее не обещанное, так как оно во всех случаях имеет место уже по совершении преступления, в силу чего вопрос о том, что эти укрыватели заранее готовились к совершению хищений и были организационно объединены с исполнителями, сам собой отпадает.

Вывод о том, что соучастники по установлении, что они заранее организовались с исполнителями в преступную группу, должны отвечать как за непосредственное участие в хищении, вытекает из самого смысла указа от 4 июня 1947 г.

При определении ответственности соучастников в хищении существуют и известные особенности.

Как известно, ст. ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г. предусматривают как особые квалифицирующие признаки: повторность, групповое хищение и крупный размер. Для того чтобы соучастники отвечали по ст. 17 УК РСФСР и по ст. ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г., необходимо установить, что соучастники, оказывая содействие в совершении преступления или в сокрытии преступника или следов преступления, знали о наличии этих квалифицирующих признаков.

Если же соучастники не знали о наличии этих квалифицирующих признаков, то они должны отвечать по ст. 17 УК РСФСР и ст. ст. 1 или 3 указа от 4 июня 1947 г., хотя исполнители и отвечают по ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г.

Пример. Укрыватель оказывает содействие в сокрытии одного из участников хищения, не зная, что хищение носило групповой характер. Расхититель, как участник группового хищения, должен отвечать по ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г., а укрыватель — по ст. 17 УК РСФСР и ст. ст. 1 или 3 указа от 4 июня 1947 г., поскольку его умысел был направлен на оказание содействия одному из участников группы и он не знал о групповом характере хищения.

Или: укрыватель оказывает содействие в сокрытии следов преступления и с этой целью укрывает незначительную часть похищенных ценностей, не зная о крупном размере хищения.

В этом случае исполнитель, совершивший крупное хищение, должен отвечать по ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г., а соучастник — по ст. 17 УК РСФСР и ст. ст. 1 или 3 указа от 4 июня 1947 г., поскольку он не знал о крупном размере хищения и умысел его был направлен на сокрытие лишь незначительной части похищенного.

В связи с изложенным можно привести следующие примеры из нашей судебной практики.

30 октября 1948 г. одним из судов был осужден по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Куров, признанный виновным в том, что спрятал три пары заведомо для него похищенных сапог, которые он получил от осужденного по данному делу расхитителя Правдина. Хотя хищение носило групповой характер и было совершено в крупных размерах и расхитители правильно были осуждены по ст. 2 данного указа, но Куров о наличии этих квалифицирующих признаков хищения не знал и его умысел был направлен на оказание помощи одному Правдину и на сокрытие только трех пар сапог. Поэтому в кассационном порядке действия Курова были переквалифицированы на ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 указа от 4 июня 1947 г., хотя расхитители и были осуждены по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.

Наиболее интересный вопрос в этой части возникает, когда квалифицирующие признаки относятся не к самому факту хищения, а к личности расхитителя, в частности, когда квалифицирующим признаком является то, что расхититель и в прошлом совершал аналогичные преступления, независимо от того, был ли он за них осужден или нет.

Этот вопрос, с моей точки зрения, надо рассматривать следующим образом.

Статьи 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г. предусматривают как квалифицирующий признак повторность. Политический смысл этого положения указа от 4 июня 1947 г. заключается в том, чтобы усилить борьбу с рецидивистами. Это положение указа от 4 июня 1947 г. совершенно очевидно исходит из того, что преступная деятельность расхитителей, которая упорно не прекращается и носит систематический характер, представляет особую общественную опасность.

Поэтому будет представлять особую опасность и соучастие в совершении преступления этими преступниками-рецидивистами.

Не вызывает сомнений, что действия подстрекателя, склоняющего к совершению хищения лицо, которое заведомо для него является неустойчивым и занимавшимся и прежде хищениями, являются особо опасными. Или: укрыватель, содействующий сокрытию преступника, который

заведомо для него систематически занимается преступной деятельностью, также совершает особо общественно опасное преступление.

Поэтому мне кажется, что квалифицирующие признаки (повторность), которые относятся не к самому факту хищения, а к личности расхитителя, также являются квалифицирующими и для действий соучастников, но только при условии, что соучастники знали, что оказывают содействие расхитителю-рецидивисту.

Если же будет установлено, что соучастник не знал о том, что оказывает содействие лицу, которое неоднократно совершало хищения социалистической собственности, и что его умысел был направлен на содействие преступнику, совершившему только одно хищение, то соучастник должен отвечать по ст. 17 УК РСФСР и по ст. ст. 1 или 3 указа от 4 июня 1947 г., а исполнители — по ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г. (по признаку повторности).

Пример. 16 марта 1949 г. одним из судов был осужден по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. Ермолов за то, что он помог своему родственнику Ермолову Николаю скрыть продукты, похищенные последним из магазина. Квалифицирующим признаком для Ермолова Николая была его прежняя судимость за аналогичное преступление, о которой укрывателю Ермолову не было известно.

Исходя из субъективной виновности соучастника Ермолова, действия его в кассационном порядке были переквалифицированы на ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 указа от 4 июня 1947 г.

Точно так же соучастники должны нести ответственность по ст. 17 УК РСФСР и ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г., если они сами уже совершали прежде аналогичные преступления. Тот факт, что соучастники систематически занимаются своей преступной деятельностью, характеризует их как особо опасных преступников, поэтому, исходя из общей задачи усиления борьбы с преступниками-рецидивистами, будет правильно по этому признаку их действия квалифицировать по ст. 17 УК РСФСР и ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г., хотя исполнители могут отвечать по ст. ст. 1 или 3 того же указа.

В практике часто возникают трудности при разграничении соучастия в хищении, особенно в форме укрывательства и недоносительства о хищении.

Недоносительством согласно ст. 5 указа от 4 июня 1947 г. признается недонесение о достоверно готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, предусмотренном ст. ст. 2 и 4 этого указа.

Закон не разграничивает, по каким признакам должно квалифицироваться хищение по ст.ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г., чтобы наступала ответственность за недоносительство.

Поэтому квалифицирующие признаки, указанные в ст.ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г., относящиеся как к самому факту хищения (групповое, в крупных размерах), так и к личности расхитителя (повторность), являются необходимыми условиями для ответственности за недоносительство.

Необходимо, однако, чтобы недоноситель знал, что эти квалифицирующие признаки имеются. Точнее, он должен знать, что хищение носило групповой характер, или что было совершено в крупных размерах, или что расхититель рецидивист.

Если же недоноситель не знал о наличии этих квалифицирующих признаков, то он и не может отвечать по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г.

Это вытекает из того, что закон предусматривает ответственность за недоносительство об особо опасных видах хищения.

Поэтому, предусматривая ответственность за недоносительство о хищениях, квалифицируемых по ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г., закон исходит из того, что недоноситель должен знать о наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных этими статьями указа, что говорит об особой опасности этого вида недоносительства.

Недоносительство о готовящихся или совершенных преступлениях в условиях нашего социалистического общества вообще недопустимо, поэтому за недоносительство об особо опасных для нашего государства преступлениях и предусмотрена уголовная ответственность.

Большой интерес представляет вопрос о том, в течение какого времени лицо, которому стало известно о готовящемся или совершенном преступлении, должно об этом сообщить соответствующим органам.

В указе от 4 июня 1947 г. об этом ничего не сказано.

Мне кажется, что неправильной будет точка зрения, что в случаях, когда о готовящемся или совершенном хищении не было сообщено немедленно, наступает ответственность по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г.

Прежде всего, практически почти невозможно установить грань по времени сообщения о хищении, когда наступает ответственность за недоносительство, а когда нет.

Во-вторых, ст. 5 указа от 4 июня 1947 г. имеет своей задачей содействовать не только быстрейшему разоблачению преступника и преступления, но главное — воспитанию трудящихся в духе нетерпимого отношения к хищениям, чтобы все граждане включались в активную борьбу за охрану социалистической собственности.

Если же лицо, узнав о готовящемся или совершенном преступлении, сообщило об этом несвоевременно, то, мне кажется, вопрос надо решать следующим образом.

Прежде всего, в отношении готовящегося преступления сообщение должно быть сделано до совершения хищения. Это обстоятельство, даже при условии несвоевременного сообщения, должно исключить ответственность по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г. Во-вторых, во всех случаях несвоевременного сообщения о хищениях надо устанавливать, добровольно ли это сообщение сделано.

Если будет установлено, что лицо во-время не сообщило о хищении в силу каких-то уважительных причин, то, естественно, вопрос об ответственности этого лица отпадает.

Или если будет установлено, что лицо сделало сообщение хотя и несвоевременно, но добровольно, в результате того, что оно глубоко продумало свои действия, свое отношение к известному ему факту хищения и пришло к выводу,— правда, не сразу,— о необходимости сообщить об этом факте, то вопроса о привлечении данного лица к ответственности не следует ставить. В данном случае мы будем иметь дело с фактом, когда это лицо само успело глубоко осознать ошибочность своего первоначального поведения и приняло уже меры, чтобы помочь раскрыть преступление и разоблачить преступника.

Пожалуй, не вызывает сомнений, что в отношении этого лица нет необходимости применять меры принудительного характера, так как оно уже само осознало неправильность своего первоначального поведения, само осудило его. Другое дело, когда будет установлено, что сообщение о готовящемся или совершенном хищении было сделано не добровольно, а под воздействием каких-то посторонних факторов.

Пример. Сообщение сделано в результате того, что этому лицу стало известно, что преступление уже раскрыто, и оно делает сообщение во избежание ответственности.

В данном случае мы будем иметь дело не с тем, что это лицо глу-

боко осознало свое поведение (осудило его), а с тем, что сделало сообщение из стремления избежать ответственности. В данном случае отношение этого лица к самому факту преступления и к преступнику не менялось, а потому оно и должно нести ответственность по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г.

Особенно тщательно надо устанавливать мотивы несвоевременного сообщения о готовящемся или совершенном хищении, сделанного после возбуждения уголовного дела в отношении расхитителей. В этих случаях обычно лицам, сделавшим сообщение, уже известно о возбуждении дела, и очень часто приходится сталкиваться с тем, что подобные сообщения делаются с целью избежать ответственности за недоносительство.

Конечно, не исключены случаи, что лицо, сделавшее сообщение о хищении после возбуждения дела в отношении расхитителей, не знало об этом и сделало это сообщение добровольно, а не с целью избежать ответственности.

Следующим вопросом, заслуживающим внимания, является вопрос, кому и в какой форме должно быть сделано сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, чтобы это исключало ответственность по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г.

Не вызывает сомнений, что сообщение может быть письменным или устным. Поэтому форма (письменная или устная) не имеет значения.

Сообщение о готовящемся или совершенном хищении может быть сделано в различные органы или различным лицам. Указ от 4 июня 1947 г. не предусматривает, куда именно делать такое сообщение.

Такое сообщение может быть сделано в органы милиции, в прокуратуру, в судебные органы, в райсовет, в сельсовет, в партийные и профсоюзные органы, отдельным должностным лицам и т. п.

Главное, чтобы такое сообщение преследовало цель разоблачения преступника и раскрытия преступления, чтобы лицо, сделавшее сообщение, имело намерение содействовать охране социалистической собственности.

Если органы или отдельные должностные лица неправомочны решать данные вопросы, то они обязаны о полученном сообщении поставить в известность соответствующие органы. Если они этого не сделают, то может возникнуть вопрос о привлечении к ответственности виновных в этом лиц, ответственность же лица, сделавшего сообщение, исключается, поскольку установлено, что оно принимало меры к раскрытию преступника или разоблачению преступления, хотя по неведению или каким-то иным причинам обратилось не в те органы, куда надлежало обратиться. Основное, что следует установить,— что данное лицо сообщало о известных ему данных с целью содействия борьбе с этого рода преступлениями.

Таким образом, в случаях, когда возникает вопрос о том, правильно ли адресовано заявление или можно ли данное сообщение рассматривать как донесение о готовящемся или совершенном преступлении, надо исходить из того, какую цель преследовало данное лицо, делая данное сообщение. Если будет установлено, что оно имело намерение помочь борьбе с хищениями, то вопрос об ответственности этого лица отпадает, хотя оно свое заявление адресовало не туда, куда следовало.

Если же будет установлено обратное, а именно, что данное лицо хоть и сообщило о готовящемся или совершенном преступлении, но не с целью разоблачения преступления и раскрытия преступника, а просто проговорилось или рассказало в частной беседе, надеясь, что это не повлечет никаких последствий для расхитителей, то хотя бы это сообщение и попало в нужные органы и даже содействовало разоблачению расхитителей, все равно это лицо должно нести ответственность по ст. 5 указа от

4 июня 1947 г., поскольку установлено, что оно имело намерение скрыть хищение и не принимало мер к охране народного добра.

Следующий вопрос — это об ответственности за недоносительство при условии, если само хищение не было совершено.

Ответ на этот вопрос есть в самом тексте ст. 5 указа от 4 июня 1947 г., где говорится о недоносительстве не только о совершенном хищении, но и о готовящемся хищении. Указ от 4 июня 1947 г. не ставит условия, чтобы готовящееся хищение, о котором не было донесено, было совершено. Достаточно, чтобы хищение готовилось и об этом не было донесено. Так по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г. может наступить ответственность за недонесение о готовящемся хищении, хотя само оно по каким-то причинам и не совершено.

Мне кажется, что исключение должны составлять случаи, когда данное лицо, зная о готовящемся хищении, не донесло о нем, но само приняло меры к предотвращению хищения и помешало его исполнению.

Пример. Лицо, узнав о готовящемся хищении, уговаривает участников подготовки к хищению отказаться от своего намерения. В этом случае, по-моему, ответственность за недоносительство наступить не должна: во-первых, недоноситель в результате принятых им лично мер сумел предотвратить хищение и он уже знал, что преступление совершено не будет, во-вторых, он самим фактом принятия мер к предотвращению хищения показал свое отрицательное отношение к этому преступлению и принял меры к охране социалистической собственности.

Надо особо подчеркнуть, что ответственность по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г. может наступить только при условии, что недоносителю достоверно известно о готовящемся или совершенном преступлении.

Если данное лицо только предполагало о хищении или располагало недостаточными сведениями, то вопрос об ответственности за недоносительство отпадает.

Как указывалось выше, в практике часто встречаются трудности при необходимости разграничить соучастие в хищении,— особенно в форме укрывательства,— от недонесения о хищении.

Различие надо проводить по объективной стороне состава преступления. Соучастие как в форме подстрекательства, так и в форме пособничества, в том числе и укрывательства, по объективной стороне предполагает какую-то определенную активную деятельность. Соучастник либо склоняет к совершению хищения, либо содействует совершению преступления материально или интеллектуально, либо укрывает преступника или следы преступления. Так и во всех случаях и во всех формах соучастие обязательно предполагает какую-то активную деятельность.

Бесспорно, что каждый соучастник одновременно является и недоносителем, так как при всех условиях ему известно о готовящемся или совершенном хищении. Однако судебная практика решает этот вопрос в той плоскости, что соучастник привлекается только за соучастие, а за недоносительство по совокупности преступлений не привлекается.

Такую практику надо признать правильной, так как соучастие в хищении предполагает более суровую ответственность, чем недоносительство; во-вторых, сам факт соучастия в хищении во всех случаях предполагает, что соучастник скрывает преступление, совершенное лично им и расхитителем. Если соучастник сообщает о совершенном или готовящемся хищении, то мы будем иметь дело либо с добровольным отказом от совершения преступления, либо с явкой с повинной. Эти обстоятельства должны быть разрешены на общих основаниях.

В отличие от соучастия недоносительство о хищениях предполагает абсолютно пассивную деятельность, точнее сказать — бездеятельность.

Недоноситель ничем не содействует совершению хищения, не укрывает преступника или следы преступления, но он не принимает мер к охране социалистической собственности, не содействует разоблачению преступника и раскрытию хищения.

Надо учесть, что недоносительство очень часто может перерасти в пособничество в форме укрывательства. Если недоноситель не только не сообщает о хищении, но одновременно чем-то содействует сокрытию следов преступления или преступника, наступает ответственность уже как за соучастие, а не как за недоносительство.

Пример. 14 октября 1950 г. был осужден по ст. 5 указа от 4 июня 1947 г. Постников за то, что он, работая шофером и зная о групповом хищении продуктов из порта, по просьбе одного из расхитителей Филиппова перевез пять ящиков заведомо похищенных консервов из порта в общежитие, где они были спрятаны другими лицами.

В данном случае Постников не только не донес об известном ему групповом хищении, но проявил и активную деятельность тем, что помог вывезти похищенное из порта.

Поэтому действия Постникова следовало квалифицировать по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., а не по ст. 5 того же указа.

Таковы те отдельные соображения, которые, мне кажется, имеют определенное значение при применении указа от 4 июня 1947 г.

БОЛЬШЕ КОНТАКТА В РАБОТЕ ТРАНСПОРТНЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРОКУРАТУР

Главный Прокурор железнодорожного транспорта

Д. Салин

Территориальные и специальные транспортные органы прокуратуры являются органическими частями единой советской прокуратуры и, несмотря на разные сферы деятельности, преследуют по существу одну основную цель.

Эта основная цель заключается в том, чтоб дальнейшим укреплением социалистической законности, неослабной борьбой с преступностью активно содействовать успешному выполнению тех огромных и многообразных политических и экономических задач, которые стоят перед Советским государством на данном этапе его развития.

Неправильно и вредно для дела было бы считать, что территориальные и специальные транспортные прокуратуры могут работать изолированно, оторванно друг от друга.

Организационная структура органов прокуратуры, самостоятельность территориальных и транспортных прокуратур не только не исключает, а, наоборот, предполагает необходимую координацию их деятельности.

Железнодорожный транспорт СССР, являясь главным нервом экономической жизни страны, тесно связан со всеми иными отраслями народного хозяйства.

В связи с этим в практике прокуратуры часто возникают вопросы, успешное решение которых во многом зависит от совместных объединенных действий органов прокуратуры железнодорожного транспорта и органов территориальной прокуратуры, от слаженности их работы.

Одна из важнейших функций Советского государства — охрана общественной, социалистической собственности, являющейся экономической основой советского строя, основой социалистических производственных отношений.

Важнейшей задачей всех органов прокуратуры является борьба с хищениями социалистической собственности, и в этой работе особенно необходимы согласованность, единство действий территориальных и транспортных прокуратур.

Между тем многие транспортные и территориальные прокуроры, недооценивая всей важности контакта в работе, не имеют необходимой увязки даже в такой области работы, как борьба с хищениями социалистической собственности.

Масса материальных ценностей перевозится по железным дорогам, которые являются основным каналом по перевозке грузов между различными районами нашей страны. Судебно-следственная практика показывает, что имеют место случаи хищения материальных ценностей — грузов не только на транспорте, в процессе перевозки грузов, но и на складах и базах грузоотправителей и грузополучателей.

Бывают хищения материальных ценностей, якобы уже сданных железной дороге для перевозки, но фактически недогруженных против

количества, указанного в железнодорожных документах, и оставшихся на складах и базах предприятий грузоотправителей.

Иногда перевезенные железной дорогой грузы похищались на складах и базах грузополучателей путем составления фиктивных внутрискладских актов на несуществующую недостачу прибывших грузов.

Порой хищения производились по взаимному сговору между работниками предприятий грузоотправителей и грузополучателей и работниками транспорта путем составления фиктивных коммерческих актов на недостачу грузов, сознательных недогрузов в вагоны, умышленной отправки грузов в нетранспортабельной, неисправной таре и иными способами.

Из всего этого ясно, какое большое значение имеет слаженность и целеустремленность в работе транспортных и территориальных прокуратур в борьбе за ликвидацию хищений материальных ценностей при операциях, связанных с перевозкой грузов.

Однако в этой области работы у многих органов прокуратуры до сих пор нет такой слаженности.

Транспортные прокуроры, выявляя случаи даже крупных недостач грузов, а также нарушения правил перевозки грузов работниками предприятий промышленности, часто не ставят в известность об этом территориальных прокуроров и сами на них не реагируют.

Иногда транспортные прокуроры пересылают территориальным прокурорам недостаточно проверенные материалы о недогрузках и иных недостачах.

Территориальные прокуроры в свою очередь нередко оставляют без проверки поступившие к ним от транспортных прокуроров материалы о недостачах грузов.

В результате хищения остаются нерасследованными, а виновники ненаказанными.

В 1950—1951 гг. грузополучатели систематически обнаруживали недостачи шелковых и шерстяных тканей, отправлявшихся по железным дорогам латвийской республиканской базой «Главлегсбыт».

Все данные указывали на то, что эти недостачи являлись результатом хищений, совершенных организованной группой. Когда эти обстоятельства получили широкую огласку, управляющий базой Толчеев передал материалы о хищениях в прокуратуру Кировского района г. Риги.

Однако прокуратура Кировского района никакого расследования не произвела.

Между тем хищения тканей продолжались.

В связи с этим прокуратура транспорта провела тщательное следствие, которое установило, что отправлявшиеся латвийской базой «Главлегсбыт» ткани прибыли к месту назначения в ящиках за весом, указанным отправителем, в неповрежденной таре и с ненарушенными пломбами отправителя. При вскрытии же ящиков обнаруживалось хищение тканей до 60 м и более, причем в ряде случаев недостающий вес груза искусственно восполнялся посторонними предметами.

Кроме того, выявлено, что факты хищения тканей имели место на базе «Главлегсбыт». Как-то в помещении экспедиции базы обнаружили кусок шелка в 40 м, подготовленный к хищению.

Поскольку хищение тканей во время перевозки по железным дорогам исключалось, дело в августе 1951 года было передано прокурору Латвийской республики для дальнейшего следствия.

К сожалению, прокуратура республики никаких мер не приняла, и дело о хищениях на рижской республиканской базе «Главлегсбыт» до сих пор не расследовано.

Некоторые территориальные прокуроры вовсе не осуществляют надзора за соблюдением установленных правил по обеспечению сохранности материальных ценностей, предназначенных к сдаче транспорту для перевозки и получаемых от него в пунктах назначения.

Эти серьезные недостатки работы прокуратуры должны быть решительно устранены,— и чем быстрее, тем лучше.

Все транспортные и территориальные органы прокуратуры должны решительно усилить борьбу с хищениями и недостачами материальных ценностей при перевозке и хранении на складах предприятий-грузоотправителей и предприятий-грузополучателей. Особое внимание должно быть обращено на выявление хищений, совершаемых путем недогрузов, а также хищений, скрываемых под видом недостач путем составления фиктивных коммерческих актов и внутрискладских актов.

Необходимо выявлять и привлекать к ответственности, кроме расхитителей, должностных лиц, которые своим попустительством и бесконтрольностью создают условия для хищения грузов.

Транспортные прокуроры обязаны обеспечить тщательный надзор за качеством и полнотой ведомственного расследования всех случаев хищений и недостач грузов, производимого железнодорожной администрацией.

В случаях недогрузов и иных недостач грузов, происшедших по вине грузоотправителей и грузополучателей и требующих вмешательства прокуратуры, транспортные прокуратуры должны своевременно сообщать об этом соответствующим территориальным прокурорам для принятия необходимых мер.

При наличии достаточных оснований транспортные прокуроры должны возбуждать дела, производить с возможной полнотой необходимые следственные действия и, лишь исследовав все данные, касающиеся выполнения обязанностей по перевозкам со стороны работников транспорта, передавать дела по подследственности территориальным прокурорам.

Территориальные прокуроры обязаны осуществлять надзор за соблюдением установленных правил по обеспечению сохранности материальных ценностей, сдаваемых транспорту для перевозки, получаемых от него, а также хранимых на складах грузоотправителей и грузополучателей.

При получении от транспортных прокуроров материалов о недостаче грузов территориальные прокуроры должны немедленно производить проверку в целях выявления и привлечения к ответственности виновных, а следственные дела заканчивать расследованием в кратчайший срок.

Другой важной областью совместной работы транспортных и территориальных прокуратур является борьба за ликвидацию хищений денежных средств, уплачиваемых в связи с железнодорожными перевозками. Железнодорожный транспорт получает огромные суммы за перевозки грузов и пассажиров и за разные, связанные с этими перевозками операции. Транспортные расходы несут почти все учреждения и предприятия. Наряду с этим железнодорожный транспорт выплачивает клиентуре крупные денежные суммы в виде премий за выполнение некоторых элементов грузовой работы, а также по претензиям клиентов о возмещении причиненного им ущерба при перевозках.

При проведении этих хозяйственных операций и взаиморасчетов имеют место хищения денежных средств как работниками транспорта, так и работниками некоторых других государственных и общественных организаций.

Поэтому работа органов прокуратуры должна быть направлена на борьбу с хищениями, совершаемыми как работниками транспорта, так и другими лицами, причем территориальные прокуроры нередко имеют

больше возможностей для выявления хищений денежных средств, совершаемых в предприятиях и учреждениях, являющихся клиентурой железнодорожного транспорта.

Между тем, некоторые территориальные прокуроры стоят фактически в стороне от борьбы с такого рода хищениями. Характерно, что счета по транспортным операциям привлекают внимание территориальных прокуроров и следователей обычно лишь при отыскании доказательств хищения товарных ценностей, например, для установления факта прибытия товара путем сопоставления фактур с транспортными документами, отражающими перевозку данного товара.

Выявлению же хищений денежных средств при транспортных операциях территориальные прокуроры надлежащего внимания не уделяют, а транспортные прокуроры не помогают им в этой работе.

На счетах в бухгалтерии Ленинградского мельничного комбината в течение ряда лет фигурировали крупные суммы, выплачиваемые комбинатом работникам ст. Ленинград-Наволочная Силаеву, Коновалову и др. по «трудовому соглашению» якобы за сопровождение этими железнодорожниками паровозов мельничного комбината на путях станции.

Если бы районный прокурор и участковый железнодорожный прокурор своевременно обратили внимание на это «трудовое соглашение», они установили бы, что оно заключено вопреки постановлению Правительства от 20 апреля 1934 г., запрещающему железнодорожникам работать по совместительству.

По этому «соглашению» мельничным комбинатом было незаконно выплачено указанным работникам станции свыше 50 000 руб.

Одновременно работники станции, встав на антигосударственный путь, предоставляли незаконные льготы мельничному комбинату, не довзыскав причитающихся платежей в пользу дороги в сумме 186 тыс. руб.

Эти преступления были вскрыты не органами прокуратуры.

Подобные недостатки в работе органов прокуратуры также должны быть устранены.

Забота об охране социалистической собственности не ограничивается только охраной ее от расхищения.

Большой ущерб народному хозяйству могут нанести потери от выпуска промышленными предприятиями недоброкачественной продукции.

Поставка на транспорт недоброкачественной промышленной продукции,— особенно рельсов, стрелочных переводов, колес для подвижного состава и другого оборудования, — может повлечь за собой затруднения в нормальной работе отдельных участков транспорта и даже вызвать крушение или аварию поезда.

Успех борьбы с выпуском промышленными предприятиями недоброкачественной продукции также в большой мере зависит от согласованности в работе транспортных и территориальных прокуратур.

Железнодорожное оборудование и отдельные его детали изготовляются по большей части не заводами Министерства путей сообщения, а заводами, входящими в систему других министерств.

В связи с этим нередко дела о выпуске недоброкачественной промышленной продукции транспортные прокуроры направляют по подследственности в территориальные прокуратуры для расследования по месту нахождения предприятия, выпускающего недоброкачественную продукцию.

Для успешного расследования таких дел необходимо, чтобы транспортные прокуроры помогали территориальным прокурорам, которым переданы дела по подследственности, собрать как можно больше мате-

риалов, свидетельствующих о поступлении на железнодорожный транспорт из данного предприятия недоброкачественной продукции.

В свою очередь территориальный прокурор и следователь, расследующие такое дело, не должны ограничиваться материалами, имеющимися на предприятии, а активно выявлять через транспортные прокуратуры факты выпуска предприятием недоброкачественной продукции для железнодорожного транспорта.

Нельзя признать правильными действия следователя прокуратуры Орджоникидзевского района Сталинской области, который, получив дело о выпуске заводом недоброкачественных рельсов, в результате чего от излома одного из этих рельсов произошла авария поезда, вместо расследования дела по существу стал оспаривать без достаточных на то оснований выводы первоначального акта о причинах аварии. По установленному на железнодорожном транспорте порядку первоначальный акт аварии составляет начальник отделения дороги совместно с участковым прокурором. В данном случае выводы акта были подтверждены иными материалами дела. Бывший прокурор Сталинской области т. Ардерихин, также не удосужившись ознакомиться с установленным на железнодорожном транспорте порядком первоначального расследования аварии, согласился с тем, что «первоначальный акт составлен заинтересованным в исходе следствия лицом — начальником отделения дороги и технически неграмотным в этом деле товарищем — прокурором, ввиду чего этот акт не может служить документом, окончательно устанавливающим причины аварии».

Так именно и ответил т. Ардерихин прокурору Северо-Донецкой дороги, который справедливо указывал на то, что нужно произвести тщательное расследование дела в направлении выпуска заводом недоброкачественной продукции.

Одной из первостепенных задач органов прокуратуры является борьба с порчей материальных ценностей из-за нерадивого отношения лиц, на обязанности которых лежит обеспечение сохранности социалистического имущества при его транспортировке и хранении.

От правильной организации этой работы зависит, в частности, сохранность при перевозках таких важных грузов, как промышленное оборудование, сельскохозяйственная продукция, сохранность грузов, направляемых для великих строек коммунизма, сохранность от порчи посадочных и посевных материалов, перевозимых для осуществления Сталинского плана преобразования природы.

Необходимо усилить борьбу с фактами невостребования и невывоза грузополучателями прибывших в их адрес грузов и с фактами бесхозяйственного хранения невостребованных грузов на станциях.

Борьба с преступной порчей социалистического имущества — задача всех органов прокуратуры. Органы прокуратуры должны усилить надзор за исполнением законов, указов, постановлений Правительства об охране социалистического имущества от порчи. Территориальным и транспортным прокурорам необходимо держать связь как между собою, так и с другими местными органами, должны быть использованы все средства для ликвидации фактов преступной порчи социалистического имущества.

Совершенно нетерпим такой факт, когда случай порчи двух вагонов мандаринов, отправленных конторой «Аджарцитруссбыт», не был должным образом расследован ни транспортной прокуратурой Самтредского участка Закавказской ж. д., ни территориальным прокурором Кобулетского района Аджарской АССР. Прокурор Кобулетского района, получив материал об этом случае порчи груза от прокурора Самтредского

участка, вынес постановление «об отказе в возбуждении уголовного дела» без надлежащей проверки материала. Прокурор Аджарской АССР отменил это постановление, предложив прокурору Кобулетского района произвести расследование, что фактически прокурор Кобулетского района также не выполнил,—более того, часть этого материала была утеряна.

К числу наиболее опасных преступлений, борьбу с которыми необходимо усилить совместными действиями транспортных и территориальных прокуроров, относятся приписки к государственной отчетности по выполнению планов работы предприятий.

Такие приписки могут практиковаться в целях сокрытия своей плохой работы, незаконного получения персональных премий и по иной личной заинтересованности. Умышленные недогрузы в вагоны продукции против количества, указываемого в документах, тоже могут использоваться в целях искусственного улучшения показателей выполнения предприятием производственной программы и в целях приписки к отчетности.

Например, гл. инженер одного шахтоуправления Н. умышленно определил вес угля по объему в 0,96 т на кубометр вместо действительного 0,90 т. В результате в вагоны уголь недогружался против количества, указываемого в железнодорожных накладных.

Используя неправильное определение веса, Н., кроме того, понуждал подчиненных ему работников систематически приписывать эту разницу в суточных сведениях о добыче угля, фиктивно увеличивая фактическую добычу.

Таким способом было приписано 3810 т угля сверх добытого фактически, в результате чего было показано выполнение плана добычи угля на 100,8% при фактическом выполнении на 90,4%. На основании этих фиктивных данных Н. получал премии якобы за перевыполнение производственной программы. За совершенное преступление Н. осужден.

Это преступление было раскрыто и дело расследовано прокуратурой Дебальцевского участка Северо-Донецкой ж. д. Оно могло бы быть раскрыто и прежде прокуратурой Сталинской области, будь обращено внимание на то, что по решениям госарбитража при исполкоме Сталинского областного Совета за допущенные недогрузы с указанного выше шахтоуправления были взысканы сотни тысяч рублей.

Выясняя причины таких недогрузов, прокуратура могла бы вскрыть и приписки в государственной отчетности.

Нельзя также признать правильным, что транспортные прокуроры, выявив факты приписок в отчетности в промышленном предприятии, связанные с недогрузами, и направив дело по подследственности в территориальную прокуратуру, в дальнейшем никакой помощи в правильном решении этого дела территориальному прокурору и следователю не оказывают и даже не интересуются, как решено дело.

Так, прокуратурой Дебальцевского участка было вскрыто, что одним шахтоуправлением треста «Ворошиловградуголь» систематически недогружался уголь в вагоны и имели место приписки к отчетности по добыче угля. Направив дело по подследственности прокурору Ворошиловского района Ворошиловградской области, прокурор Дебальцевского участка т. Гройс счел на этом свою миссию законченной. Между тем, в прокуратуре Ворошиловского района, вследствие недобросовестности следователя, принявшего дело к производству, это дело с санкции прокурора района т. Епишева было необоснованно прекращено.

До сих пор нет достаточного контакта в борьбе с непроизводительными задержками предприятиями-клиентурой транспорта железнодорожного подвижного состава под погрузкой и выгрузкой.

Важность этого вопроса объясняется следующим.

Успех работы железнодорожного транспорта, выполнение им государственного плана перевозок во многом зависят от правильности использования подвижного состава, особенно от быстроты оборота вагонов.

Для ускорения оборота вагонов большое значение имеет сокращение простоев вагонов на подъездных путях предприятий промышленности, где производится свыше 80% всей погрузки и выгрузки. Ответственными лицами за правильное использование подвижного состава на этих путях в большинстве являются работники клиентуры железнодорожного транспорта.

Поэтому борьба с непроизводительными простоями вагонов на подъездных путях предприятий промышленности является также совместной задачей органов транспортной и территориальной прокуратур, особенно когда простои вагонов тесно связаны с общей плохой работой предприятия, вызванной бесхозяйственностью, преступным отношением к своим обязанностям должностных лиц.

Железнодорожный транспорт выполняет задачи большой государственной важности — перевозку зерна и других сельскохозяйственных продуктов урожая 1952 года.

Органы прокуратуры свойственными им методами должны содействовать тому, чтобы эти перевозки осуществлялись без задержек и потерь.

Простой груженых вагонов, как и хранение до погрузки в вагоны зерна в ненадлежащих условиях, отправка некондиционного зерна — могут вызвать порчу, утрату зерна, а также непроизводительный простой подвижного состава.

Контактируя свою работу в этой области с транспортными прокурорами, территориальные прокуроры должны особое внимание уделять выявлению фактов хранения зерна в бунтах, в ненадлежащих условиях, в необорудованных помещениях, фактов приема на склады зерна некондиционного, повышенной влажности или зерна, содержащего вредные примеси.

Совместными усилиями органы транспортной и территориальной прокуратур должны повести решительную борьбу с хищениями, утратами и порчей транспортируемой и подготовляемой к перевозке сельскохозяйственной продукции.

Эффективность работы органов прокуратуры предопределяется тем, насколько оперативно она проводится. Эффективность работы зависит от своевременности выявления фактов нарушения законности, раскрытия преступлений, от того, насколько быстро за совершенным нарушением закона, преступлением, последуют наказание виновных и устранение нарушений и неполадок, создающих условия для преступлений. Нельзя запускать, а нужно итти по свежим следам и своевременно пресекать нарушение закона.

Общее значительное снижение преступлений, все большее укрепление социалистической законности во всех звеньях народного хозяйства СССР создают самые благоприятные условия для того, чтобы были резко повышены оперативность и эффективность деятельности органов прокуратуры в борьбе за строгое соблюдение социалистической законности.

Эту задачу государственной важности всегда должны учитывать работники территориальных и транспортных прокуратур, взаимно помогая друг другу в успешном выполнении ее. Необходимо обеспечить такую оперативность следствия по уголовным делам, чтобы они расследовались в срок не свыше одного месяца и лишь по самым сложным делам — в двухмесячный срок. Это особенно необходимо иметь в виду по делам, возбуждаемым одними органами прокуратуры (например, транспортны-

ми) и затем передаваемым по подследственности в другие органы прокуратуры (например, территориальные).

Должны быть приняты все меры для искоренения волокиты при расследовании дел.

Нужно учесть, что в прошлом волокита особенно часто допускалась по делам, передаваемым по подследственности, иногда из-за пререканий транспортных и территориальных прокуроров по вопросу о подследственности, из-за неоднократных пересылок дела из одной прокуратуры в другую.

Отдельные прокуроры и следователи, безответственно относясь к находящемуся в производстве делу, заволокитив следствие по нему, затем стремились направить дело «по подследственности» лишь для того, чтобы замаскировать волокиту. Такие прокуроры и следователи пеклись лишь о том, чтобы на бумаге было все гладко, чтобы в их отчете о работе заволокиченные дела не фигурировали.

Старший следователь прокуратуры Южно-Донецкой ж. д. Примаков, работая без достаточной нагрузки, все же допустил неосновательную задержку в расследовании одного дела, а затем направил его по подследственности прокурору Харцызского района, который вернул дело, что привело к дальнейшей задержке окончания дела. За допущенное нарушение т. Примаков наказан.

Подобные факты бюрократизма и волокиты нужно решительно пресекать.

Необходимо, чтобы прокуроры, организуя свою работу по руководству следствием, пресекали попытки необоснованного направления дела по подследственности.

Некоторые следователи транспортных и территориальных прокуратур, получая отдельные требования по выполнению следственных действий из других органов прокуратуры, затягивают выполнение отдельных требований, смотрят на эту работу как на побочную, второстепенную. Из-за безответственного отношения к отдельным требованиям происходят длительные задержки в расследовании дел.

Прокуроры должны обеспечивать быстрое, в срок не более пяти дней, выполнение отдельных требований. Следователи территориальных прокуратур часто получают отдельные требования транспортных следователей о допросе тех или иных лиц, которые проезжали в поездах и были свидетелями тех или иных нарушений. На своевременное выполнение таких отдельных требований должно быть обращено особое внимание.

Говоря о слаженности работы, вместе с тем нужно подчеркнуть, что в работе территориальных и транспортных прокуратур все же имеется своя специфика и нельзя допускать, чтобы в ущерб делу транспортные прокуроры подменяли территориальных или, наоборот, территориальные прокуроры занимались вопросами, относящимися к компетенции специализированных, транспортных прокуратур.

Только при правильном понимании своих задач территориальные и железнодорожные прокуроры смогут действительно установить слаженность в работе и наладить между собой правильные взаимоотношения и необходимую деловую связь.

С этой же целью следует практиковать совместные совещания работников территориальных и транспортных прокуратур, особенно по усилению борьбы с отдельными, наиболее опасными видами преступлений.

До сих пор таким совместным совещаниям прокуроры не придают должного значения.

Прокурор Московско-Окружной ж. д. т. Крючков за последние два года не присутствовал ни на одном оперативном совещании в прокура-

туре г. Москвы и в областной прокуратуре. Тов. Крючков ссылался на то, что его на такие оперативные совещания не приглашали. Конечно, прокурору г. Москвы и прокурору Московской области следовало бы приглашать транспортных прокуроров на оперативные совещания по вопросам, касающимся их совместной работы. Однако и прокурору Московско-Окружной ж. д. т. Крючкову, как и другим транспортным прокурорам г. Москвы, нужно бы было проявить инициативу по контактированию работы с территориальными прокурорами, не дожидаясь особых приглашений.

Крайне необходимо, чтобы прокуроры республик, краевые, областные и городские прокуроры почаще приглашали на совещания транспортных прокуроров по вопросам, успешное решение которых требует контактирования действий и совместного принятия мер со стороны территориальных и транспортных прокуратур.

Должны быть использованы все возможности, чтобы достигнуть наибольшего эффекта совместной работы территориальных и транспортных прокуроров по выполнению задач, которые ставят перед органами прокуратуры Коммунистическая партия и Советское правительство.

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ УЛУЧШЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Заместитель Министра юстиции СССР
В. Ширвинский

Перед органами нотариата стоят ответственные задачи. Законом на них возложено совершение разнообразных юридических действий, имеющих важное значение во взаимоотношениях между государственными организациями и между гражданами.

Нашим законодательством установлено обязательное нотариальное удостоверение ряда сделок и договоров, возникающих в процессе осуществления государственными и кооперативными организациями своих полномочий, в процессе выполнения ими своих административно-хозяйственных функций.

Статья 137 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик устанавливают, что обязательному нотариальному удостоверению подлежат договоры государственных учреждений и предприятий, кооперативных и общественных организаций с частными лицами на сумму свыше тысячи рублей, за исключением договоров, специально перечисленных в той же статье.

Несоблюдение этого условия влечет за собой недействительность договора. Возникающие из него для сторон права и обязанности не охраняются законом, так как несоблюдение нотариальной формы лишает их юридической силы.

Весьма важное значение для охраны интересов государства имеют действия нотариальных контор по взысканию с должников, при отсутствии спора, денежных сумм или имущества путем выдачи исполнительных надписей. По этим исполнительным надписям производится в принудительном порядке взыскание долга. Так, например, взыскание по исполнительной надписи может быть произведено по извещениям управлений железных дорог, речных и морских пароходств об удовлетворении претензий клиентуры по перевозкам грузов, по документам о взыскании просроченных ссуд, выданных кредитными учреждениями, о взыскании задолженности по квартирной плате, по абонементной плате за пользование радиоприемниками и пр.

В обязанность нотариусов входит также наложение запрещений на строения в обеспечение выдаваемых коммунальным и сельскохозяйственным банками или филиалами Государственного банка ссуд на индивидуальное жилищное строительство, ремонт домов.

Нотариальные конторы совершают ряд других юридических действий, направленных на ограждение интересов государства и связанных с отправлением государственными органами их полномочий. Многообразны юридические действия, совершаемые нотариальными органами в связи с осуществлением гражданами широких прав, гарантированных им советскими законами. Гражданские правоотношения, в которые вступают между собой отдельные граждане, имеют целью удовлетворение материальных и культурных нужд. Среди различного рода сделок, договоров и соглашений, заключаемых гражданами, важное место занимают те из них, которые связаны с использованием права личной собственности.

В советской стране гармонически сочетаются государственные и личные интересы. Большевистская партия, Советское правительство, великий вождь товарищ Сталин проявляют неустанную заботу о непрерывном улучшении жизненных условий народа. Личная собственность граждан неразрывно связана с социалистической собственностью. По мере роста общественных богатств возрастает благосостояние граждан, повышается материальный уровень жизни населения.

Вредители на правовом фронте, стремившиеся ослабить советское государство, с пеной у рта ратовали за ликвидацию нотариата как института якобы буржуазного, излишнего в условиях советского строя. Они злонамеренно отождествляли советский нотариат с нотариатом капиталистическим, всячески вуалируя их коренное, принципиальное отличие.

Нотариат при капитализме есть придаток к реакционному судебному аппарату. Главное назначение нотариата в капиталистических странах, как и суда, — это охрана частной собственности, представляющей собою основу буржуазного строя, орудие закабаления трудящихся. Контора буржуазного нотариуса — это обычно место, где творятся темные дела, где аферы и мошенничество находят свое прибежище, укрытые от взоров любопытных, где изыскиваются различные средства и способы обойти интересы слабейшей стороны, запутать неискушенных, обобрать трудящихся.

Буржуазные нотариусы в подавляющем большинстве — верные слуги капиталистов, получающие от них подачки в виде вознаграждения за оказанные им услуги по выколачиванию прибылей.

Нотариат в условиях советского строя коренным образом отличается от нотариата буржуазных государств. Нотариальные органы в нашей стране — это прежде всего органы Советского государства, главной задачей которых является обеспечить строжайшее соблюдение законов при совершении многочисленных и многообразных юридических актов. Советские законы выражают волю народа, политику большевистской партии, являющуюся жизненной основой советского строя.

Наш советский нотариус является представителем социалистического государства. В его обязанность входит зорко охранять интересы государства, стоять на страже гарантированных законом прав советских граждан. Демократизм советских нотариальных органов находит свое яркое выражение также и в том, что закон требует от нотариусов оказывать трудящимся активное содействие в ограждении их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность и иные обстоятельства не могли быть использованы им во вред. Нотариальные органы проводят значительную работу по юридическому обслуживанию граждан, предприятий и учреждений. Нотариусы систематически разъясняют населению советские законы, оказывают серьезную помощь сельским советам при выполнении ими нотариальных действий. Из года в год растет культура работы нотариальных органов, проводится ряд мер, направленных на создание максимума удобств населению в совершении юридических действий.

Однако в деятельности нотариальных органов все еще имеются серьезные недостатки. Некоторые государственные нотариусы при совершении нотариальных действий допускают нарушения закона и постановлений правительства.

В чем же именно состоят эти нарушения? Не собираясь осветить все нарушения, мы считаем необходимым в этой статье вкратце охарактеризовать самые серьезные из них с тем, чтобы показать характер нарушений и предостеречь нотариусов от подобных отступлений от закона в будущем.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» установлены размеры участков, отводимых гражданам для строительства индивидуальных жилых домов.

Совершенно очевидно, что нотариусы не вправе удостоверять договоры о предоставлении земельных участков под индивидуальное жилищное строительство с превышением установленных размеров. Между тем в ряде случаев такие договоры удостоверяются, хотя они заключены в прямое нарушение установленного законом порядка.

Нотариус второй нотариальной конторы г. Дзержинска Горьковской области т. Радаева удостоверила 15 договоров о предоставлении в бессрочное пользование земельных участков в размерах, превышающих установленную для городов предельную норму на 200—500 кв. м. Нотариальная контора г. Щорс Черниговской области удостоверила 8 договоров с превышением установленных размеров земельных участков. Такие факты имели место также в Туркмении, Таджикской ССР, Грузинской ССР.

В этой связи следует отметить, что порой нотариусы удостоверяют договоры об отводе земельных участков под строительство, размеры которых хотя и не превышают установленных предельных норм, но не соответствуют размерам, указанным в решениях исполнительных комитетов городских советов. Так, например 1-я нотариальная контора г. Одессы в 1950—1951 гг. удостоверила много таких договоров.

Весьма важное значение имеет при удостоверении сделок купли-продажи строений разъяснение сторонам ст. 182 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик. Опыт показывает, что некоторые лица совершают куплю-продажу жилых строений с нарушением требований этой статьи, стараются обойти закон.

Отдельные нотариальные конторы иногда не выполняют прямого требования Министерства юстиции СССР об указании в тексте договора перед подписанием сторон на разъяснение им содержания ст. 182 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик и тем самым помогают тем, кто превращает куплю-продажу жилых строений в промысел, извлекая нетрудовые доходы. Такие нарушения были допущены, например, в 1-ой Ленинградской нотариальной конторе в 1951 году по тринадцати договорам, а в Черниговской нотариальной конторе за 1950—1951 гг. — по тридцати двум договорам.

До сих пор не покончено с нарушением норм, регулирующих право общей собственности. Это имеет место, в частности, в ряде нотариальных контор Армянской ССР. Нотариусы г. Еревана тт. Дзаян, Овакимян и Тиратурян удостоверяли договоры о продаже реальных частей жилых строений, принадлежащих нескольким лицам на праве общей собственности. Повидимому, эти нотариусы не уяснили себе самой сущности права общей собственности, означающей, что каждый из собственников имеет право не на какую-то реальную часть дома или вещи, а на всю вещь или дом, но в определенной доле. Поэтому каждый собственник любого объекта, принадлежащего нескольким лицам, может продать не реальную часть имущества, а долю в праве на весь объект.

Наш закон возлагает на нотариусов обязанность охраны имущества, оставшегося после умерших, если налицо нет никого из наследников. Эти действия имеют целью предотвратить возможность расхищения имущества и обеспечить права наследников, а также интересы государства, в собственность которого переходит выморочное имущество. Нотариусы должны принимать меры по охране имущества немедленно: согласно положению о государственном нотариате нотариусы обязаны принять меры охранения наследственного имущества не позднее двух дней после

подачи заявления государственных учреждений, общественных организаций или заинтересованных лиц.

Однако не всегда этот срок соблюдается, и нотариальные конторы мешкают с принятием мер по охране имущества, подвергая его опасности расхищения или пропажи. В 1-ой Ленинградской конторе из 320 заявлений, поступивших в 1951 году, по 143 меры охранения были приняты с нарушением установленного срока. Случаи несвоевременного принятия мер охранения наследственного имущества имели место в практике работы 1-ой Киевской нотариальной конторы и др.

При выполнении одной из сторон взятых обязательств, как правило, установлен судебный порядок взыскания долга, и лишь в виде исключения, в ограниченных притом случаях, когда с бесспорностью и несомненностью из документов явствует задолженность или иная ответственность должника перед взыскателем, нотариальным конторам предоставлено право выдавать исполнительные надписи на принудительное взыскание долга. Перечень документов, по которым взыскание производится на основании исполнительных надписей государственных нотариальных контор, устанавливается советом министров союзной республики, и он не может быть расширен нотариальными конторами.

Исполнительные надписи могут выдаваться в пределах установленного законом срока исковой давности. Однако, в ряде случаев нотариусы при выдаче исполнительных надписей на документах, содержащих обязательства должника, нарушают указанные выше правила. В частности, исполнительные надписи некоторые нотариальные конторы выдают либо без представления сведений о сроках образования задолженности, либо с пропуском срока исковой давности. Это касается, к примеру, 1-ой нотариальной конторы г. Киева и др.

Статья 114 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик устанавливают, что при невозможности передачи кредитору следуемых денег или ценных бумаг должник может внести их в депозит государственных нотариальных контор для передачи по принадлежности. На обязанности нотариальных контор лежит не только принятие в депозит соответствующих сумм и ценных бумаг, но и извещение об этом кредитора. Нотариальные конторы должны поставить в известность государственную организацию или гражданина о том, что в погашение следуемого им долга поступила в депозит такая-то сумма от того или иного должника с тем, чтобы кредитор смог решить вопрос о принятии долга. Это тем более важно, что невостребованные суммы или ценные бумаги, поступившие в депозит нотариальных контор, по истечении установленного срока перечисляются в государственный бюджет.

Как показывают материалы ревизии нотариальных контор, во многих случаях учреждения, организации и отдельные лица вовсе не извещаются о суммах, поступивших в депозит на их имя. Такие нарушения допускали нотариусы 7-ой нотариальной конторы г. Горького т. Аврова, Щелковской конторы Московской области т. Куприянова, Елинской конторы Московской области т. Филатова, Серпуховской конторы Московской области т. Малахова, Коломенской конторы Московской области т. Морозова и др.

Совершенно недопустимо, когда нотариусы ряда нотариальных контор (1-ой Ленинградской — т. Молкачева, 2-ой Московской — т. Никольская, 9-й Московской — т. Фокина, 1-й Киевской — т. Щехтман, Ашхабадской нотариальной конторы — т. Частопольская и др.) своевременно не перечисляли в государственный бюджет невостребованные суммы, срок хранения которых истек.

Не устранены до сих пор ошибки нотариусов при удостоверении доверенностей. Зачастую нотариусы удостоверяют доверенности с превышением полномочий, предусмотренных основной доверенностью. Такие факты имели место в 1-й Киевской нотариальной конторе, Саятской нотариальной конторе Чарджоуской области, Иостанской нотариальной конторе Марыйской области и др.

Вот неполный перечень тех основных нарушений закона и постановлений правительства, которые допускают нотариусы при совершении нотариальных действий. Чем же объясняются эти нарушения? Они объясняются, во-первых, тем, что некоторые нотариальные работники недостаточно знают законы, постановления правительства, инструкции и правила, коими нужно руководствоваться. Они мало работают над повышением своих юридических знаний, деловой квалификации. Хотя за последние четыре года число нотариусов, имеющих высшее юридическое образование, увеличилось вчетверо, среднее юридическое образование — втрое, до сих пор еще есть нотариусы, которые не имеют необходимой подготовки и нигде не учатся.

К сожалению, некоторые нотариусы считают, что если они должным образом овладели техникой нотариального дела, то могут обойтись без высшего и даже среднего юридического образования. Это вредный и ошибочный взгляд. Нотариус обязан хорошо разбираться в самых сложных и разнообразных вопросах гражданского права и процесса, быть в курсе последних теоретических работ по этим вопросам, являться знатоком советского законодательства. Правильное применение законов, в которых выражена политика большевистской партии, воля советского народа, может обеспечить лишь политически зрелые работники, овладевшие теорией марксизма-ленинизма, юридически хорошо подготовленные и неустанно повышающие свои знания.

Необходимо всех без исключения нотариусов, не имеющих соответствующей юридической подготовки, вовлечь в заочную юридическую учебу, создать им нужные условия для успешного выполнения учебных планов и оказать им действенную помощь в том, чтобы они умело сочетали хорошую учебу с образцовым выполнением своих государственных обязанностей.

В этой связи нам хотелось бы отметить, что программы высших юридических учебных заведений и юридических школ по гражданскому праву и гражданскому процессу, а также учебники по этим дисциплинам недостаточно уделяют внимания вопросам, касающимся деятельности нотариальных органов. Достаточно указать, что в программе по советскому гражданскому процессу для юридических школ на 1951 год на лекции и практические занятия по теме «Советский нотариат» отведено всего восемь учебных часов. Создается впечатление, что при организации учебного процесса исходят из того, что работа в нотариальных органах не имеет своей специфики, что она не отличается особенностями, освоение которых требует определенных усилий и специальных знаний. Такую точку зрения нельзя признать правильной. Она сказывается в известной мере и на организации производственной практики студентов. Юридические вузы не направляют студентов для прохождения производственной практики в нотариальные конторы. Юридические школы отводят для практических занятий в нотариальных конторах только пять дней. Поэтому получается, что направляемые на работу в нотариальные органы, окончившие юридические институты и юридические факультеты университетов, обнаруживают свое незнакомство с элементарными началами практической деятельности нотариусов.

Министерству высшего образования СССР и Управлению учебных

заведений Министерства юстиции СССР необходимо принять меры к тому, чтобы в программах высших и средних юридических учебных заведений, в учебниках, при организации учебного процесса и прохождении производственной практики студентов вопросам работы нотариата было уделено то внимание, которое они заслуживают.

Серьезную роль в деле повышения квалификации нотариальных работников должно сыграть подготовляемое Министерством юстиции СССР к изданию пособие для нотариусов. В этом пособии будут освещены различные стороны деятельности органов нотариата, изложены основные положения гражданского права и процесса, с которыми повседневно сталкиваются нотариусы, разъяснены наиболее сложные вопросы, решение которых вызывает известные трудности. Должное внимание будет уделено в пособии вопросам организации работы нотариальных органов с учетом многолетнего опыта и практики работы нотариусов.

Нарушения законов и постановлений правительства, во-вторых, в ряде случаев допускаются из-за небрежности, проявляемой отдельными нотариусами при совершении нотариальных действий. К сожалению, не все работники нотариата прониклись чувством высокой ответственности за выполнение своего служебного долга. Все еще имеются такие нотариусы, которые не считаются с требованиями закона.

Абсолютно недопустимо, чтобы государственный нотариус, основной обязанностью которого является обеспечение строжайшего соблюдения законности при совершении нотариальных действий, сам допускал грубые нарушения закона из-за безответственного отношения к делу.

Нужно отметить, что не всегда нарушения закона отдельными нотариусами получают должную оценку и осуждение. Некоторые руководящие работники министерств юстиции союзных и автономных республик, а также областных и краевых управлений юстиции мирятся с подобными фактами, не принимают необходимых мер воздействия в отношении виновников нарушений законов и постановлений правительства. Такие руководители, повидимому, забывают, что замазывание ошибок, потакание недостаткам приносят непоправимый вред делу. Большевистская принципиальность, непримиримое отношение к недостаткам, строгая требовательность — вот что необходимо для правильного воспитания кадров.

В практике нотариальных органов еще не изжиты случаи растрат и присвоения государственных средств. Это свидетельствует о неправильном подборе в ряде мест кадров нотариусов. Иногда нарушается большевистский принцип подбора кадров по политическим и деловым качествам. На работу нотариусов в некоторых случаях назначаются лица без должной проверки. При этом забывается, что такие ответственные государственные должности могут занимать люди безукоризненной честности, высокой моральной чистоты.

Необходимо признать, что позорные факты растрат государственных средств, случаи грубого нарушения закона по небрежности являются также результатом недостаточной политико-воспитательной работы среди нотариусов. Необходимо всемерно усилить эту работу, неустанно воспитывать нотариусов в духе строжайшего соблюдения закона, сознательного выполнения служебного долга, бережного отношения к государственному добру. Нужно всемерно усилить контроль над деятельностью нотариальных контор.

Как известно, контроль за работой нотариальных органов осуществляется двояким путем: при помощи документальных ревизий органов Министерства финансов по взиманию государственной пошлины и ведения депозитных операций и ревизий оперативной работы нотариальных контор, проводимых Министерством юстиции СССР, министерствами

юстиции союзных и автономных республик, а также областными и краевыми управлениями юстиции. Причем ревизоры органов юстиции проверяют и правильность взимания государственной пошлины, а также операций по депозиту, постановку учета, своевременной и полной сдачи в учреждения банка денежных средств и ценностей. Казалось бы такой двойной контроль должен был исключить возможность злоупотреблений с государственной пошлиной или во всяком случае помочь быстро вскрывать такие злоупотребления. Однако, отдельные преступники, пробравшиеся в органы нотариата, в течение продолжительного времени расхищали государственные средства.

Это происходит потому, что органы Министерства финансов СССР и в особенности органы Министерства юстиции СССР нарушают установленный порядок в проведении ежегодных документальных ревизий нотариальных контор. Местные финансовые органы недостаточно выполняют возложенные на них законом обязанности по проведению ревизий по взиманию нотариальными конторами государственной пошлины. Так, например, финансовые органы не ревизовали на протяжении трех лет (с 1949 по 1951 год) нотариальные конторы Волынского, Измалковского и Новосильского районов Орловской области.

Министерство юстиции СССР обязано улучшить ревизионную работу и обеспечить проведение ревизий нотариальных контор не реже одного раза в год. Министерство финансов СССР должно ежегодно проводить в нотариальных конторах ревизии депозитных операций и правильности взимания государственной пошлины. Положениями о государственном нотариате союзных республик руководство практической деятельностью нотариальных контор возложено на министерства юстиции союзных и автономных республик.

Бесспорно, что одним из важнейших средств конкретного и оперативного руководства нотариальными органами являются ревизии. Ревизии позволяют непосредственно на месте, в процессе изучения людей и их практической работы, выяснить состояние дел в той или иной нотариальной конторе. Во время ревизий представители министерств юстиции республик и их подведомственных органов получают возможность непосредственного общения с низовыми работниками, узнать их нужды и запросы, выяснить назревшие вопросы практической деятельности нотариальных контор. Проверяя работу и выявляя недостатки, ревизор может немедля принять меры к их устранению. Правильно проводимая ревизия обязательно предполагает оказание ревизором действенной помощи работникам ревизуемой нотариальной конторы в улучшении ее деятельности.

Однако, всех этих целей можно достичь, если ревизии будут проводиться регулярно и на высшем уровне.

Как указано выше, в ряде случаев ревизии деятельности нотариальных контор не проводились подолгу. Это объясняется в первую очередь серьезными недостатками в организации ревизионной работы большинства министерств юстиции союзных и автономных республик, а также областных и краевых управлений юстиции. В некоторых местах имеющиеся ревизоры по нотариату используются не по прямому назначению.

В известной мере существенные недостатки в ревизионной работе объясняются также тем, что в некоторых областных и краевых управлениях, а также министерствах юстиции союзных республик не предусмотрены специальные ревизоры по нотариату. Ввиду этого правительство сочло необходимым увеличить штаты ревизоров по нотариату в министерствах юстиции союзных и автономных республик и в управлениях юстиции в краях и областях.

Серьезным недостатком является и то, что руководящие работники министерств юстиции союзных республик и областные управления юстиции крайне мало принимают участие в ревизиях нотариальных контор и поэтому судят об их работе только по бумагам.

Кроме того, нередко ревизии носят поверхностный характер. Они не выявляют серьезных недостатков в работе отдельных нотариальных контор, фактов нарушения закона при совершении нотариальных действий и даже злоупотреблений. Зачастую ревизоры глубоко не вскрывают причин недостатков, не задумываются над тем, почему тот или иной нотариус из года в год работает плохо, в чем корень ошибок нотариуса. Проходя мимо этих важных вопросов, не разобравшись в причинах недостатков, ревизор лишен возможности дать правильную оценку работы и наметить меры по устранению недостатков, по улучшению работы ревизуемой нотариальной конторы.

Иногда ревизоры из-за недостаточного знания действующего законодательства дают нотариусам явно неправильные указания, противоречащие закону и постановлениям правительства, что, естественно, сбивает нотариусов с правильных позиций и запутывает их.

Некоторые ревизоры, вскрывая грубые нарушения закона, не проявляют необходимой принципиальности, пытаются всячески смягчить вину нотариуса, допустившего их, выгораживают нарушителей закона. Старший ревизор по нотариату управления Министерства юстиции РСФСР по Вологодской области т. Оборина, обнаружив в результате ревизии Устюженской нотариальной конторы, что нотариус т. Покровская систематически и грубо нарушает законы, не потребовала даже письменных объяснений от нотариуса по поводу безответственного отношения к порученной работе.

При ревизии работы нотариальной конторы Кагановичского района Ферганской области старший ревизор управления Министерства юстиции Узбекской ССР по Ферганской области т. Курбанов обнаружил грубейшие нарушения порядка удостоверения сделок, факты присвоения государственной пошлины, случаи незанесения сделок в реестр. Было также установлено, что нотариус Мирзаева систематически не оставляет в конторе первых экземпляров удостоверенных договоров с тем, чтобы лишить возможности контроля за правильностью взимания государственной пошлины и законностью совершения нотариальных действий. Несмотря на явные злоупотребления Мирзаевой по службе, Курбанов не потребовал объяснений и не поставил вопроса об отстранении ее от должности.

Действенность ревизии, ее влияние на улучшение работы ревизуемой организации, как известно, зависит во многом от своевременной дачи указаний по итогам ревизии, от быстрого принятия мер к устранению выявленных недостатков. Весьма важно заслушать результаты ревизии на заседании коллегии министерств юстиции союзных и автономных республик или на оперативных совещаниях при начальниках областных управлений юстиции, где на основе принципиальной критики и самокритики должна быть дана оценка состояния работы нотариальной конторы, подвергшейся ревизии, и намечены конкретные меры по улучшению ее деятельности.

Нужно отметить, что некоторые министерства юстиции союзных республик, в частности Армянской, Туркменской, Карело-Финской, не обсуждают на заседаниях коллегий результатов ревизий нотариальных контор. Так в 1951 году министерство юстиции Армянской ССР проверило работу девяти нотариальных контор, а обсудило на коллегии итоги только одной ревизии. На заседании коллегии МЮ Туркменской ССР в 1951 году тоже были обсуждены результаты одной ревизии, хотя за

то время были проведены ревизии восьми нотариальных контор. В министерстве юстиции Карело-Финской ССР не только не заслушиваются такие вопросы на заседаниях коллегий, но вообще не дается указаний по результатам ревизий. Таким образом, руководство министерства самоустранилось от ревизионной работы, полностью передоверив ее ревизору по нотариату. Неудивительно поэтому, что в деятельности нотариальных органов Карело-Финской ССР имеются серьезные недостатки, хотя ревизии проводятся регулярно и все конторы своевременно проверяются.

Получается, что ревизии не достигают своей основной цели — улучшения работы низовых органов. Только в том случае можно считать, что ревизия проведена на высоком уровне, если она выявила недостатки и положительные стороны и помогла улучшению работы. В результате такой ревизии уровень работы нотариальной конторы, подвергшейся проверке, должен повышаться.

К ревизорам органов юстиции целиком и полностью относятся слова товарища Сталина, сказанные им на совещании работников РКИ о главном в ревизии. Товарищ Сталин указывает, что главное заключается «...прежде всего в том, чтобы изучать ревизуемые учреждения, изучать вдумчиво, изучать серьёзно, изучать недостатки и достоинства, и двигать дальше дело совершенствования этих учреждений» [1].

Министерство юстиции СССР разработало методические указания по проведению ревизии нотариальных органов, имеющие целью помочь ревизорам правильно организовать и провести ревизию. В этих указаниях, в частности, предусматривается обсуждение итогов ревизий нотариальных контор, как правило, на заседаниях коллегий министерств юстиции союзных и автономных республик и на оперативных совещаниях при начальниках управлений министерств юстиции областей и краев. Необходимо в ближайшее же время добиться решительного улучшения ревизионной деятельности и тем самым повысить уровень руководства нотариальными конторами.

Важную роль в этом деле должен сыграть отдел нотариата Министерства юстиции СССР. Необходимо отметить, что работа этого отдела также страдает серьезными недостатками. Он, в частности, мало проверяет работу отделов нотариата министерств юстиции союзных республик по осуществлению ими контроля за деятельностью нотариальных контор. Отдел нотариата Министерства юстиции СССР еще слабо связан с работниками нотариата министерств юстиции союзных и автономных республик и управлениями министерств юстиции краев и областей.

Большевистская партия придает огромное значение делу изучения и распространения положительного опыта.

Среди многочисленного коллектива советских нотариусов немало таких, которые образцово выполняют свой служебный долг, хорошо организуют и проводят работу, добились положительных результатов в своей практической деятельности. Необходимо тщательно изучить опыт работы лучших нотариусов, сделать его достоянием всех нотариальных работников, проявить заботу о том, чтобы его восприняли повсеместно.

Задача Министерства юстиции СССР, министерств юстиции союзных и автономных республик, управлений министерств юстиции в областях и краях, всех нотариальных работников состоит в том, чтобы обеспечить безусловное выполнение указаний правительства и в ближайшее время добиться решительного повышения уровня работы нотариальных органов и укрепления законности в их деятельности.

---

[1] Сталин, Соч., т. 4, стр. 367.

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ТРЕБОВАНИЯМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ОТНОШЕНИЙ ПО ПЕРЕВОЗКАМ

И. Ринг

Неоднократные постановления Пленума в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР о порядке исчисления сроков исковой давности по требованиям, вытекающим из отношений по перевозке, свидетельствуют о том, что суды нередко испытывают затруднения в определении начального момента течения сроков давности. Объясняется это тем, что законодательством о перевозках в большинстве случаев предусмотрены весьма своеобразные правила исчисления сроков исковой давности; затем следует отметить тот факт, что начало течения давностных сроков увязано с истечением претензионных сроков и неправильное исчисление последних, естественно, отражается на исчислении сроков исковой давности; кроме того, сказывается известная сложность правоотношений по перевозкам.

Ознакомление с судебной практикой по данной категории споров приводит к выводу, что неправильное определение начального момента течения сроков исковой давности приводит либо к удлинению, либо к сокращению установленных законом давностных сроков, т. е. к сохранению ответственности транспортных организаций или клиентуры тогда, когда эта ответственность в силу закона должна быть признана прекратившейся, или, наоборот, к освобождению от ответственности транспортных организаций, либо клиентуры в тех случаях, когда эта ответственность в силу закона должна быть признана существующей.

Определение начального момента течения сроков исковой давности по требованиям к транспортным организациям, вытекающим из отношений по перевозке, как это показывает анализ законодательства о перевозках, увязано с порядком исчисления претензионных сроков таким образом, что суд, чтобы выяснить, не предъявлен ли иск по истечении срока давности, должен: а) определить предусмотренные Уставом железных дорог или Воздушным кодексом сроки на заявление претензий, либо установить на основании Устава внутреннего водного транспорта или Кодекса торгового мореплавания время, которое было потрачено на заявление претензии, а также начало течения этих сроков; б) определить сроки, в течение которых органы транспорта обязаны были рассмотреть претензию и уведомить заявителя об ее удовлетворении или отклонении (полностью или частично), а если ответа на претензию не последовало, — определить дату истечения срока, установленного для ответа на заявленную претензию.

При исчислении сроков исковой давности суды не всегда присоединяют к претензионным и давностным срокам время, необходимое на доставку документов органами связи. Например, Верховный суд Грузинской ССР пришел к выводу, что Тбилисская бумажная фабрика предъявила иск к Управлению Закавказской железной дороги с пропуском срока, предусмотренного ст. 96 Устава железных дорог. Отменяя это определение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отметила, что срок исковой давности был исчислен без учета

времени доставки документов органами связи [1]. В дальнейшем Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 17 марта 1950 г. № 6/14/п «Об исчислении давностного срока по претензиям, вытекающим из договоров перевозки и буксировки на внутреннем водном транспорте, а также из договоров перевозки на судах государственных мореходных предприятий СССР» указал на необходимость при исчислении претензионных и давностных сроков принимать во внимание время доставки документов (претензии, ответа на претензию) органами связи [2].

Такова общая схема исчисления сроков исковой давности. Она должна быть конкретизирована применительно к тем особенностям, которые предусмотрены соответствующими нормативными актами, устанавливающими порядок исчисления претензионных и давностных сроков по железнодорожным, воздушным, внутренневодным и морским перевозкам.

Статья 96 Устава железных дорог предусматривает следующий порядок исчисления срока исковой давности для требований клиентуры к железной дороге: «если претензия отклонена или оставлена без ответа, заявителю предоставляется на предъявление иска 2 месяца со дня получения ответа от железной дороги или со дня истечения срока, установленного для ответа от железной дороги».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отметила ошибку, допускаемую судами при определении начала течения срока давности в тех случаях, когда железная дорога оставила заявленную претензию без ответа в течение установленного срока. Так, Челябинский областной суд решением от 16 апреля 1948 г. отказал в иске комбинату «Джетигарзолото» к Управлению Южно-Уральской железной дороги о возмещении стоимости недоставленного груза по мотивам пропуска срока исковой давности. Решение областного суда и определение Верховного суда РСФСР от 15 января 1949 г. по данному делу отменены Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР, которая в точном соответствии со ст. 96 Устава железных дорог указала: поскольку от Управления Южно-Уральской железной дороги не последовало ответа в установленный срок, двухмесячный давностный срок должен исчисляться со дня истечения срока для ответа, а не со дня получения уведомления об отклонении претензии, поступившего с опозданием [3].

Начало течения шестимесячного срока на заявление претензии, как известно, согласно той же ст. 96 Устава железных дорог, зависит от характера заявленной претензии.

Во всех случаях, специально не отмеченных в ст. 96 Устава железных дорог, этот срок исчисляется с момента наступления того обстоятельства, которое послужило основанием для предъявления претензии. Например, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 13 августа 1948 г. № 15/17/у «О сроках на предъявление исков по некоторым требованиям, вытекающим из перевозки грузов по железнодорожным и внутренним водным путям» указал, что срок на предъявление претензии о признании неправильным начисления штрафа за простой и недогруз вагонов или о возврате неосновательно списанных в бесспорном порядке штрафных сумм исчисляется со дня получения заявителем копии

---

[1] Определение по делу № 36/1246 — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 1.

[2] «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11.

[3] Определение по делу № 36/439 — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 10.

платежного требования (счета) железной дорогой, т. е. с момента возникновения права на оспаривание требования о взыскании штрафа [1]. Аналогичное указание в отношении споров владельцев подъездных путей с железными дорогами содержится в инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР от 14 июня 1949 г. № И-1-32 [2].

Чтобы в каждом конкретном случае начало течения срока исковой давности было определено правильно, необходимо, конечно, знать также продолжительность сроков, которые установлены для рассмотрения претензий и для ответа на заявленную претензию.

Устав железных дорог предусматривает диференцированные сроки (от 45 дней до шести месяцев) для ответа на претензию, исчисляемые со дня получения претензии (ст. 97 Устава железных дорог).

Если заявленная железной дороге претензия не рассмотрена ввиду непредставления требуемых Уставом железных дорог претензионных документов и эти документы затем были представлены со вторичным заявлением претензии в пределах срока, установленного ст 96, — срок на рассмотрение претензии должен быть исчислен со дня заявления вторичной претензии. Это обстоятельство иногда не учитывают суды при определении начального момента течения срока давности.

Куйбышевский областной суд решением от 14 июля 1941 г. отказал в иске за пропуском срока давности Куйбышевской межобластной конторе «Главхимснаба» к Управлению Куйбышевской железной дороги о взыскании стоимости спирта, проданного в порядке ликвидации невостребованного груза. Определением Верховного суда РСФСР от 28 августа 1941 г. жалоба истца оставлена без последствий. Материалами по делу установлено, что груз был ликвидирован 21 декабря 1940 г., а претензия была заявлена Куйбышевской межобластной конторой «Главхимснаба» в срок, предусмотренный ст. 96 Устава железных дорог. Управление Куйбышевской железной дороги отношением от 29 марта 1941 г. уведомило Куйбышевскую межобластную контору «Главхимснаба» о том, что претензия не подлежит удовлетворению вследствие непредставления справки об оплате груза отправителю. В связи с этим Куйбышевской межобластной конторой «Главхимснаба» 15 апреля 1941 г., т. е. в пределах шестимесячного срока, была направлена Управлению Куйбышевской железной дороги справка об оплате груза. Ответ железной дороги об отказе удовлетворить претензию Куйбышевская межобластная контора «Главхимснаба» получила 29 мая 1941 г., и, следовательно, последним днем, когда иск мог быть удовлетворен, являлось 29 июля 1941 г., а иск был предъявлен 11 июня 1941 г., т. е. в срок, установленный ст. 96 Устава железных дорог. Как Куйбышевский областной суд, так и Верховный суд РСФСР не учли, что первая претензия не была рассмотрена железной дорогой из-за непредставления справки об оплате груза и что вви-

[1] Определение № 554 — 1942 г. по иску Управления строительства № 81 — КА к Управлению Приморской ж. д., Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1942 г., 1947.

[2] Суды до указания Пленума от 13 августа 1948 г. иногда считали, что течение срока на предъявление претензий о возврате сумм, списанных в безакцептном порядке в качестве штрафа за простой вагонов, начинается с момента уведомления банка о производстве им списания штрафных сумм (определение по д. № 36/2 по иску завода «Красный Октябрь» к Управлению Юго-Восточной ж. д. — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. II).

Арбитражная практика до июня 1949 года считала необязательным претензионный порядок по этой категории споров и исчисляла срок давности по искам о возврате взысканных железной дорогой штрафов с того дня, когда платежное требование приобрело силу исполнительного документа, т. е. с момента поступления платежного требования в банк («Арбитраж» 1938 г. № 20, стр. 25; «Арбитраж» 1939 г. № 13, стр. 31—32; 1939 г. № 19—20, стр. 29—30).

ду этого претензия была заявлена вторично в срок, указанный ст. 96 Устава железных дорог, с представлением требуемых документов. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение и определение по данному делу и указала на необходимость исчисления срока исковой давности со дня заявления вторичной претензии.

Лишь после отклонения заявленной претензии (полностью или частично) либо оставления ее без ответа в течение указанных сроков начинается течение двухмесячного срока давности по искам клиентуры к железной дороге.

Шестимесячный или годичный (при смешанных железнодорожно-водных или железнодорожно-водно-воздушных перевозках) давностный срок по искам, предъявляемым железной дорогой к клиентуре (грузоотправителям, грузополучателям или пассажирам) об уплате штрафов и о возмещении убытков, начинает течь с того момента, когда у железной дороги возникло право требования уплаты штрафа или возмещения убытков.

Так, например, шестимесячный срок исковой давности по требованию железной дороги к пассажирам о взыскании штрафа за безбилетный проезд исчисляется со дня составления акта о безбилетном проезде.

Согласно ст. 96 Устава железных дорог срок давности по взысканию штрафа за нарушение перевозочных планов начинает течь по окончании пятидневного срока, установленного для уплаты штрафных сумм. Этот пятидневный срок для уплаты штрафов за нарушение ответственного плана перевозок предусмотрен ст. 66 Устава железных дорог, в силу которой расчет по причитающимся железной дороге и отправителю суммам штрафа должен быть составлен железной дорогой и сообщен отправителю не позже 10 числа, а при централизованном порядке расчета — не позднее 25 числа по окончании планового месяца. Причитающиеся согласно расчету суммы подлежат оплате в пятидневный срок. Если же по каким-либо причинам расчет не был составлен либо был составлен с опозданием, то течение сроков исковой давности должно исчисляться по прошествии 15 (10 + 5) дней или — при централизованном порядке расчета — по прошествии 30 (25 + 5) дней после окончания планового месяца [1].

По искам о взыскании с фактических получателей сумм, выплаченных железными дорогами за груз отправителю или первоначальному адресату (грузополучателю), до 1948 года в судебной практике применялся полуторагодичный срок давности. Отношения сторон рассматривались как вытекающие не из договора перевозки, а из факта неосновательного обогащения. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 13 августа 1948 г. № 15/17/у «О сроках на предъявление исков по некоторым требованиям, вытекающим из перевозки грузов по железнодорожным и внутренним водным путям» указал, что шестимесячный срок давности по искам о возмещении ненадлежащими получателями груза сумм, выплаченных железной дорогой или пароходством грузоотправителю или первоначальному адресату, начинает течь со дня выплаты сумм, признанных в претензионном порядке, или со дня вступления в законную силу судебного решения о взыскании с железной дороги или пароходства стоимости груза. Тот же шестимесячный давностный срок к управлению железной дороги или управлению речного пароходства

[1] Определение № 677 — 1940 г. по иску Башкирской конторы «Заготзерно» к Управлению Куйбышевской ж. д. — Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1940 г., 1941.

о возмещении ими сумм на основании уведомления транспортного органа об удовлетворении претензии, но не перечисленных заявителю, — исчисляется со дня получения уведомления [1].

По спорам железных дорог с владельцами подъездных путей, вытекающим из договоров эксплуатации этих путей, применяются общие сроки исковой давности. В тех случаях, когда спор возникает по операциям, производившимся на подъездных путях, но вытекающим из отношений по перевозке (например, из невыполнения плана погрузки, сроков доставки грузов), должны применяться сроки давности, указанные в Уставе железных дорог.

Исчисление срока исковой давности по спорам, вытекающим из договора воздушной перевозки грузов, производится, в основном, тем же порядком, какой применяется при железнодорожных перевозках.

Согласно ст. 89 Воздушного кодекса претензии к воздушно-транспортному предприятию могут быть заявлены в течение шестимесячного срока. Начало течения этого срока зависит от характера предъявленной претензии.

Претензионное заявление, поданное с пропуском шестимесячного срока, подлежит отклонению, о чем воздушно-транспортное предприятие обязано не позднее двухмесячного срока письменно сообщить заявителю (§ 213 Правил воздушной перевозки).

Срок рассмотрения и ответа на заявленную претензию ст. 90 Воздушного кодекса устанавливает в два месяца во всех случаях.

Если претензия отклонена или оставлена без ответа, заявитель имеет право в течение двух месяцев со дня получения ответа воздушно-транспортного предприятия или со дня истечения срока, установленного для ответа на претензию, предъявить к нему иск (ст. 90 Воздушного кодекса).

Определение начального момента течения шестимесячного срока давности по искам воздушно-транспортного предприятия к отправителям, получателям и пассажирам о возмещении убытков производится в соответствии с правилом ч. 1 ст. 45 ГК.

Для предъявления требований (претензий и исков), вытекающих из договора речной перевозки и договора буксировки, установлен шестимесячный срок (ст. 172 устава внутреннего водного транспорта).

Особенность исчисления срока исковой давности по спорам, регулируемым нормами устава внутреннего водного транспорта, определяется тем, что ст. 172 не выделяет из шестимесячного срока для предъявления претензии и иска давностный срок, а также тем, что подача претензии речному пароходству приостанавливает течение этого шестимесячного срока.

Начальный момент течения шестимесячного срока (общего для заявления претензии и предъявления иска) определяется в зависимости от характера заявленного требования (ст. 173 устава внутреннего водного транспорта).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР исправила ошибку, допущенную Вологодским областным судом и Верховным судом РСФСР, которые определили начало течения шестимесячного срока для требования о вознаграждении за утрату груза не со времени доставки груза, как это установлено п. «б» ст. 173 устава внутрен-

[1] См. постановление 50-го Пленума Верховного суда СССР от 25 марта 1935 г.— Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1940 г., 1941 г.; определение по делу № 488 по иску базы Военторга к Управлению Латвийской ж. д. — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. VII.

него водного транспорта, а к сроку доставки добавили еще 20 дней, предусмотренные ст. 150 этого устава. Между тем ст. 150 начала течения шестимесячного срока на предъявление претензии и иска не определяет и, следовательно, к исчислению этого срока не имеет никакого отношения. В результате шестимесячный срок был незаконно удлинен на 20 дней[1].

Не выделяя специального срока для заявления претензии, устав внутреннего водного транспорта в ст. 168 предусматривает обязанность управления речного транспорта рассмотреть претензию и дать на нее ответ в 30- или 45-дневный срок в зависимости от характера претензии.

Несообщение пароходством ответа на претензию в эти сроки должно рассматриваться как отказ в удовлетворении претензии.

Согласно ст. 174 устава внутреннего водного транспорта течение шестимесячного срока на предъявление претензии и иска приостанавливается на время рассмотрения заявленной претензии. По прошествии сроков ответа на заявленную претензию течение шестимесячного срока продолжается, но уже как течение срока исковой давности, ибо иски, вытекающие из договоров перевозки и буксировки, могут предъявляться лишь в тех случаях, когда управление речного транспорта отклонило претензию полностью или частично либо не рассмотрело ее в установленные сроки (ст. 169). Если при отклонении или нерассмотрении претензии до истечения срока исковой давности остается менее трех месяцев, то оставшийся давностный срок удлиняется до трех месяцев.

Таким образом, продолжительность срока давности по искам, предъявляемым клиентурой к речным пароходствам, всецело зависит от времени заявления претензии. Например, если претензия заявлена в первый месяц с момента возникновения права на ее заявление, то срок исковой давности будет равняться пяти месяцам, а если претензия заявлена по прошествии четырех месяцев с момента возникновения права на ее заявление, то срок давности окажется равным трем месяцам (двухмесячный давностный срок должен быть удлинен в этом случае до трех месяцев).

В изъятие из этих положений ст. 159 устава внутреннего водного транспорта устанавливает следующее правило: право на вознаграждение за просрочку в доставке груза погашается, если получатель груза не потребует груза в течение трех дней после его выгрузки, либо в случае выгрузки средствами получателя после наступления срока выгрузки; если соответствующее требование не будет заявлено пароходству в течение трех месяцев со дня выдачи грузов; однако, если претензия была заявлена в срок, но отклонена или оставлена без ответа, то иск может быть предъявлен в суде в течение шести месяцев.

Наконец, следует остановиться на вопросе о начальном моменте течения срока исковой давности по требованиям о взыскании штрафов за невыполнение месячных планов перевозки. При исчислении давностного срока по данной категории требований в судебной практике встречаются затруднения. Управление Средне-Азиатского пароходства предъявило 3 марта 1949 г. иск к «Узсельхозснабу» о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозки. Ташкентский областной суд, рассматривавший это дело, начальным моментом течения шестимесячного срока давности по требованию истца к ответчику о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозки в июле 1948 года считал 3 августа 1948 г. и поэтому

---

[1] Определение по делу № 36/23 по иску Вологодского облпотребсоюза к Управлению Сухонского речного пароходства — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. II, стр. 28.

решением от 18 мая 1949 г. отказал в иске за пропуском срока исковой давности. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР определением от 10 ноября 1949 г. решение областного суда оставила в силе. Между тем, поскольку в данном случае расчеты между сторонами производились в централизованном порядке, суд при исчислении срока давности должен был руководствоваться положением о взаимной ответственности органов водного транспорта и клиентуры. Содержащееся в этом положении правило и введенное в действие 5 марта 1950 г. положение об ответственности органов министерства речного флота и клиентуры за невыполнение государственного плана перевозок по внутренним водным путям предусматривают, что для отправителей, производящих массовую погрузку, распоряжением начальника пароходства по согласованию с грузоотправителем может устанавливаться централизованный порядок расчета по штрафам через управление пароходства. В этих случаях пароходство обязано сообщить месячный итог расчета отправителю и пристани не позднее 30 числа следующего месяца. В остальных случаях начальник пристани не позднее 10 числа составляет и сообщает отправителю расчет по причитающимся водному транспорту суммам штрафа за предыдущий месяц. Причитающиеся пароходству или отправителю согласно расчету суммы должны быть уплачены в пятидневный срок. Таким образом, течение шестимесячного срока давности по иску о взыскании штрафа за невыполнение планов перевозки у сторон возникает через 35 дней по прошествии месяца при централизованных расчетах и через 15 дней — в остальных случаях. Следовательно, течение шестимесячного срока давности на взыскание штрафа за невыполнение плана перевозки в июле 1948 года начиналось с 5 сентября 1948 г. и оканчивалось 5 марта 1949 г. По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала неправильным отказ в удовлетворении иска вследствие пропуска давностного срока [1].

Статья 241 кодекса торгового мореплавания устанавливает одно- и двухгодичный срок давности и определяет начало течения этого срока в зависимости от заявленного требования.

Иски, вытекающие из договоров перевозки, могут быть предъявлены лишь в тех случаях, когда управление соответствующего пароходства отклонило полностью или частично заявленную претензию или не рассмотрело эту претензию в установленный срок (ст. 249 кодекса торгового мореплавания) [2].

Несообщение пароходством ответа на претензию в сроки, установленные для рассмотрения претензии, должно считаться отказом в удовлетворении претензии.

Кодекс торгового мореплавания не определяет начального момента течения претензионных сроков, а также времени, в течение которого претензия должна быть заявлена. Установленные ст. 241 этого кодекса сроки давности охватывают собой время для заявления претензии и сроки, предусмотренные ст. 247 для рассмотрения заявленной претензии и ответа на нее. Поэтому, учитывая обязательность претензионного

---

[1] Определение по делу № 36/562 — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3.

[2] Редакция ст. 247 Кодекса торгового мореплавания изменена: 30—45-дневный срок рассмотрения претензии увеличен соответственно до трех и шести месяцев — см. постановление Пленума Верховного суда СССР от 17 марта 1950 г. № 6/14/п — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11; определение по делу № 36/70 — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 8.

порядка для данной категории споров, начало течения сроков, указанных в ст. 241 Кодекса торгового мореплавания, должно рассматриваться как начало течения претензионных сроков.

Заявление претензии к пароходству и рассмотрение ее не приостанавливают течения годичного или двухгодичного сроков. Следовательно, не позднее этих сроков должна быть заявлена не только претензия к пароходству, но и предъявлен к нему иск. Отсюда длительность срока исковой давности в каждом конкретном случае может быть определена таким образом: от годичного или двухгодичного срока необходимо отнять время, истекшее до заявления претензии, и время, предусмотренное ст. 274 этого кодекса для рассмотрения претензии и ответа на нее. Оставшийся в результате такого вычитания срок и есть срок исковой давности. Вполне понятно, что чем позже заявлена претензия, тем меньше продолжительность давностного срока. Такого рода положение, естественно, стимулирует более быстрое заявление претензии с момента начала течения претензионных сроков.

Верховный суд СССР считает, что течение одногодичного или двухгодичного сроков на заявление претензии и предъявление иска приостанавливается (в зависимости от характера претензии) на три или шесть месяцев; по прошествии этого времени начинается течение давностного срока, а если остающийся срок исковой давности менее трех месяцев, то он удлиняется до трех месяцев [1], т. е. применяется порядок, аналогичный тому, какой действует по уставу внутреннего водного транспорта.

Последнее, что следует отметить в связи с определением начального момента течения срока исковой давности по требованиям, вытекающим из отношений по перевозке, — исчисление давностных сроков в спорах, которые возникают при перевозках грузов в прямом смешанном железнодорожно-водном и железнодорожно-водно-воздушном сообщении.

Для требований по смешанным железнодорожно-водным и железнодорожно-водно-воздушным перевозкам установлен годичный срок давности. Исчисление сроков на заявление претензий и предъявление исков в пределах годичного срока производится на основании соответствующего устава или кодекса в зависимости от того, к какой транспортной организации заявлена претензия и предъявлен иск.

Учитывая встречающиеся в судебной практике ошибки, Верховный суд СССР неоднократно указывал на необходимость точного соблюдения этого положения. Вот характерный пример: ОУВС предъявило иск к управлению Приморской железной дороги и соответчикам — Дальневосточному госморпароходству и Владивостокской базе «Заготзерно» о возврате уплаченной суммы за неприбывший груз. Приморский краевой суд решением от 9 декабря 1949 г. в иске отказал по мотивам пропуска срока исковой давности, предусмотренного ст. ст. 96 и 97 устава железных дорог. Верховный суд РСФСР определением от 9 февраля 1950 г. оставил решение Приморского краевого суда в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР правильно отметила необоснованность применения по настоящему делу устава железных дорог, а не Кодекса торгового мореплавания, ибо груз следовал

---

[1] Постановления Пленума Верховного суда СССР от 3 марта 1950 г. № 5/7/п и от 17 марта 1950 г. № 6/14/п — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11.

смешанным железнодорожно-водным сообщением и конечным перевозчиком являлось Дальневосточное госпароходство [1].

Течение давностного срока по искам о взыскании штрафов за нарушение планов перевозки грузов в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении начинается по окончании пяти дней, установленных для уплаты штрафных сумм. Срок давности для такого рода исков — шестимесячный [2].

---

[1] Определение по делу № 36/70 — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 8. См. также указания Пленума Верховного суда СССР в постановлении от 1 июня 1944 г. № 8/6/у «О судебной практике по спорам, вытекающим из перевозок грузов в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении» — Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1944—1948 гг.; постановление Пленума от 3 марта 1950 г. № 5/7/п «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 июня 1944 г. № 8/6/у «О судебной практике по спорам, вытекающим из перевозок грузов в смешанном железнодорожно-водном сообщении» — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11.

[2] Определение ГКК Верховного суда РСФСР по иску Управления Самаро-Златоустовской ж. д. к Средне-Волжскому пароходству — «Советская юстиция» 1936 г. № 31; определения: № 182 — 1941 г. по иску управления Днепропетровского речного пароходства к управлению Южной ж. д. и № 369 — 1941 г. по иску Аму-Дарьинского пароходства к Ашхабадской ж. д.— Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1941 г., 1947.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ПРАКТИКА ПО ЖИЛИЩНЫМ ДЕЛАМ

С. Маликов, А. Барышев

В условиях социалистического общества, где неприкосновенность жилища граждан гарантируется Сталинской Конституцией, правильное разрешение в судах дел, связанных с выселением граждан с жилой площади, является одной из серьезных задач, стоящих перед судебными и прокурорскими органами.

Генеральный Прокурор СССР в своем приказе № 106 от 1 июня 1950 г. «О работе органов прокуратуры по гражданско-судебному надзору» указал, что дела о выселении граждан из жилищ являются важнейшей категорией дел, и потребовал от периферийных органов обеспечения участия прокуроров в судебных заседаниях судов первой инстанции по всем этим делам.

Большинство прокуроров республик, краев, областей и районов правильно поняли поставленную перед ними задачу, перестроили свою работу и обеспечивают максимальное участие в судебных заседаниях судов первой инстанции по указанным делам.

Однако работа многих прокуратур республик, краев, областей и районов еще не перестроена в соответствии с требованиями приказа № 106, в результате чего надзор за соблюдением законности при разрешении судами дел о выселении граждан осуществляется крайне слабо.

Суды, рассматривая дела о выселении граждан, в ряде случаев допускают нарушения закона, влекущие вынесение неправильных судебных решений.

Согласно ст. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. «в случае систематической сдачи съемщиком отдельной изолированной комнаты, хотя бы таковая и не являлась излишком жилой площади съемщика, в спекулятивных целях (извлечение нетрудового дохода), используемая в этих целях комната может быть изъята у съемщика судом по иску прокурора или жилищного управления, но не по иску поднанимателя».

Это положение, направленное на борьбу со спекуляцией жилищной площади, нередко в практике судами нарушается. Районное жилищное управление Кировского района г. Астрахани обратилось в суд с иском к Назаровой об изъятии одной комнаты по мотивам систематической сдачи ее в поднаем в спекулятивных целях.

Народный суд 1-го участка Кировского района г. Астрахани иск районного жилищного управления удовлетворил. Верховный суд РСФСР решение народного суда отменил и в иске отказал. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Генерального Прокурора СССР, установила, что ответчица Назарова являлась одинокой и занимала в доме местного совета квартиру из двух комнат, одну из которых систематически сдавала в поднаем в целях извлечения нетрудовых доходов. Поэтому Судебная коллегия определение Верховного суда РСФСР отменила и оставила в силе решение народного суда, коим иск жилищного управления об изъятии у Назаровой одной комнаты удовлетворен (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 30 сентября 1950 г.).

Неправильно в отдельных случаях суды принимают к своему производству дела о выселении граждан из помещений, грозящих обвалом. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР своим определением от 21 января 1951 г. отменила решение народного суда 4-го участка Мытищинского района Московской области о выселении Гущина из дома, грозящего обвалом, причем указала, что выселение граждан из помещений, грозящих обвалом, производится в административном порядке. В этих случаях выселяемым должна быть обязательно предоставлена годная для жилья площадь, а также необходимые для перевозки имущества транспортные средства. Следовательно, народный суд, указывается в определении Судебной коллегии, неправильно принял дело к своему производству и вынес незаконное решение о выселении Гущина без предоставления другого годного для жилья помещения.

Нередки случаи, когда суды при рассмотрении дел о выселении лиц из домов, принадлежащих на праве личной собственности отдельным гражданам, неправильно возлагают на последних обязанность предоставления выселяемым другой жилой площади.

Торгомян обратился в суд с иском к Агаджанян о выселении из квартиры принадлежащего ему на праве личной собственности дома. Народный суд Ахалкалакского района Грузинской ССР иск удовлетворил, обязав истца Торгомяна предоставить ответчику другую жилую площадь размером 40 кв. м. Верховный суд Грузинской ССР это решение народного суда оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определением от 17 марта 1951 г., отменив решение народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР, указала, что суд не вправе на истца, владеющего домом на праве личной собственности, возлагать обязанность предоставления жилплощади ответчику, выселенному по иску собственника, так как это не предусмотрено законом.

При рассмотрении дел о выселении по мотивам невозможности совместного проживания суды не выясняют вопроса о возможности производства обмена жилого помещения, в результате чего в ряде случаев выносят неправильные решения. Круминь предъявила иск к Пенксис М. о выселении, мотивируя тем, что на протяжении трех лет совместного проживания в одной квартире с семьей Пенксис их отношения были нормальными, а с апреля 1950 года возникли ссоры из-за пользования общей кухней и в связи с расчетами, связанными с оплатой счетов за электроэнергию.

Народный суд 2-го участка г. Лиепая Латвийской ССР иск Круминь удовлетворил. Верховный суд Латвийской ССР это решение народного суда оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР от 17 марта 1951 г. отменила решение народного суда и определение Верховного суда Латвийской ССР и совершенно правильно указала, что народный суд, вынося решение о выселении Пенксис, не учел, что выселение за невозможностью совместного проживания является крайней мерой, прибегать к которой следует после того, как суд придет к выводу о том, что другие, принятые к ответчикам меры оказались неэффективными.

Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 12 декабря 1940 г. в п. 18 указал, что при разрешении споров о выселении по мотивам невозможности совместного проживания на основании п. «б» ст. 30 закона от 17 декабря 1937 г. суд может в целях ликвидации жилищного конфликта обязать стороны произвести в определенный срок обмен занимаемого ими жилого помещения на другое, если заинтересо-

ванная сторона укажет суду другое годное для жилья помещение, на которое можно произвести обмен. Однако суд при рассмотрении дела не выяснил вопроса о возможности производства обмена жилого помещения в целях ликвидации жилищного конфликта, возникшего между Круминь и Пенксис.

Имеют место случаи, когда суды выносят неправильные судебные решения по делам, связанным с исками о переоборудовании жилого помещения. Одной из причин вынесения неправильных судебных решений по этим делам является то, что суды эти дела рассматривают без наличия утвержденного коммунальными органами проекта переоборудования.

Характерным с этой точки зрения является дело по иску Берникера к Найденову о перепланировании квартиры. Квартира, занимаемая сторонами, состоит из пяти комнат, в трех из них проживает семья Найденова, в двух комнатах — Берникера. Места общего пользования находятся в пользовании обеих семей. Ввиду того, что между сторонами и членами их семей, проживающими в квартире, происходят ссоры из-за мест общего пользования, Берникер обратился в суд с заявлением о разрешении произвести переоборудование в общей квартире с тем, чтобы занимаемые сторонами комнаты были изолированными и проживающие в квартире имели раздельные места общего пользования.

Народный суд 2-го участка Дзержинского района г. Вильнюса решил удовлетворить исковые требования Берникера, разрешив ему произвести переоборудование квартиры, и отказал за необоснованностью во встречном иске Найденова о выселении семьи Берникера за невозможностью совместного проживания. Верховный суд Литовской ССР решение народного суда оставил в силе.

Судебная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, решение народного суда и определение Верховного суда Литовской ССР отменила и дело передала на новое рассмотрение. В своем определении Судебная коллегия Верховного суда СССР указала, что перестройка в квартире мест общего пользования может иметь место лишь в том случае, если есть утвержденный проект о переоборудовании квартиры, не нарушающий строительных и пожарных правил, а также не ухудшающий жилищно-бытовых условий жильцов. По данному же делу такого проекта переоборудования квартиры, утвержденного жилищными органами, не имеется. При таком положении у суда не было оснований для удовлетворения исковых требований Берникера.

В ряде случаев суды по-разному решают дела о выселении из ведомственных домов членов семьи съемщика в тех случаях, когда лицо (съемщик), которому в связи с работой была предоставлена жилая площадь, с работы уволен и выбыл, но на жилой площади остались проживать члены его семьи.

В одних случаях суды эти дела разрешают в зависимости от оснований увольнения съемщика с работы, а в других — разрешение этих дел не ставят в эту зависимость.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в определении от 4 ноября 1950 г. по делу по иску «Мясохладпромстрой» к Гороховой о выселении отменила определение Верховного суда РСФСР о выселении Гороховой без предоставления ей другой жилой площади и указала: «Поскольку брат ответчицы Горохов С. С., членом семьи которого является ответчица, прекратил работу в тресте «Консервстрой» по независящим от него причинам, будучи уволен по сокращению штатов, то выселение лиц, проживающих на спорной площади в каче-

стве членов семьи Горохова, может быть произведено только в порядке ст. 32 закона от 17 октября 1937 г.».

То обстоятельство, что Горохов в дальнейшем выбыл, значения для данного дела не имеет, поскольку, как указано выше, трудовую связь с трестом, предоставившим Горохову жилую площадь, он утратил в связи с ликвидацией треста. Таким образом, выселение членов семьи в указанных выше случаях должно производиться по тем же основаниям, по которым подлежал выселению сам съемщик.

По-разному суды подходят к вопросу о выселении из ведомственных домов временных жильцов в тех случаях, когда съемщик, которому спорная жилая площадь в ведомственном доме была предоставлена в связи с трудовым соглашением, выбыл с этой жилой площади. Одни считают, что такие дела должны разрешаться в судебном порядке, другие считают, что эти дела должны разрешаться в административном порядке. Так, например, Гущину в доме Геологоуправления была предоставлена жилая площадь в связи с работой. В 1947 году Гущин в одну из комнат вселил своих родственников Чудайкиных. В 1949 году Гущин из г. Алма-Ата был переведен на работу в г. Томск, куда он и выбыл со своей семьей. В связи с этим Геологоуправление и обратилось в суд с иском о выселении Чудайкиных.

Народный суд 2-го участка Сталинского района г. Алма-Ата иск удовлетворил. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР решение народного суда отменила и производство по делу прекратила на том основании, что требование о выселении Чудайкиных подлежит разрешению в административном порядке.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело 17 июня 1950 г. по протесту Генерального Прокурора СССР, определение Верховного суда Казахской ССР отменила и оставила в силе решение народного суда, указав, что выселение в административном порядке по ст. 31 закона от 17 октября 1937 г. производится только тех лиц, которым жилая площадь была предоставлена в связи с трудовыми отношениями.

В данном же случае Геологоуправление Чудайкиным вообще не предоставляло жилой площади, ввиду чего в отношении их, Чудайкиных, ст. 31 закона от 17 октября 1937 г. применена быть не может. Они могут быть выселены в судебном порядке как временные жильцы.

Различно в судебной практике решался вопрос о праве на жилую площадь детей, помещенных в детские дома. Сейчас это устранено. Пленум Верховного суда СССР 7 декабря 1951 г. по делу по иску Легоньковой к Яковлеву о выселении указал, что жилая площадь за детьми, помещенными в детские дома в связи с осуждением их родителей, сохраняется в течение шестимесячного срока в соответствии со ст. 15 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. Помещение детей в детский дом, как разъясняется в указанном выше постановлении Пленума Верховного суда, является одним из видов опеки. Пленум указал, что неправильным является утверждение о том, что за детьми, помещенными в детские дома, жилая площадь сохраняется на все время пребывания их в детском доме.

Большое значение в прокурорской практике имеет надзор за законностью административного выселения. Административное выселение граждан из жилых помещений является исключительным порядком. Поэтому административное выселение применяется в совершенно бесспорных случаях, а именно: с ведомственной жилой площади, полученной в связи с работой (пп. «а» и «б» ст. 31 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.); с жилой площади военнослужащих (ст. 93

Кодекса о льготах для военнослужащих и военнообязанных РККА и их семей и ст. 7 инструкции НККХ РСФСР от 29 декабря 1939 г. № 248); с забронированной жилой площади (ст. 33 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.), а также в прочих случаях, особо указанных в законе.

Генеральный Прокурор СССР указал прокурорам на необходимость тщательного подхода к вопросам административного выселения с тем, чтобы в каждом отдельном случае выселение было строго обосновано законом.

Подавляющее большинство прокуроров поняло эту задачу и правильно обеспечивает надзор за законностью административного выселения граждан из жилищ. Однако отдельные прокуроры в этой работе допускают серьезные ошибки.

Нарушается ст. 21 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1941 г., согласно которой не подлежат выселению в административном порядке семьи лиц, прекративших трудовую связь с предприятиями, учреждениями или организациями в связи со смертью основного съемщика.

Прокурор Андреевского района г. Ашхабада санкционировал выселение Меркуловой с жилой площади, предоставленной ее отцу в доме учреждения в связи с работой. Трудовая связь с учреждением была прекращена в связи со смертью Меркулова.

Согласно ст. 23 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. съемщики, вселившиеся в помещение до перехода дома в ведение учреждения, предприятия, могут быть выселены только в судебном порядке в соответствии со ст. 32 закона от 17 октября 1937 г. Однако отдельные прокуроры дают санкцию на выселение таких лиц в административном порядке. Прокурор Кагановичского района г. Харькова санкционировал выселение Самойлова из дома УМГБ, как уволенного с работы по собственному желанию, тогда как Самойлов в этом доме поселился еще до перехода его в ведение УМГБ.

Нередки случаи, когда прокуроры неправильно санкционируют выселение по основаниям самоуправного занятия жилой площади.

Прокурор Ворошиловского района г. Баку 4 июля 1951 г. санкционировал выселение Логиновой, как самоуправно занявшей жилую площадь. Последующей проверкой установлено, что Логинова на спорной площади жила с матерью в течение ряда лет. В июне 1951 года мать Логиновой умерла, в связи с чем жилищным управлением и был поставлен вопрос об административном выселении Логиновой. Требование о выселении Логиновой было явно незаконно. Однако прокурор, не разобравшись в материалах, санкционировал выселение ее в административном порядке.

Прокурор Тихвинского района Ленинградской области незаконно санкционировал выселение Тихонова, как самоуправно занявшего жилую площадь. Фактически же Тихонов вселился не самоуправно, а в качестве временного жильца, так как был вселен на эту площадь основным съемщиком. При таком положении оснований для выселения Тихонова в административном порядке у районного прокурора не было.

Согласно действующему законодательству в административном порядке выселение может быть произведено только лишь физических лиц — граждан; что касается юридических лиц (предприятий, учреждений и других организаций), то вопрос о праве пользования ими жилыми помещениями разрешается исполнительными комитетами местных советов и органами арбитража.

Несмотря на это, нередки случаи, когда прокуроры незаконно дают санкции на выселение юридических лиц, т. е. отдельных предприятий, учреждений. Прокурор Октябрьского района Харьковской области дал санкцию на административное выселение склада, принадлежащего районной заготовительной конторе, на том основании, что исполнительный комитет районного совета депутатов трудящихся считает, что помещение, в котором расположен упомянутый склад, должно быть переоборудовано под жилое помещение. Прокурор Ворошиловского района г. Баку 26 июня 1951 г. санкционировал выселение радиотелефонных мастерских из помещения, принадлежавшего объединению «Азморнефть», на том основании, что якобы в данном случае имело место самоуправное занятие этого помещения.

Законом от 17 октября 1937 г. переселение граждан с одной жилой площади на другую не предусмотрено, однако в практике имеют место отдельные случаи административного переселения с одной площади на другую. Прокурор Кагановичского района Харьковской области дал санкцию заводу на переселение из большей комнаты в меньшую Мемедулова на том основании, что он добровольно не желает переселяться на другую жилую площадь, соответствующую жилищно-санитарной норме. Это постановление прокурора является незаконным, так как изъятие излишков согласно ст. 37 закона от 17 октября 1937 г. может быть произведено в домах как местных советов, так и предприятий и учреждений только в судебном порядке.

Прокурор г. Днепродзержинска 29 октября 1951 г. незаконно санкционировал переселение Люсько М. П. и Люсько З. П. из занимаемой ими комнаты в комнату, вновь предоставляемую заводом. В качестве мотивов такого переселения прокурор привел антисанитарное состояние занимаемой переселяемыми жилой площади.

Наряду с фактами незаконного санкционирования выселения и переселения имеют место случаи незаконного отказа в даче санкции. Например, постановлением прокурора г. Тирасполя от 31 августа 1951 г. отказано Тираспольскому районному потребительскому союзу в санкции на административное выселение из квартиры ведомственного дома Буслова И. Ф., осужденного за преступление по службе, по тем основаниям, что Буслов жилую площадь в этом доме получил не от районного потребительского союза, а от районного кооперативного торга. Между тем коопторг входил также в систему «Молдавпотребсоюза» и дом после ликвидации коопторга передан районному потребительскому союзу. При таком положении у прокурора не было оснований для отказа в даче санкции.

Имеют место случаи, когда прокуроры приостанавливают исполнение выданных ими санкций на административное выселение и в течение длительного времени вопроса по существу не разрешают. Так прокурор г. Тушино сообщил директору завода, что им 3 ноября 1951 г. дана санкция на выселение Романовской М. А. с жилой площади, принадлежащей заводу. Однако исполнение настоящего постановления приостановлено в связи с поданным в прокуратуру заявлением. Последующей проверкой было установлено, что вопрос по существу не был разрешен в течение трех с половиной месяцев, материал лежал у районного прокурора без движения.

В постановлении СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. в п. 12 указывается, что, если съемщик, которому предоставлена жилая площадь в доме предприятия или учреждения, уволен с работы по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины, либо за совершение преступления, то он должен быть выселен в обязательном

порядке. В связи с этим у некоторых прокуроров возник вопрос, как быть в том случае, если администрация не требует выселения, может ли в этом случае прокурор санкционировать выселение по своей инициативе?

На этот вопрос следует ответить отрицательно, так как жилищным фондом распоряжается администрация предприятия или учреждения.

В некоторых нефтяных районах Азербайджанской ССР местные советы своего жилого фонда не имеют, поэтому отдельные работники государственных учреждений живут в домах трестов. Тресты заключают договоры с ними, а иногда разрешают вселение на жилую площадь без заключения договоров.

На практике возник вопрос, как и в каком порядке может быть произведено выселение указанных работников из занимаемых ими помещений? Выселение таких лиц может быть произведено только в судебном порядке, так как в ст. 31 закона от 17 октября 1937 г. административный порядок выселения предусмотрен лишь в отношении лиц, получивших жилую площадь в связи с трудовыми отношениями.

Согласно инструкции НККХ и НКЮ РСФСР от 3 ноября 1939 г. о порядке обмена жилой площади, лица, вселившиеся в порядке обмена, без представления надлежащих ордеров, подлежат выселению в административном порядке в течение 10 дней с момента вселения, а по истечении этого срока в судебном порядке, без предоставления другой жилой площади.

В связи с этим в практике возник вопрос, могут ли эти лица занять ранее занимаемую до обмена жилую площадь? Исходя из общего смысла закона, следует на этот вопрос ответить положительно. В тех случаях, когда жилая площадь, ранее занимаемая лицами, производящими обмен, не заселена другими, она может быть занята первоначальными съемщиками.

Существуют ли какие-либо сроки давности для дачи отказа в санкции на административное выселение? Законом каких-либо сроков для обращения в органы прокуратуры за санкцией на административное выселение не предусмотрено, поэтому администрация предприятия и учреждения вправе обратиться в органы прокуратуры за санкцией на административное выселение независимо от срока.

Может ли быть допущено выселение в административном порядке семьи съемщика, которому жилая площадь была предоставлена в доме предприятия или учреждения в связи с работой; впоследствии съемщик выехал по причине расторжения брака, но продолжает работать в том же предприятии?

Исходя из общего смысла закона, на этот вопрос следует ответить так, что выбытие с жилой площади по причине расторжения брака съемщика, работающего в том же предприятии, не создает права у администрации на выселение семьи такого съемщика в административном порядке.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯЖЕСТИ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

П. Молоденков, И. Скопин

Согласно ст. 63 УПК вызов экспертов обязателен для установления характера телесных повреждений. Определение степени тяжести того или иного телесного повреждения является вопросом, который чаще других приходится разрешать в практической судебно-медицинской работе.

Указания о том, чем руководствоваться судебно-медицинскому эксперту при оценке тяжести телесных повреждений, содержатся в «Правилах для составления заключения о тяжести повреждения», утвержденных в 1928 году НКЗ и НКЮ, которые действуют и посейчас.

За эти годы медицинская наука вообще и судебная медицина в частности сделали значительные успехи. Естественно, что достижения передовой советской науки должны найти свое отражение и в судебно-медицинской практике, а устаревшие взгляды, базирующиеся на ошибочных или неточных положениях, нуждаются в пересмотре.

Действующий УК РСФСР в ст. ст. 142 и 143 разделяет все телесные повреждения на тяжкие и легкие. Последние частями 1 и 2 ст. 143 делятся на легкие телесные повреждения, причинившие расстройство здоровья, и на легкие телесные повреждения, не причинившие расстройства здоровья.

Указанные статьи УК РСФСР не только делят все повреждения на группы, но и содержат определенные признаки для этого деления.

Официальные «Правила» являются теми материалами, которые преследуют цель разъяснить указание закона. Разумеется, что эти разъяснения не должны ни в чем противоречить смыслу закона.

Обратимся к тексту различных указаний, которыми на практике пользуются судебно-медицинские эксперты, и проследим, не противоречит ли их содержание смыслу Уголовного кодекса.

В настоящей статье речь будет итти только о легких телесных повреждениях и, в частности, о разделении их на «причинившие» и «не причинившие» расстройство здоровья.

УК РСФСР в качестве признака, разделяющего легкие телесные повреждения на две группы соответственно двум частям ст. 143, указывает причинение «расстройства здоровья».

«Правила для составления заключения о тяжести повреждения» параграфом 8 предлагают относить к легким телесным повреждениям, причинившим расстройство здоровья, такие повреждения, которые повлекли за собой длительное нарушение функций какого-либо органа или длительное заболевание; к легким же телесным повреждениям, не причинившим расстройства здоровья, — такие повреждения, которые повлекли за собой кратковременную утрату трудоспособности, кратковременное ослабление функции какого-либо органа или незначительное скоропроходящее заболевание. (Приведены указания «Правил», имеющие отношение к разбираемому вопросу.) Термины «длительное нарушение», «длительное заболевание», «кратковременная утрата трудоспособности», «скоропроходящее заболевание» весьма неопределенны и в тексте «Правил» не уточняются.

Более конкретные указания на этот счет можно найти в учебниках судебной медицины, авторы которых указывают, что 10—12-дневный срок утраты общей трудоспособности является той примерной гранью, которая позволяет определить наличие или отсутствие расстройства здоровья при легких телесных повреждениях.

Хотя критерий утраты трудоспособности и не должен являться единственным в определении меры тяжести повреждения и сполна объясняющим понятие «расстройства здоровья», но он является все же общепризнанным.

Такой взгляд принципиально соответствует современному судебно-медицинскому подходу к оценке повреждений, так как отражает в себе основные положения физиологии Павлова, оценивая состояние всего организма во взаимодействии с внешней средой.

Таким образом, если в результате телесного повреждения имеется утрата общей трудоспособности, то, следовательно, налицо имеется и расстройство здоровья. Если это так, то очевидно, что указания, содержащиеся в «Правилах», входят в противоречие со смыслом ст. 143 УК РСФСР, так как заставляют относить повреждения с кратковременной утратой трудоспособности, т. е. с кратковременным расстройством здоровья, к числу повреждений, «не причинивших расстройства здоровья».

Учебники судебной медицины усугубляют это противоречие, устанавливая 10—12-дневный срок утраты общей трудоспособности (т. е. 10—12-дневный срок расстройства здоровья), как минимум для отнесения телесного повреждения к числу «причинивших расстройство здоровья».

Ошибочность указаний учебников становится еще более очевидной при знакомстве с примерами, которыми иллюстрируют свои положения авторы учебников. Так, например, проф. Райский (1938 г.) считает, что даже поверхностные раны, не осложненные инфекцией, хотя бы они и требовали обработки, повязок, швов, следует считать повреждениями, не причинившими расстройства здоровья, так как они заживают первичным натяжением через 6—10 дней. Автор утверждает, что только присоединение инфекции может превратить такой «местный» процесс в общий. Такое представление о расстройстве здоровья противоречит положениям современной науки, пронизанной идеями целостности организма.

Очевидно, что имевшее место в прошлом локалистическое направление в медицине явилось одной из причин неправильного понимания термина «причинение расстройства здоровья».

К сожалению, судебно-медицинские эксперты в своей практике используют неверные положения «Правил для составления заключения о тяжести повреждений» и учебников, что и приводит подчас к нарушению указаний УК РСФСР.

Часто во время судебно-медицинского освидетельствования потерпевший, который после ранения или побоев находился в больнице или же лечился амбулаторно в течение 5—8 дней, получает заключение: «легкие телесные повреждения, не причинившие расстройства здоровья». На его недоуменный вопрос, а подчас и на официальную жалобу, приходится ссылаться на «Правила» 1928 года и на учебники, разъясняя, что расстройство здоровья на срок, меньший 10—12 дней, не называется «расстройством здоровья».

В этом отношении интересен один случай из практики Ленинградской городской судебно-медицинской экспертизы.

9 ноября 1950 г. гр-ка Н., 28 лет, была избита соседом: ей был

нанесен удар поленом в область лба. Сознания она не теряла, тошноты и рвоты не было, отмечалась невротическая реакция на травму. Рана мягких тканей в области лба (3 × 0,5 см) в поликлинике была ушита тремя швами, и гр. Н. был выдан больничный лист.

Через два дня она явилась к судебно-медицинскому эксперту, который, осмотрев и описав повреждение, предложил ей явиться по окончании лечения. Через девять дней после повреждения гр-на Н. вновь пришла к судебно-медицинскому эксперту с закрытым больничным листом. К этому времени на коже лба имелся свежий рубец. Экспертом дано заключение, что повреждение «легкое, не причинившее расстройства здоровья». На вопрос пострадавшей по поводу заключения, эксперт пояснил, что согласно существующим «Правилам» и указаниям повреждения, которые не повлекли за собой утрату общей трудоспособности свыше 10—12 дней, оцениваются как легкие телесные повреждения, не причинившие расстройства здоровья.

Получив такое разъяснение, гр-ка Н. вновь направилась в поликлинику, где была осмотрена невропатологом и получила продление больничного листа по поводу реактивного невроза. В записях невропатолога было указано наличие причинной связи имевшегося реактивного невроза с полученной травмой.

Спустя 10 дней гр. Н. в третий раз явилась к судебно-медицинскому эксперту, осматривавшему ее прежде. Будучи в затруднительном положении, этот эксперт направил ее к эксперту-невропатологу для окончательного решения вопроса о тяжести повреждения.

Последний, подтвердив наличие причинной связи реактивного невроза с полученной травмой и приняв во внимание 19-дневную утрату трудоспособности (срок, на который был выдан больничный лист), дал заключение, что повреждение относится к разряду «легких телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья».

Этот случай интересен тем, что сама пострадавшая обнаружила несостоятельность попытки эксперта руководствоваться 10—12-дневным сроком утраты трудоспособности, как гранью, разделяющей «легкие телесные повреждения, причинившие расстройство здоровья», от «легких телесных повреждений, не причинивших расстройства здоровья».

Как же поступать судебно-медицинскому эксперту, чтобы правильно определить тяжесть телесного повреждения?

Мы полагаем, что для этого требуется поступать в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР, который дает на этот вопрос определенный ответ, относя к ч. 2 ст. 143 такие легкие телесные повреждения, которые не причинили расстройства здоровья. Повреждения, сопровождавшиеся утратой трудоспособности хотя бы на один день, по точному смыслу ч. 2 ст. 143 сюда не подходят, а подойдут к ч. 1 ст. 143, являясь причинившими расстройство здоровья.

Такая точка зрения, нам кажется, не только обеспечит правильность заключения судебно-медицинского эксперта в соответствии с УК РСФСР, но будет иметь и большое принципиальное значение.

Признание достаточным даже кратковременной утраты общей трудоспособности у потерпевшего для отнесения повреждения к ч. 1 ст. 143 УК РСФСР будет иметь большое воспитательное значение, позволит суду правильно оценить преступление и назначить соответствующую санкцию.

Этим будет устранена возможность судебной ошибки, которая может возникнуть по вине судебно-медицинского эксперта.

Только подробное, научно обоснованное заключение, отражающее собой полную медицинскую характеристику повреждения, оказывает су-

щественную помощь суду и следствию при квалификации преступления.

Несомненно, что судебно-медицинский эксперт при исследовании легких телесных повреждений должен давать полное и развернутое заключение, обязательно указывая срок расстройства здоровья. В настоящее время эксперты подчас ограничиваются только отнесением данного повреждения к группе либо причинивших, либо не причинивших расстройства здоровья. Группа же легких телесных повреждений, которые причинили расстройство здоровья, требует более развернутой характеристики, так как охватывает собой весьма разнообразные повреждения, сопровождающиеся различной степенью расстройства здоровья, начиная с однодневной утраты общей трудоспособности и кончая ее значительными сроками.

Вопрос об определении тяжести телесных повреждений часто дебатируется как среди судебных медиков, так и среди юристов. За последнее время все чаще поступают предложения о пересмотре «Правил» 1928 года.

Этот пересмотр надо провести возможно скорее.

БРАК И СЕМЬЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ АЛБАНИИ

I

В мае 1952 года минуло четыре года со времени принятия в Народной Республике Албании Семейного кодекса [1], куда входят: Закон о браке, Закон об отношениях между родителями и детьми, Закон об усыновлении, Закон об опеке и Закон о запрещении некоторых отсталых обычаев, касающихся обручения и брака [2].

Народная Республика Албания, благодаря победе СССР над гитлеровской Германией установив политический режим народной демократии — одну из форм диктатуры пролетариата,— успешно строит основы социалистического общества с бескорыстной помощью Советского Союза.

Семейный кодекс проникнут идеями подлинного гуманизма и демократии. Он выражает социалистические преобразования, происшедшие в семейных отношениях.

Брачно-семейное право новой Албании — это социалистическое право. Его источником является диктатура рабочего класса. Решения съездов и конференций Албанской трудовой партии и постановления ее Центрального комитета определяют содержание и развитие брачного и семейного права Албании.

Сталинское учение о социалистическом праве и государстве, в частности, о содержании и значении социалистической законности, о роли и значении правовой надстройки, является той основой, на которой вырабатывается все социалистическое право Народной Республики Албании, в том числе и ее брачно-семейное право.

В новой Албании семейное право является самостоятельной отраслью права. Не то было в старой Албании. Полигамия, продажа женщин, денежное приданое, частнособственническая основа семьи приводили к тому, что брак являлся обычной гражданско-правовой сделкой, а семейные отношения строились в среде господствующих классов на корыстном имущественном расчете. Неудивительно поэтому, что семейно-брачные отношения регулировались Гражданским кодексом.

[1] Kodi i familjes, Tirane, 1948.

[2] Последний закон помещен в качестве приложения к Семейному кодексу.

II

Забота государства по укреплению семьи в новой Албании непосредственно связана с мероприятиями по укреплению брака. «Брак и семья находятся под защитой государства»,— устанавливает ст. 19 Конституции Народной Республики Албании.

В современной Албании признается только брак, зарегистрированный в Народном Совете. В соответствии со ст. 18 Конституции, гарантирующей свободу вероисповедания, допускается после гражданской регистрации брака полная свобода бракосочетания по правилам религии.

В заключении брака принимает участие председатель или член Народного Совета, в присутствии и под контролем которого производится регистрация брака. Брак совершается публично в присутствии двух совершеннолетних свидетелей.

Брачное законодательство новой Албании допускает регистрацию брака через представителя. Доверенность оформляется в нотариальном порядке. Срок ее действия — три месяца с момента выдачи (ст. 34 Закона о браке).

Для вступления в брак необходимо соблюдение ряда условий.

Брак может быть заключен, во-первых, лишь по достижении брачного возраста, который установлен для лиц обоего пола в 18 лет. При наличии уважительных причин этот возраст может быть снижен в судебном порядке.

Нарушение брачного возраста влечет за собой признание в судебном порядке брака недействительным. Минимальный возраст, по достижении которого может быть дано разрешение на заключение брака, Законом о браке не предусмотрен. Пленум Верховного суда Албании признал, что таким возрастом является достижение 14 лет (директива № 13 от 28 августа 1949 г. [1]). К этому выводу Верховный суд пришел, учитывая степень физического и интеллектуального созревания мужчин и женщин в Албании.

Несовершеннолетние, достигшие 14 лет, вправе совершать юридические действия с согласия своих родителей и опекунов.

[1] Опубликовано в органе Министерства юстиции Верховного суда и Прокуратуры Народной Республики Албании в журнале «Народная юстиция» 1949 г. № 4—5, стр. 83.

Они могут совершать трудовые договоры и самостоятельно распоряжаться своими трудовыми доходами.

Со вступлением в брак до достижения 18 лет лицо становится вполне дееспособным (ст. 16 Закона об отношениях между родителями и детьми).

Другим основным условием заключения брака является свобода и добровольность брачущихся: брак является недействительным, когда отсутствовало свободное желание на вступление в него у мужчины или женщины. (Ст. 15 Закона о браке).

Нарушение принципа свободы и добровольности брака в новой Албании может влечь за собой уголовную ответственность.

Понуждение к обручению или к женитьбе, уплата за невесту (или жениха) вознаграждения (равно как принятие его) составляют уголовное деяние (ст. ст. 1 и 2 Закона о запрещении некоторых отсталых обычаев, касающихся обручения и брака).

Статья 38 Закона о браке устанавливает: «Браки, заключенные в нарушение условий действительности брака, считаются несуществующими. Супруги, заключившие такой брак, считаются не состоявшими никогда между собой в браке. Брак, который считается несуществующим, не вызывает никаких последствий, которые обычно вызываются браком».

Однако из этого общего правила в интересах детей и добросовестного супруга, т. е. такого супруга, который не знал, что отсутствовало одно из условий действительности брака, закон делает исключения. При таких условиях наступают такие же последствия, как и при аннулировании брака. Какие же последствия вызывает аннулирование брака?

При аннулировании брака последний прекращается со дня его аннулирования. Супруги обязаны принять при этом свои добрачные фамилии. Дети, рожденные от такого брака, приравниваются к детям, родившимся в действительном браке.

Супруг, не знавший во время заключения недействительного брака о причинах его аннулирования, имеет право требовать возврата всего того имущества, которое он во время брака предоставил в порядке дарения другому супругу. Со своей стороны этот добросовестный супруг имеет право на сохранение подаренного ему другим супругом имущества (ст. 54 Закона о браке). Возврату не подлежат обыкновенно подарки (в частности, не являющиеся предметами роскоши) [1].

Прочие подарки, которые, как устанавливает ст. 66 Закона о браке, особенно не соответствуют имущественному положению дарителя, должны быть возвращены в таком состоянии, которое они имели на момент аннулирования брака.

К этому нужно добавить, что имущество, принадлежавшее супругам до их вступления в аннулированный впоследствии брак, является их личным нераздельным имуществом, а имущество, нажитое супругами во время состояния в таком браке, является их общей собственностью. Общее имущество супругов при аннулировании брака подлежит разделу между ними с учетом вложенного труда и затрат каждого из супругов [1].

Учитывая эти имущественные последствия, допускается продолжение начавшегося процесса об аннулировании брака наследниками истца [2]. Это, в частности, связано с возвратом в пользу наследников подаренного имущества умершим истцом другому супругу.

Супруг, знавший о причинах аннулирования брака в момент его совершения и оставшийся в живых, лишается права наследования после умершего супруга.

Приведенные постановления албанского законодательства направлены на ограждение интересов добросовестного супруга, его наследников и детей, рожденных в браке, признанном впоследствии недействительным.

III

Законодательству Народной Республики Албании неизвестны правила, характерные для дореволюционной Албании, ставившие женщину в бесправное, зависимое от мужчины положение. В новой Албании в законодательном порядке установлено равенство мужчины и женщины, мужа и жены.

Равенство мужа и жены отчетливо проявляется уже при регистрации брака. Супруги могут избрать общую супружескую фамилию. Такой фамилией может быть как фамилия мужа, так и фамилия жены. Вступающие в брак вправе остаться при своих добрачных фамилиях или избрать, в качестве общей фамилии, фамилию, состоящую из двух добрачных фамилий супругов.

Перемена места жительства одним из супругов не создает для другого обязанности следовать за ним.

Соглашением супругов определяется порядок ведения домашнего хозяйства. Средства на воспитание детей и на ведение домашнего хозяйства супруги обязаны доставлять вместе пропорционально их имущественному положению (ст. 7 Закона о браке). Супруги обязаны быть верными и помогать друг другу. Они обладают полной свободой выбора профессии или занятия. В решении № 130 от 11 августа 1948 г. [3] Верховный суд указал, что «нельзя рассматривать поведение истицы Ф., выразившееся в том, что она начала работать без согласия своего мужа, как недостойное отношение к нему».

Законы старой Албании и в этом отношении подчиняли жену власти мужа.

---

[1] Ст. ст. 53 и 66 Закона о браке.

[1] Ст. ст. 53 и 67 Закона о браке.

[2] Ст. 50.

[3] См. «Народная юстиция» 1949 г. № 4—5, стр. 95.

«Избрание и осуществление занятия или профессии жена может произвести лишь с согласия мужа»,— устанавливала ст. 191 Гражданского кодекса.

В целях проведения принципа равноправия супругов в имущественных отношениях Закон о браке установил, что имущество, приобретенное супругами трудом во время брака, является их общим имуществом (ст. 9). Супругам дозволяется совершать между собой любые сделки, не противоречащие закону и не направленные к умалению имущественных прав мужа или жены. В противном случае такие сделки являются необязательными ни для самих супругов, ни для других лиц (ст. 11 Закона о браке).

Верховный суд толкует трудовой характер приобретения имущества супругами в том смысле, что «слово «труд» означает помощь, которую супруги оказывали друг другу как в ведении хозяйственных дел, в воспитании и содержании детей, так и каждый другой труд, который оказывал влияние на увеличение имущества... Совместная собственность, нажитая трудом во время брака, является одним из основных принципов нового законодательства, и недействителен каждый договор, клонящийся к умалению имущественных прав мужа или жены» [1] (решение № 76 от 13 мая 1948 г.).

Равенство мужа и жены сказывается также и в установлении алиментных обязательств. Нетрудоспособный и нуждающийся супруг, независимо от пола, имеет право на получение содержания от другого супруга, если последний в состоянии оказывать ему помощь (ст. 12 Закона о браке).

IV

Забота о детях стоит в центре внимания албанского законодательства.

Родительские права должны осуществляться исключительно в интересах детей. При недобросовестном осуществлении родителями родительских прав и обязанностей родители могут быть лишены родительских прав (ст. 15 Закона об отношениях между родителями и детьми). Родительские права могут быть восстановлены с прекращением причин, по которым родители были их лишены.

Статья 3 Закона об отношениях между родителями и детьми приравнивает детей, рожденных вне брака, к детям, рожденным супругами, состоящими в браке.

При установлении отцовства суд не связан определенными доказательствами. Допускается, в частности, экспертиза крови (см. решение Верховного суда № 270 от 21 июня 1950 г.) [2]

Муж и жена имеют в отношении детей равные права и несут равные обязанности. Родительские права принадлежат вместе отцу и матери (ст. 2 Закона об отношениях между родителями и детьми). Принципиально противоположные постановления содержало законодательство монархической Албании: проводя последовательно принцип закрепощения женщины, законы дореволюционной Албании ставили отца и в вопросах воспитания детей в господствующее положение. Родительская власть применялась исключительно отцом. Ему было предоставлено право в завещании приказывать матери условия воспитания ребенка (ст. ст. 278, 280, 291 старого Гражданского кодекса).

В новой Албании родители обязаны воспитывать своих детей в духе преданности своей родине, чтобы сделать их достойными членами социалистического общества. Родители обязаны заботиться об обучении своих детей и подготовлять их к занятию той или иной профессией, принимая во внимание способности и желание детей. Забота родителей о здоровье своих детей является одной из основных обязанностей родителей [1].

Если родители, не проживающие вместе, не придут к соглашению о месте жительства детей, то этот вопрос решают органы опеки, которые должны принимать во внимание желание детей, если последние достигли 10 лет (ст. 7 Закона об отношениях между родителями и детьми).

Суды новой Албании, решая вопрос о судьбе детей, исходят из задачи всемерной охраны прав и интересов ребенка. Верховный суд в решении № 58 от 2 апреля 1949 г. указал, что экономическое положение и другие материальные условия в этих случаях не должны рассматриваться, как главные факторы, тем более, что супруг, у которого был отобран ребенок, обязан уплачивать ему алименты [2].

В этом же решении говорится и о том, что отобрание ребенка не связано с лишением родительских прав.

Проникнутое стремлением всемерной охраны прав и интересов детей, брачно-семейное законодательство новой Албании знает институт продления родительских прав и по достижении детьми совершеннолетия, в случаях их душевной болезни или определенных физических недостатков, при которых эти лица неспособны защищать свои права и интересы. Продление родительских прав производится постановлением суда. С прекращением условий, по которым были продлены родительские права, суд решает об их прекращении [3].

Закон Албании придерживается принципа

[1] «Народная юстиция» 1949 г. № 4—5, стр. 86.

[2] «Народная юстиция» 1951 г. № 4, стр. 72—73.

[1] Ст. 6 Закона об отношениях между родителями и детьми.

[2] См. «Народная юстиция» 1950 г. № 1, стр. 73.

[3] Ст. 17 Закона об отношениях между родителями и детьми.

раздельности имущества родителей и детей [1].

Подростки, достигшие 14 лет, могут совершать трудовые договоры и иметь свой заработок. В этом случае они обязаны оказывать семье помощь (ст. 11 Закона).

Закон об отношениях между родителями и детьми подробно регулирует алиментные обязанности между родителями и детьми. Эти постановления закона проникнуты стремлением законодателя обеспечить несовершеннолетних и нуждающихся нетрудоспособных совершеннолетних детей, а также неимущих и нетрудоспособных родителей.

Точный размер алиментов законом не установлен. Он определяется судом. «При взыскании алиментов... их размер определяется с учетом имущественного положения сторон, исходя из конкретных обстоятельств дела»,— говорится в решении Верховного суда Албании № 495 от 27 ноября 1947 г. [2]. Такое же указание дает Верховный суд и в решении № 270 от 21 июня 1951 г. [3].

В случае рождения ребенка вне брака отец обязан выплачивать алименты матери в период ее беременности и родов в течение трех месяцев до родов и трех месяцев после родов (ст. 27 Закона об отношениях между родителями и детьми).

Забота о детях находит яркое выражение и в нормах, регулирующих усыновление.

Нашествие итальянских и немецких фашистских захватчиков, героическая борьба с ними албанского народа за свою свободу и независимость, боевые действия на фронтах второй мировой войны превратили многих албанских детей в сирот. Поэтому институт усыновления в семейном праве Народной Республики Албании имеет весьма актуальное значение. Усыновление установлено в интересах несовершеннолетних детей. В то же самое время с интересами несовершеннолетних детей при усыновлении гармонично сочетаются и интересы усыновителя.

Статья 17 Закона об усыновлении устанавливает, что с усыновлением между усыновителем и усыновленным устанавливаются такие же права и обязанности, как и между действительными родителями и детьми.

Основным требованием, предъявленным к усыновлению, является то, чтобы усыновление производилось в интересах усыновляемого, соответствующих желанию усыновителя. Поэтому, когда производящий усыновление орган опеки усматривает, что усыновление не соответствует интересам усыновляемого, в усыновлении отказывают [4].

[1] Ст. 9 Закона об отношениях между родителями и детьми.

[2] «Народная юстиция» 1948 г. № 3, стр. 62.

[3] «Народная юстиция» 1951 г. № 4, стр. 72—73.

[4] Части II и III ст. 8 и ст. 10 Закона об усыновлении.

Усыновитель должен быть старше усыновляемого не менее, чем на 18 лет [1].

Для усыновления требуется согласие супруга усыновителя. Супруги могут усыновить вместе одного ребенка.

С целью приблизить усыновление к тем отношениям, которые имеют место между действительными родителями и детьми, Закон об усыновлении допустил возможность присвоения усыновляемому фамилии усыновителя. Если усыновляемому исполнилось 14 лет, то для изменения фамилии требуется его согласие [2].

С усыновлением не возникает между усыновляемым и родственниками усыновителя прав и обязанностей, основанных на родственных отношениях, но зато не происходит изменений в правовых отношениях усыновленного с его действительными родителями и другими родственниками [3].

Опека в новой Албании также направлена на максимальную охрану прав и интересов недееспособного, а также в случаях, предусмотренных законом — на защиту имущественных прав и интересов отсутствующих лиц [4].

Целью опеки над недееспособными является воспитание подопечных преданными народу и государству гражданами с тем, чтобы они были активными участниками общественной жизни [5]. Обязанности опекуна заботиться о личности подопечного такие же, как и соответствующие обязанности родителей.

V

Забота о детях и укреплении семьи проявляется и в законодательстве, регулирующем развод.

В Народной Республике Албании трудящиеся с каждым днем повышают свое бережное отношение к детям, семье. Наряду с этим проводится серьезная борьба с легкомысленным и недобросовестным отношением к супружеским и родительским обязанностям. Трудовая партия и правительство неустанно держат в центре своего внимания задачу укрепления семьи. Большая роль в этом важном государственном деле принадлежит и судебной системе новой Албании.

Закон о браке содержит общее указание на основания развода: «каждый из супругов может требовать расторжения брака, если в силу непримиримости характеров, продолжительных недоразумений, враждебности или других причин, которые настолько глубоко потрясают супружеские отношения, что совместная жизнь супругов делается невозможной» [6].

[1] Ст. 4 Закона об усыновлении.

[2] Статья 18 Закона об усыновлении.

[3] Части III и IV ст. 17 Закона об усыновлении.

[4] Статьи 1, 39 и ст. ст. 46 и 48 Закона об опеке.

[5] Часть 1 ст. 2 Закона об опеке.

[6] Часть 1 ст. 56 Закона о браке.

Наряду с общим указанием на основания развода Закон о браке дает примерный, не исчерпывающий перечень конкретных оснований развода.

К таким основаниям относятся случаи, когда супружеская жизнь сделалась невозможной и оба супруга согласны на расторжение брака. Сюда же относятся нарушение супружеской верности, покушение на жизнь супруга, душевная болезнь или слабоумие, возникшие после заключения брака, безвестное отсутствие, совершение преступления (ст. ст. 56—63).

Брак может быть расторгнут только тогда, когда восстановление нормальных супружеских отношений является невозможным, а само желание развестись вызвано глубоко продуманными и серьезными причинами. Согласие супругов на развод подлежит проверке суда — вывод, к которому приходит Верховный суд в решении № 24 от 4 февраля 1950 г.[1]. Для того чтобы не допустить легкомысленного и случайного развода, судья обязательно должен принимать меры к примирению сторон, за исключением бракоразводных процессов с душевнобольными или слабоумными, безвестно отсутствующими и лицами, находящимися в местах лишения свободы.

С целью выяснения действительных причин развода и большей успешности примирения, склонение сторон к примирению должно производиться при закрытых дверях.

Суды, как указывает Верховный суд, должны уделять самое серьезное внимание примирению разводящихся «и особенно тогда, когда у суда складывается убеждение, что супруги могут совместно проживать» (решение № 265 от 21 июня 1951 г.)[2].

Обязательное участие прокурора в бракоразводном процессе[3] введено для лучшего достижения материальной истины, на установление которой направлены все усилия суда.

Брак расторгается только при установлении невозможности совместного проживания супругов.

После расторжения брака супруги принимают свои добрачные фамилии, но, когда брак расторгается по вине другого супруга или от брака есть дети, то разведенный супруг имеет право носить брачную фамилию[4].

Имущественные последствия развода для того или иного супруга определяются в зависимости от его виновности в расторжении брака. Решение этого вопроса дается законодательством таким же образом, как и при аннулировании брака.

Продолжать бракоразводный процесс могут наследники с тем, чтобы установить существование права на развод.

В этом случае оставшийся в живых супруг теряет право наследования после умершего супруга. Аналогичное разрешение, как и при соответствующем случае аннулирования брака, получает также вопрос о судьбе сделанных супругами подарков друг другу во время состояния в браке (ст. ст. 71 и 76 Закона о браке).

Нуждающийся нетрудоспособный супруг, невиновный в расторжении брака, имеет право на получение алиментов на свое содержание от другого супруга. Право на получение таких алиментов прекращается со вступлением взыскателя в новый брак. Суд может также, учитывая все обстоятельства дела и придя к выводу, что разведенный супруг не заслуживает этого, отказать во взыскании таких алиментов, а в надлежащих случаях прекратить или снизить их размер на будущее.

Взыскание алиментов по вновь установленному размеру должно, как правило, производиться со дня предъявления иска о снижении размера алиментов.

Возникновение новых брачно-семейных отношений в Албании началось еще в процессе национально-освободительной борьбы албанского народа за свою свободу и независимость. Семейный кодекс 1948 г. явился новым крупнейшим шагом в этом направлении. Он не только закрепил демократические преобразования, но и направил развитие брачно-семейных отношений по пути дальнейшего внедрения в них социалистических принципов.

Советское законодательство о браке и семье служило образцом при построении Семейного кодекса Албании. Однако, исходя из особенностей развития Народной Республики Албании, Семейный кодекс дал новое решение целого ряда вопросов. «Все нации придут к социализму, это неизбежно,— говорил В. И. Ленин,— но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» (Соч., т. 23, стр. 58).

Брачно-семейное право новой Албании направлено на укрепление семьи, на максимальное обеспечение прав и законных интересов матери и ребенка.

В. Шахматов

---

[1] «Народная юстиция» 1950 г. № 1, стр. 81—82.

[2] «Народная юстиция» 1951 г. № 4, стр. 74.

[3] «Народная юстиция» 1949 г. № 3, стр. 79.

[4] Ст. 64 Закона о браке

ОБМЕН ОПЫТОМ

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РАБОТЫ НОВЫХ НАРОДНЫХ СУДЕЙ

Выборы народных судов, проведенные в декабре 1951 года, значительно повысили авторитет народных судей и народных заседателей и положительно повлияли на улучшение социалистического правосудия. За последнее время народные суды и органы юстиции Красноярского края значительно поспособствовали дальнейшему улучшению организации и качества работы.

За это время во многих народных судах значительно снизилась отмена приговоров и решений и у 30% народных судов совсем не было отмены приговоров и решений (народные судьи тт. Кубекова, Ретинский, Забаев, Клепинин, Мелых, Колиниченко и др.).

Народные судьи этих и многих иных районов, не ограничивая свою работу только рассмотрением дел, проводят большую работу на предприятиях, учреждениях, фабриках, заводах, в колхозах, совхозах, МТС по разъяснению избирателям советских законов, умело и правильно используют материалы судебной практики для дальнейшего укрепления социалистической законности. Регулярно проводят совещания и семинарские занятия с народными заседателями, выступают перед избирателями с отчетными докладами о своей работе и работе суда. Их судебная деятельность протекает на глазах у избирателей, в обстановке широкой гласности. Они успешно борются за сокращение преступности, быстро и эффективно восстанавливают нарушенные права граждан. Такие народные судьи пользуются заслуженным уважением у своих избирателей.

Юридическая и политическая подготовка этих судей различна, опыт работы неодинаков. Но все они горячие патриоты, верные слуги народа, глубоко преданные делу Ленина—Сталина. Для всех них характерно одно — партийное отношение к делу, государственный подход к решению любого дела, высокая требовательность к себе и своим подчиненным, любовь к порученному им делу.

Они личным примером воспитывают работников народного суда в духе высокой дисциплинированности и сознания ответственности за порученную работу. Организованность и четкость в работе названных народных судей наблюдается с приема посетителей. При приеме исковых заявлений они тщательно их проверяют, устанавливают, какие доказательства необходимы по делу, каких документов недостает. И чтобы не откладывать дел и не затруднять граждан лишним хождением в суд, они разъясняют им, какие документы необходимо представить к судебному заседанию. Тут же поручают работникам канцелярии срочно выписать повестки по делу. Граждане являются к этим народным судьям, не только когда у них возникает то или иное судебное дело, а иногда и просто побеседовать, услышать от них правильный совет.

Судебный процесс проводят культурно, вдумчиво, внимательно выслушивают объяснения сторон, глубоко вникают в существо каждого дела. Они ни на минуту не забывают, что суд является острым оружием советского государства и что это оружие должно быть беспощадно направлено против расхитителей социалистической собственности, злостных нарушителей общественного порядка, лиц, посягающих на жизнь и имущество советских граждан.

Они отлично помнят и о воспитательной роли советского суда, который привлекает широкие массы на борьбу со всеми отрицательными явлениями, мешающими строительству коммунизма, выполняя указания товарища Сталина о том, «...чтобы каждый рабочий, каждый честный крестьянин помогал партии и правительству проводить в жизнь режим экономии, бороться с расхищением и распылением государственных резервов, изгонять вон воров и мошенников, какой бы маской они ни прикрывались, оздоровлять и удешевлять наш государственный аппарат» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 140).

Народные суды Красноярского края с момента прошедших выборов проделали значительную работу. Однако не все еще судебные работники края успешно решают стоящие перед ними задачи.

Общеизвестно, что сейчас одной из самых важнейших задач является охрана социалистической и личной собственности граждан, самая суровая и беспощадная борьба с ворами и расхитителями этой собственности.

Указы от 4 июня 1947 г. направлены на дальнейшее решительное усиление борьбы с такими хищениями.

Работники суда и прокуратуры должны метко и быстро наносить удар расхитителям, ворам и жуликам.

Они обязаны твердо, по-большевистски, без всякого снисхождения к ворам, крупным и мелким, проводить в жизнь указы от 4 июня 1947 г., они обязаны работать так, чтобы положить хищениям конец.

Между тем, еще не все народные судьи и прокуроры правильно уяснили свои задачи и недооценивают большого политического значения упомянутых указов.

Еще не изжита волокита в расследовании преступлений и рассмотрении дел, встречаются отдельные народные судьи и прокуроры, которые при квалификации преступлений и определений наказания отступают от требований закона, а этим допускают поблажки расхитителям государственного и личного добра.

В работе отдельных народных судов имели место факты непозволительно благодушного отношения к спекулянтам, хулиганам, нарушителям сталинского устава сельскохозяйственной артели. Дальнейшее усиление борьбы с преступностью и устранение волокиты — одна из главных задач судебных органов.

Вместе с тем суды должны вести решительную борьбу за то, чтобы ни один невиновный советский гражданин не был привлечен к уголовной ответственности, а тем более незаконно осужден.

При изучении судебных дел установлено, что отдельные судьи допускают спешку и грубые нарушения материальных и процессуальных законов, что приводит к отмене вышестоящими судами выносимых ими приговоров и решений.

Неотложной задачей судебных органов края является дальнейшее улучшение качества рассмотрения дел, исполнение судебных приговоров и решений и разрешение жалоб граждан. Поэтому необходимо решительно вести борьбу с волокитой в рассмотрении уголовных и гражданских дел и с формально-бюрократическим отношением к жалобам трудящихся.

Изучение и обобщение судебной практики — неотъемлемая и очень важная часть работы советского суда. На основе анализа судебных дел и политического их осмысливания судья должен вскрывать свои собственные недостатки, а также и недостатки органов следствия, хозяйственных, общественных и иных организаций. Он должен ставить вопрос об устранении этих недостатков перед местными партийными, советскими, хозяйственными и иными органами. Многие, но, к сожалению, еще не все судебные работники края хорошо выполняют эту задачу. Успешно справляться с работой в суде могут лишь те, кто имеет достаточно широкий политический кругозор, хорошо юридически подготовлен, неустанно работает над повышением своего идейно-политического уровня, юридической грамотности и общей культуры.

Одной из главных причин ошибок в судебной работе является недостаточная политическая и юридическая подготовка некоторых судебных работников. Они забывают, что животворным источником трудовых подвигов советской интеллигенции является ее высокая идейность и глубокая убежденность в правоте дела партии Ленина—Сталина, за торжество которого она борется с беспримерным мужеством и героизмом.

Высокая идейность и убежденность советских юристов воспитывается большевистской партией на основе глубокого усвоения марксистско-ленинской науки, которая дает нашему движению уверенность, силу ориентировки, понимание внутренней связи окружающих событий, помогает распознавать перспективы ее развития.

Наша партия уделяет огромное внимание политическому просвещению работников юстиции, неустанно заботясь о высоком уровне их политического развития.

Политическое воплощение заботы партии выражено в историческом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». Это постановление ЦК ВКП(б) является одной из важнейших мер для дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка, повышения государственной и трудовой дисциплины во всех областях нашей деятельности и укрепления судебных кадров.

Многие судебные работники края прониклись сознанием ответственности за выполнение этого постановления ЦК ВКП(б) и успешно обучаются в системе высшего юридического образования. Так поступают народные судьи г. Красноярска тт. Ретинский, Стародубцев, народный судья Сухобузимского района т. Балашов, ревизоры управления Министерства юстиции тт. Миненко и Купряков и др.

Но некоторые судебные работники беззаботно относятся к повышению своей квалификации. Они забывают при этом слова А. А. Жданова о том, что уровень требований и вкус нашего народа поднялся очень высоко, — и тот, кто не хочет или не способен подняться до этого уровня, будет оставлен позади.

Работники юстиции должны отличаться большевистской непримиримостью и стойкостью, они должны уметь бесстрашно и самоотверженно драться на своем участке за генеральную линию партии — вот основная задача, без решения которой нельзя решить никакой иной задачи, стоящей сейчас перед советскими органами юстиции.

В новых условиях победившего социализма и перехода от социалистического общества к коммунизму работа советского суда должна быть построена так, чтобы суд воспитывал и укреплял новую, социалистическую дисциплину труда, уважение к правилам социалистического общежития, умение и желание жить и работать во имя общественного дела — дела социализма, любви и преданности Родине, мудрому вождю и учителю, великому товарищу Сталину.

П. Болденков

ОПЫТ РАБОТЫ НАРОДНОГО СУДЬИ тов. КАЛМЫКОВА

Тов. Калмыков приступил к исполнению обязанностей народного судьи 1-го участка г. Молодечно в августе 1948 года по окончании Саратовской юридической школы. Имея жизненный опыт, обладая чувством государственной ответственности за порученное дело, стремясь обеспечить правильное применение советских законов в судебной практике, т. Калмыков добился значительных успехов в осуществлении социалистического правосудия.

Немало трудностей встречал молодой судья в работе, но он настойчиво и упорно преодолевал их, непрерывно добиваясь улучшения судебной работы, совершенствования своих знаний и повышения уровня работы всего аппарата народного суда.

С самого начала своей деятельности т. Калмыков придавал большое значение правильной организации работы народного суда, от успешного осуществления которой зависит во многом успех всей судебной работы.

Работа суда проводится строго по плану. В планах работы предусматриваются дни подготовительных и судебных заседаний, проверки работы канцелярии, отчеты и доклады перед избирателями, обобщения судебной практики, занятия с работниками суда. Выбор темы доклада и предприятия, на котором он должен быть сделан, проводится с учетом характера дел, поступающих в народный суд с этого предприятия или из учреждения.

Например, на основании изучения судебной практики по делам о нарушениях трудовой дисциплины т. Калмыков установил, что за последнее время участились нарушения трудовой дисциплины на железнодорожном узле. Народный судья сделал несколько докладов по этому вопросу, вошел с представлением в местные партийные органы о недостатках политмассовой работы на железнодорожном узле. Число случаев нарушения трудовой дисциплины резко снизилось

Дела к слушанию назначает лично народный судья: уголовные — в подготовительном заседании, гражданские — по тщательной досудебной подготовке. При назначении дел всегда учитываются их сложность и актуальность, время, необходимое для их рассмотрения. В народном суде сведено до минимума отложение дел слушанием.

Для улучшения доставки судебных повесток т. Калмыков провел беседы с работниками управления связи. На случай несвоевременной доставки судебных повесток суд соответствующим образом реагировал. 17 апреля 1951 г. народный суд вынес частное определение о небрежном отношении работников связи Молодечненской и Минской областей к доставке судебных повесток. Это определение было направлено уполномоченному Министерства связи Белорусской ССР и начальнику управления связи по Молодечненской области. Работники связи, виновные в нерадивом отношении к своим обязанностям, были наказаны. Теперь повестки вручаются и корешки повесток возвращаются в народный суд во-время.

Тов. Калмыков сумел культурно организовать прием посетителей. Ежедневно с 9 до 11 час. утра народный судья принимает избирателей, внимательно выслушивает их заявления и жалобы, дает правильные ответы и консультации.

Нередко к народному судье обращаются избиратели по вопросам, не относящимся к компетенции народного суда, приходят посоветоваться как к своему избраннику, как к слуге народа. Тов. Калмыков всегда внимательно выслушивает их, помогает советом, а в необходимых случаях принимает меры к восстановлению нарушенного права заявителя.

Тов. Калмыков придает большое политическое значение изучению и обобщению судебной практики народного суда. Систематически, на протяжении ряда лет т. Калмыков анализирует и обобщает судебную практику. Народный судья изучает судебную практику по делам о хищениях государственного и общественного имущества, о нарушениях трудовой дисциплины, о должностных преступлениях, о кражах личного имущества граждан и др. Выбор категорий дел для обобщения т. Калмыков производит с учетом состояния преступности и законности в районе деятельности суда. Материалы обобщения доводятся до сведения местных руководящих органов и прокуратуры области. В необходимых случаях принципиальные вопросы, вытекающие из судебной практики, т. Калмыков ставит на разрешение партийных и советских органов.

Изучая судебную практику по делам о хищениях государственного и общественного имущества, т. Калмыков установил, что запутанность бухгалтерского учета в артели облразнопромсоюза «Свобода» способствовала неоднократным крупным хищениям общественного имущества. Тов. Калмыков сделал по этому вопросу представление городскому комитету КП(б)Б. В артель была направлена специальная комиссия для проверки работы. Итоги проверки обсуждались на бюро ГК КП(б)Б. Председатель артели Малеванчук и бухгалтер Войтова сняты с работы.

Обобщая судебную практику по делам о нарушениях трудовой дисциплины, народный судья установил, что много прогулов и самовольного оставления работы имели место в облстройтресте вследствие плохих жилищных условий рабочих. Тов. Калмыков сделал по этому вопросу представление городскому комитету КП(б)Б и областному совету профсоюзов. Комиссия ГК

КП(б)Б и областного совета профсоюзов проверила жилищные условия рабочих облстройтреста, на бюро ГК КП(б)Б были заслушаны доклады секретаря партийной организации и управляющего трестом. Приняты меры к улучшению жилищно-бытовых условий рабочих.

Анализом судебной практики по делам по заявлениям районного финансового отдела о взыскании недоимок по налогам установлено, что городской финансовый отдел передавал в суд дела пачками, на мелкие суммы (8—10 руб.), не привлекая к судебной ответственности злостных неплательщиков налога. Народный судья по поводу этих фактов сделал представление секретарю областного комитета КП(б)Б. Вопрос об ошибках в работе финансовых органов обсуждался на созванном обкомом совещании работников суда, милиции, прокуратуры и финансовых органов. Этот же вопрос был внесен т. Калмыковым на обсуждение сессии городского совета. Заведующему городским финансовым отделом сделано указание. Нарушения в работе финансовых органов устранены.

На основании жалоб женщин-матерей на невзыскание алиментов т. Калмыков организовал проверку в учреждениях и предприятиях правильности удержаний по исполнительным листам. Проверкой установлено, что ряд работников уклонялся от уплаты алиментов, используя свое служебное положение. Тов. Калмыков сделал представление секретарю горкома КП(б)Б. Виновные привлечены к строгой партийной ответственности.

На основании ряда рассмотренных гражданских дел (главным образом по искам частных лиц к учреждениям и предприятиям) установлено, что некоторые руководители учреждений и предприятий заключают в обход закона сделки с частными лицами под видом трудовых соглашений на большие суммы. По этому вопросу сделано представление исполнительному комитету городского совета.

За 1950—1951 гг. т. Калмыков сделал девять представлений местным руководящим органам по принципиальным вопросам, вытекающим из судебной практики.

Тов. Калмыков не только систематически анализирует свою судебную практику, но и настойчиво борется за устранение недостатков, способствующих нарушениям законности, в работе других ведомств и предприятий.

Большое внимание уделяет т. Калмыков работе с народными заседателями. Ежемесячно по специально разработанной тематике т. Калмыков проводит занятия с народными заседателями. До судебного заседания т. Калмыков обязательно проводит беседу с народными заседателями, знакомит их с делами, подлежащими рассмотрению в судебном заседании. Это обеспечивает активное участие народных заседателей в суде. Большую работу проводит т. Калмыков с народным заседателем, выделенным для временного замещения народного судьи. Он специально изучает с этим народным заседателем основы законодательства, привлекает его к участию в рассмотрении самых сложных и трудных дел, поручает составление приговоров и решений.

Высоко оценивая доверие народа, избравшего его народным судьей, т. Калмыков систематически поддерживает связь с избирателями, проводя отчеты о работе суда и доклады по разъяснению советских законов. В 1950 году он сделал 12 отчетов перед избирателями и 15 докладов, в 1951 году — 18 отчетов и 12 докладов.

К каждому отчету т. Калмыков тщательно готовится. Об отчете перед избирателями он заранее договаривается с руководителем учреждения и предприятия и секретарем партийной организации, председателем профсоюзного комитета. Готовясь к отчетному докладу, т. Калмыков просматривает дела, поступившие из этого учреждения или предприятия. Это дает возможность привести в отчетном докладе наиболее характерные примеры из судебной практики.

После каждого отчетного доклада избиратели задают много вопросов народному судье о советском законодательстве и работе суда. Обычно после отчета беседа с избирателями длится полтора-два часа.

Правильная организация работы народного суда во многом обеспечила и высокое качество рассмотрения уголовных и гражданских дел.

Тов. Калмыков много сил и внимания отдает предварительной подготовке дел к слушанию. Уголовные дела до внесения их в подготовительное заседание тщательно изучаются народным судьей. Исходя из обстоятельств дела, суд в подготовительном заседании в ряде случаев принимает решение о вызове дополнительных свидетелей, не указанных в обвинительном заключении, или об истребовании других доказательств.

Новаш была привлечена к уголовной ответственности по обвинению по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. При допросе в качестве обвиняемой Новаш выдвинула версию, что ценные вещи, которые были ею приобретены в период совершения преступления, она приобрела на доходы от сельского хозяйства: обрабатывала землю, имела свиней, коз. Народный суд до рассмотрения дела в судебном заседании истребовал соответствующие документы из городского финансового отдела и установил, что в пользовании Новаш не было ни земли, ни скота. Таким образом была опровергнута версия обвиняемой.

Правильное и своевременное рассмотрение гражданских дел в значительной мере зависит от полноты и тщательности досудебной подготовки.

При приеме исковых заявлений т. Калмыков обстоятельно беседует с истцом, выясняет все неясные вопросы, какие необходимы доказательства. Если для стороны за-

трудительно получение какого-либо письменного доказательства, судья дает на руки истцу письмо для получения из соответствующего учреждения документа. По многим делам в порядке досудебной подготовки вызываются ответчики, которым судья объявляет о предъявленном к ним иске и знакомит с исковыми материалами. В ряде случаев ответчики возбуждают перед судом ходатайства о приобщении доказательств с их стороны. Иногда для выяснения возникших вопросов судья вызывает в порядке досудебной подготовки одновременно истца и ответчика.

До назначения дела к слушанию т. Калмыков подбирает необходимые законодательные материалы. В связи с этим возникает иногда необходимость в истребовании дополнительных доказательств. Только после проведения всех этих мероприятий дело назначается к слушанию. Зачастую дела назначаются к слушанию в присутствии сторон, которым тут же вручаются повестки о явке в суд и передаются повестки для вручения свидетелям.

Такая подготовка дела к слушанию обеспечивает сокращение сроков рассмотрения дел и устраняет необходимость отложения дел слушанием.

Судебный процесс т. Калмыков проводит на высоком политическом и юридическом уровне. Это обеспечивается тщательной подготовкой дел к слушанию, ознакомлением народных заседателей с делами, подлежащими рассмотрению, и с основными нормами процесса, высокой культурой самого народного судьи. В необходимых случаях народный судья организует рассмотрение дел в выездных сессиях. Установив, что на железнодорожном узле участились случаи нарушения трудовой дисциплины, т. Калмыков несколько дел рассмотрел в железнодорожном клубе с привлечением большого числа рабочих и служащих.

Народный суд правильно применяет законы при рассмотрении уголовных и гражданских дел, обеспечивает проведение суровой борьбы с особо опасными преступлениями.

Например, в 1951 году в отношении расхитителей государственного и общественного имущества, хулиганов, спекулянтов, убийц, воров личного имущества граждан не было случаев применения мер наказания, не связанных с лишением свободы.

В практике народного суда не было ни одного факта неосновательного осуждения советского гражданина или неосновательного оправдания преступника. На факты неосновательного привлечения к уголовной ответственности граждан суд принципиально реагировал.

В 1950 году народный суд оправдал гражданку Сергей, обвинявшуюся по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и сбыт самогона». В судебном заседании было установлено, что следствие по делу проведено с грубым нарушением закона и прав обвиняемой, явно тенденциозно. Народный судья вынес частное определение по делу и сделал представление прокурору области. Оперуполномоченный отделения милиции, который вел следствие по делу, от работы освобожден.

Зачастую вышестоящие судебные инстанции направляют после отмены приговора на рассмотрение народного суда сложные дела, которые неоднократно рассматривались в судебных органах.

Из областного суда поступило после отмены приговора дело по обвинению Богомоловой И. К. в нанесении тяжких телесных повреждений матери ее мужа Богомоловой А. С., от которых последняя скончалась. Народным судом 2-го участка г. Молодечно Богомолова осуждена на основании п. «б» ст. 219 УК Белорусской ССР к лишению свободы на 5 лет. В деле имелось заключение областного судебно-медицинского эксперта о том, что повреждения, которые нанесены потерпевшей, относятся к тяжким телесным повреждениям. При изучении материалов дела у т. Калмыкова возникло сомнение в правильности заключения экспертизы. Дело было направлено главному судебно-медицинскому эксперту Министерства здравоохранения Белорусской ССР. Экспертизой и в судебном заседании было установлено, что потерпевшей были нанесены легкие телесные повреждения, что между действиями обвиняемой Богомоловой и смертью потерпевшей причинная связь отсутствует. Суд осудил Богомолову по п. «а» ст. 223 УК Белорусской ССР.

После неоднократного рассмотрения в судебных органах на рассмотрение народного суда было направлено дело по обвинению Жилик Антона в хищении товаров на 4500 руб. из склада Первомайского сельского потребительского общества Боложинского района. В нескольких судебных заседаниях Жилик упорно отрицал свою вину. Суд вызвал в судебное заседание ряд свидетелей, которые участвовали понятыми при осмотре места происшествия и места обнаружения украденных товаров, свидетелей, на которых подсудимый ссылался в подтверждение своего алиби. Тщательно исследовав и правильно оценив доказательства, собранные по делу, суд уличил Жилика в преступлении. По приговору суда по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. Жилик заключен в исправительно-трудовой лагерь на десять лет с конфискацией всего имущества.

Так же твердо и неуклонно народный суд стоит на страже имущественных, жилищных, трудовых и иных прав советских граждан, охраняемых законом интересов государственных предприятий и учреждений, обеспечивая строгое соблюдение социалистической законности на территории деятельности суда.

В сентябре 1951 года в народный суд обратилась Долмат за советом, может ли

она получить алименты на ребенка с Лейкинда, с которым она в 1942—1943 гг. состояла в фактических брачных отношениях. Местожительство Лейкинда ей неизвестно. Тов. Калмыков разъяснил Долмат, что она имеет право на получение алиментов с отца ребенка. После поступления в суд искового заявления суд объявил розыск ответчика, последний был разыскан, и 29 января с. г. суд вынес решение о взыскании средств с Лейкинда в пользу Долмат на содержание ребенка.

Тщательная подготовка дел к слушанию, высокая деловая квалификация народного судьи, уменье правильно разобраться в обстоятельствах дела и правильно оценить их с точки зрения советского закона обеспечивают правильное рассмотрение уголовных и гражданских дел.

В 1951 году все обжалованные приговоры и решения народного суда были оставлены в силе, одно с изменением. В 1950 году отменен один приговор и одно решение.

Народный судья т. Калмыков не только стремится обеспечить правильное рассмотрение дел по существу, но и выявить в судебном заседании причины, способствующие совершению преступлений и нарушению законности. Народный суд не только выносит по этим вопросам частные определения, но и настойчиво добивается их исполнения.

Ганецкая, ранее судимая за хищения, была принята на должность бухгалтера Молодечненского городского инвентаризационно-технического бюро. Руководители бюро не контролировали ее работу и дали ей возможность вновь совершить хищение государственных средств. Суд вынес по этим фактам частное определение. Начальник областного сектора технической инвентаризации сообщил суду, что намечены конкретные мероприятия по улучшению бухгалтерского учета.

Проведенная судом большая работа по борьбе с преступниками, постановка вопросов, вытекающих из судебной практики, пропаганда советских законов, несомненно, явились одной из причин снижения преступности в районе деятельности суда.

Поступление уголовных дел в суд и число осужденных из года в год уменьшаются. Особенно уменьшилось число осужденных за хищение государственного и общественного имущества, за кражи личного имущества граждан, за спекуляцию.

Тов. Калмыков убежден, что одной из причин, способствующих улучшению работы народного суда, является высокое качество предварительного следствия. Поэтому суд принципиально реагирует на недостатки в работе органов дознания и следствия путем вынесения частных определений или специальными представлениями прокурору области. Частные определения суда способствовали улучшению работы органов следствия. В г. Молодечно регулярно проводятся межведомственные совещания работников суда, прокуратуры и органов милиции, способствующие устранению недостатков в работе судебно-следственных органов.

Много работает т. Калмыков над так называемыми делами частного обвинения. Получив заявление от потерпевшего, народный судья вызывает заявителя и лицо обвиняемое, проводит с ними беседу, убеждает, что их конфликт несерьезен, что неправильное поведение второй стороны — лишь проявление пережитков старого мира в сознании людей. Зачастую и обвиняемый и потерпевший сознают, что они погорячились, что нет серьезных оснований к возбуждению уголовного дела, и здесь же, в кабинете народного судьи, примиряются. Поступление в суд дел частного обвинения намного уменьшилось.

Правильно организованная работа народного суда, тщательная предварительная подготовка дел к слушанию, своевременное вручение повесток сторонам обеспечивают рассмотрение абсолютного большинства дел в установленные законом сроки.

Большое внимание уделяет т. Калмыков работе канцелярии суда, повышению идейного уровня и деловой квалификации работников суда. Еженедельно народный судья проводит занятия с работниками суда, занятия проводятся по вопросам текущей политики и по изучению инструкции по делопроизводству.

По окончании каждого месяца в суде проводится производственное совещание, на котором обсуждаются итоги работы суда за месяц и намечаются меры к устранению недостатков. Эта работа с аппаратом суда дала свои результаты. Делопроизводство в суде ведется в основном в соответствии с требованиями инструкции, протоколы судебных заседаний заметно улучшились. Приговоры и решения обращаются к исполнению своевременно.

Личный и повседневный контроль осуществляет народный судья и за работой судебного исполнителя. Остатки неисполненных производств сведены до минимума. Абсолютное большинство производств исполняется в пятнадцатидневный срок. Осуществляется контроль за исполнением по исполнительным производствам, находящимся на периодическом исполнении. В 1951 году сделаны проверки во всех учреждениях и предприятиях, в которых находятся исполнительные листы на периодическом исполнении. Большинство этих проверок сделано лично народным судьей.

Правильно оценивая политическое значение приговоров и решений народного суда, провозглашаемых от имени республики, от имени народа, т. Калмыков исключительно внимательно относится к составлению судебных документов. Приговоры и решения суда составлены грамотно, с необходимой полнотой и убедительностью, с указанием мотивов, положенных в основу решения суда, со ссылками на материальный закон.

Значительные успехи в работе народного

суда достигнуты потому, что т. Калмыков непрерывно совершенствует свои политические и юридические знания. Обучаясь на четвертом курсе заочного юридического института, он успешно и своевременно сдает экзамены. Тов. Калмыков внимательно следит за судебной практикой, выписывает и читает «Социалистическую законность» и сборник «Судебная практика Верховного суда СССР», стенограммы публичных лекций Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, имеет собственное собрание юридической и художественной литературы. Тов. Калмыков систематически читает художественную литературу, следит за новинками.

Тов. Калмыков организовал в суде кодификационно-справочную работу. Народный судья ведет специальный наряд, в который подшиваются важнейшие законодательные акты, постановления пленума Верховного суда СССР, инструкции и т. д., систематизированные по отраслям права и по отдельным институтам права: по жилищным делам, о взыскании штрафов, наложенных в административном порядке, по наследственному праву и т. д. В наряд вложен перечень законодательных и инструктивных материалов, с указанием страниц наряда При поступлении новых актов они подшиваются в соответствующий раздел и делается отметка в перечне.

Кроме этого, т. Калмыков ведет специальные тетради для справок по уголовному и гражданскому праву и по уголовному и гражданскому процессу. В тетрадях сделаны специальные разделы по отдельным вопросам права и процесса. В каждом разделе коротко излагаются важнейшие инструктивные материалы, постановления Пленума Верховного суда СССР и определения судебных коллегий Верховного суда СССР по характерным делам, выдержки из работ виднейших советских юристов. Каждое новое постановление Пленума Верховного суда СССР, определения судебных коллегий, инструктивные материалы вносятся в соответствующий раздел. Ведение справочных тетрадей облегчает народному судье усвоение важнейших инструктивных материалов и дает возможность быстро находить необходимый акт.

Народный судья т. Калмыков, по-большевистски принципиальный, беззаветно исполняющий свой государственный и партийный долг, пользуется большим уважением населения. Он избран депутатом Молодечненского городского совета, кандидатом в члены пленума городского комитета КП(б)Б. Как депутат городского совета т. Калмыков является руководителем юридической секции горсовета. По заданию горкома КП(б)Б и горсовета т. Калмыков систематически читает лекции и доклады на предприятиях и в учреждениях города. Как депутат городского совета т. Калмыков внес на обсуждение сессий ряд вопросов, вытекающих из судебной практики, об улучшении работы школ, клуба строителей и др. Тов. Калмыков — скромный и отзывчивый товарищ. Избиратели часто обращаются к нему за советами, за помощью. Товарищи по работе консультируются у него зачастую по юридическим вопросам. Много помогает т. Калмыков молодому народному судье т. Купрееву, работающему с ним в одном помещении.

На отчетных собраниях в период подготовки к выборам народных судов избиратели давали высокую оценку работе народного суда. В декабре 1951 года т. Калмыков повторно избран народным судьей 1-го участка г. Молодечно.

Тов. Калмыков не останавливается на достигнутом. Он находит, что суду еще много нужно сделать по дальнейшему сокращению преступности и укреплению законности, улучшить работу по исполнению судебных решений. Тов. Калмыков мечтает по окончании института поступить в заочную аспирантуру по кафедре уголовного права.

За хорошую организацию судебной работы т. Калмыков дважды премирован Министром юстиции СССР.

Своей работой по рассмотрению уголовных и гражданских дел, изучением судебной практики, пропагандой советских законов, всей своей деятельностью народный суд 1-го участка г. Молодечно повседневно, ежечасно выполняет великую роль по воспитанию трудящихся в духе уважения к советским законам, в духе преданности делу коммунизма. В этом — большая заслуга народного судьи т. Калмыкова.

Недавно т. Калмыков как один из лучших судей республики избран членом Верховного суда Белорусской ССР.

Старший ревизор УСО
Министерства юстиции Белорусской ССР
Е. Ильина

КАК Я РАССМАТРИВАЮ ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Каждый народный судья, прокурор, следователь и другие работники юстиции обязаны при расследовании и рассмотрении в суде уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних проявлять максимум внимательности и чуткости, выяснять во всех случаях мотивы и обстоятельства совершения преступления несовершеннолетними.

Наш закон, руководящие указания Пленума Верховного суда СССР, инструкции и приказы Министра юстиции СССР и Генерального Прокурора СССР обязывают нас, судебных и прокурорских работников,

особо осторожно и чутко подходить к вопросу о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних.

Я придаю самое важное значение рассмотрению в судебных заседаниях дел по обвинению несовершеннолетних.

Получив дело из органов предварительного следствия, я тщательно изучаю все материалы, находящиеся в деле, и обращаю особое внимание на качество расследования этих дел.

Если по этим делам органами расследования допущено малейшее нарушение, влекущее ущемление прав и интересов обвиняемых, такие дела с подготовительного заседания народного суда мы возвращаем на доследование, указав мотивированным определением на нарушения, допущенные органами расследования.

Если дело, по которому привлечен к ответственности несовершеннолетний в возрасте 12—16 лет, расследовано правильно с соблюдением всех процессуальных норм, я немедленно назначаю его к слушанию. Народными заседателями по этим делам, как правило, вызываем педагогов. Кроме этого, во всех случаях дела о преступлениях несовершеннолетних рассматриваем с обязательным участием адвоката и прокурора. В судебное заседание вызываем родителей подсудимых, представителей школ и других детских учреждений, где учились и воспитывались несовершеннолетние подсудимые. При этих условиях нам удается на судебном заседании выяснить причины совершения преступления несовершеннолетними и учениками школ и принимать меры.

При избрании наказания к осужденным суд подходит индивидуально к каждому, учитывая его личность, обстановку и мотивы совершения преступления.

Недавно народный суд 2-го участка Кишлинского района г. Баку под моим председательством рассмотрел дело по обвинению учеников школы № 193 Кишлинского района Селиверстова и Хорунжия и ученика ремесленного училища № 2 Замулинского по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», за то, что они во время каникул совершили кражу из физического кабинета школы разных принадлежностей от киноаппарата и репродуктор. Органы предварительного следствия ограничились формальным установлением преступных фактов и, не выяснив причин, мотивов и обстоятельств совершения этого преступления, направили дело в суд для рассмотрения по существу.

Из материалов дела было видно, что органы расследования не выполнили приказа Наркомюста СССР и Прокурора СССР от 11 июня 1940 г. за № 67/110. Следствие было проведено поверхностно. Не были выяснены причины совершения учениками школы кражи предметов, которые не представляли для них особых ценностей. Этот пробел в работе следственных органов мы решили исправить на судебном заседании, не возвращая дело на доследование.

Назначив дело к слушанию, мы обеспечили всем обвиняемым защиту и дело рассмотрели с участием прокурора. Кроме этого, мы вызвали на судебное заседание родителей всех обвиняемых, представителя школы и воспитателя ремесленного училища.

В день рассмотрения этого дела мы других дел не назначили, хотя это дело и не представляло из себя никакой сложности, тем более, что все подсудимые признали себя виновными еще у следователя, а свидетелей было всего трое-четверо.

Судебное разбирательство этого дела было проведено таким образом, чтобы подсудимые осознали полную ответственность за свои действия.

На суде подсудимые также признали себя виновными в совершенном ими преступлении. Казалось бы, что были все основания для вынесения обвинительного приговора. Мы не ограничились, однако, их признаниями и поставили перед собою задачу выяснить мотивы совершения данной кражи.

Подсудимый Хорунжий, ученик 7-го класса, рассказал суду, что он совершил это преступление лишь потому, что любил радиодело и хотел стать радиотехником, но родители запретили ему заниматься изучением радиотехники.

Подсудимые Селиверстов и Замулинский суду объяснили, что они любят фотодело, хотят стать фотографами, но ни в школе, ни в ремесленном училище не созданы фотокружки, а родители не захотели приобрести фотоаппарат, а потому они и украли из школы фотоаппарат, объективы и другие приборы.

Родители всех осужденных находились в зале судебного заседания и, опустив голову, внимательно слушали объяснения сыновей; они почувствовали, что своим бездушным отношением к своим детям они привели их на скамью подсудимых. Судом было установлено, что эти дети росли почти без надзора, родители не следили за их воспитанием, не знали, чем занимаются их дети после школы. Не интересовались также этим вопросом ни школа, ни ремесленное училище.

О недостатках в работе школы и ремесленного училища в деле воспитания молодежи мы довели до сведения руководителей районных организаций, которые приняли соответственные меры.

Народный суд, признав виновными всех троих подсудимых и осудив их, применил к осужденным ст. 59 УК Азербайджанской ССР, исполнение приговора оставил условным с испытательным сроком в три года для каждого. Этим же приговором народный суд возложил материальную ответ-

ственность за нанесенный ущерб на родителей.

Через несколько месяцев мы проверили, какое воспитательное воздействие оказал наш приговор на осужденных, и установили, что они серьезно взялись за учебу, а Замулинский окончил ремесленное училище и направлен на работу на Бакинский электромеханический завод, является стахановцем, в несколько раз перевыполняет производственные задания.

Народный суд систематически проверяет, как работают и учатся несовершеннолетние, осужденные судом к условному наказанию. Особый интерес представляет рассмотренное нами дело по обвинению пятнадцатилетнего Разина, который обвинялся в краже печенья с подводы орса во время доставки партии кондитерских изделий со склада в магазин.

По делу установлено, что Разин, похитив печенье, тут же на улице раздал его мальчишкам, а сам себе не взял ничего.

Во время изучения дела я пришел к убеждению, что действия Разина очень странны и мало напоминают действия нормального человека. Окончив изучение дела, я решил вызвать отца Разина в суд на беседу. В беседе отец Разина рассказал, что его сын прежде болел менингитом и лечился в психиатрической больнице. После этой беседы я направил подсудимого Разина вместе с делом в судебно-медицинскую экспертную комиссию, которая дала заключение о невменяемости Разина, и на основании ст. 11 УК Азербайджанской ССР на подготовительном заседании дело по обвинению Разина было производством прекращено, а Разин из-под стражи немедленно освобожден.

Если бы органы предварительного следствия вдумчиво отнеслись к расследованию данного дела, они не содержали бы под стражей подростка Разина, который не несет уголовной ответственности за свои действия.

Предварительный вызов родителей несовершеннолетних обвиняемых в народный суд для беседы до рассмотрения дела в суде очень помогает правильному решению уголовных дел о несовершеннолетних. В отдельных случаях и по отдельным делам я практикую вручение копий обвинительного заключения родителям несовершеннолетних, которые внимательно знакомятся с обвинением их детей и правильно защищают их в процессе.

Очень важную роль в деле борьбы с детской беспризорностью и преступностью играет обобщение судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних. Обобщения судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних помогают нам выявить недочеты в работе детских учреждений, школ, следственных органов и помочь устранять их. Я систематически обобщаю судебную практику и о недочетах детских учреждений, школ и должностных лиц довожу до сведения руководителей районных организаций, которые принимают меры. В отношении родителей доводим до сведения руководителей партийных, профсоюзных организаций по месту их службы.

Обобщение судебной практики показывает, что в 1951 году по сравнению с предыдущими годами втрое сократилось число преступлений несовершеннолетних в нашем Кишлинском районе. Это вполне понятно и закономерно в наших советских условиях, где дети и молодое поколение окружены заботой партии и советского государства.

Народный судья 2-го участка
Кишлинского района г. Баку
Р. Сачиян

ТВОРЧЕСКАЯ СВЯЗЬ УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» указал на необходимость установления органической связи между представителями теории права и практическими работниками суда и прокуратуры.

Начало этому серьезному делу положил Ленинградский юридический институт, почин которого был поддержан и другими юридическими институтами.

Я хочу рассказать в порядке обмена опытом о связи между коллективом научных работников Харьковского юридического института и окружным судом железнодорожного транспорта Донецкого округа.

Со времени организации окружного суда Донецкого округа в 1949 году тянутся нити, связывающие научный коллектив Харьковского юридического института и работников окружного суда.

Сначала эта связь выражалась в получении членами окружного суда консультаций по вопросам, возникшим при применении советских законов, и в организации отдельных лекций профессорско-преподавательским составом института.

В 1949—1950 гг. Харьковский юридический институт оказал активную помощь окружному суду в проведении семинара с народными заседателями, избранными в окружной суд Донецкого округа. Профессорами и преподавателями института для народных заседателей, собравшихся с шести железных дорог Донецкого округа, были прочитаны лекции на темы: о судоустройстве СССР и союзных республик, об основных началах организации и деятельности советского суда, об основах марксистско-ленинского учения о праве, об основных положениях советского уголовного права и уголовного процесса и др.

В дальнейшем по инициативе окружного суда эта связь приняла более организованный характер и проявлялась в иных формах. В 1950 году в интересах оказания взаимной помощи был заключен договор социалистического содружества между кафедрой уголовного процесса Харьковского юридического института и окружным судом Донецкого округа железных дорог. В 1951 году такие социалистические договоры были заключены уже с кафедрами уголовного процесса, уголовного права, гражданского права и процесса.

Важнейшей задачей научных учреждений являются теоретические обобщения судебной практики. Осуществляя эту задачу, кафедры уголовного права и процесса взяли на себя обязательства: изучение кассационной практики окружного суда, обобщение практики применения окружным судом постановлений Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» и от 1 декабря 1950 г. «Об установлении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке». Кассационная практика окружного суда изучалась бригадой кафедры уголовного процесса под руководством заслуженного деятеля наук, доктора юридических наук, проф. М. Гродзинского, в результате чего был составлен обстоятельный обзор, обсуждавшийся судьями окружного суда и оказавший положительное влияние на кассационную практику суда. Результаты обобщения практики применения окружным судом постановлений Пленума Верховного суда от 28 июля 1950 г. и 1 декабря 1950 г. обсуждены на оперативном совещании окружным судом совместно с кафедрой уголовного процесса института.

Проводимые таким порядком обобщения приносят действенную помощь в судебной работе и в то же время представляют возможность для преподавательского состава института обновить и обогатить преподаваемые ими юридические предметы примерами из практики. Так Харьковский юридический институт получил возможность ближе ознакомиться в окружном и линейном судах с категорией дел о нарушениях трудовой дисциплины на транспорте, квалифицируемых ст. 59—3 «в», ч. 1, УК РСФСР и ст. 56—30 «а», ч. 1, УК Украинской ССР.

До сих пор кафедры уголовного права юридических институтов, за редким исключением, располагают незначительными сведениями из судебной практики линейных судов железнодорожного транспорта и при характеристике состава преступления ст. 59—3 «в», ч. 1, УК РСФСР для иллюстрации пользуются примитивными, подчас надуманными, примерами. Поэтому не мешало бы, следуя примеру Харьковского юридического института, и другим юридическим институтам ближе ознакомиться с кассационной практикой окружных судов и судебной практикой линейных судов по этой категории дел.

В окружном суде Донецкого округа железных дорог по указанию Министерства юстиции СССР организованы семинарские занятия с оперативными работниками окружного суда Донецкого округа и линейного суда Южной железной дороги. В порядке взаимной помощи Харьковский юридический институт взял на себя проведение этих семинаров силами профессорско-преподавательского состава института. Семинары привлекли к себе внимание не только работников окружного суда Донецкого округа и линейного суда Южной железной дороги. На наши «понедельники» стали съезжаться судебные и прокурорские работники пяти железных дорог Донецкого округа.

Занятия систематически посещают не менее пятидесяти человек, проходят они интересно, на высоком теоретическом уровне, чтение лекций завершается разрешением затруднительных вопросов, возникающих в практике, обменом опытом, разъяснением ряда теоретических положений.

Подобные возможности для создания крепкой и творческой связи имеются в первую очередь во всех городах, где расположены юридические институты и факультеты университетов. Эти возможности должны быть оценены и реализованы как работниками суда и прокуратуры, так и работниками теоретического фронта.

Дружная работа ученых и практиков в области юриспруденции явится залогом того, что дело правосудия будет поднято на более высокую ступень.

Председатель окружного суда железнодорожного транспорта Донецкого округа

В. Филиппов

ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОВЕРОК РАЙОННЫХ ПРОКУРАТУР ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Правильно организованная комплексная проверка работы районной прокуратуры является одной из форм оперативного руководства областной прокуратуры по отношению к низовым звеньям прокуратуры.

За последние три года в Вологодской области в основном проверены комплексным порядком все районные и городские прокуратуры. В производстве проверок, как правило, принимают участие квалифицированные работники аппарата областной прокуратуры, достаточно знающие условия работы районной прокуратуры и способные оказать последней практическую помощь в работе.

Характерным моментом комплексных проверок районных прокуратур в Вологодской области является то, что оперативные ра-

ботники областной прокуратуры, выезжающие на места, не ограничиваются проверкой кабинетным порядком, а выезжают в колхозы, МТС и районные организации, где непосредственно на месте производят проверку состояния законности. Примером может послужить комплексная проверка, проведенная бригадой областной прокуратуры в прокуратуре Никольского района, в результате которой при выезде на места вскрыты серьезные нарушения законности, свидетельствующие о слабой общенадзорной работе прокурора этого района т. Толстикова.

В колхозе «Память Ленина» Родюкинского сельского совета на основании решения правления колхоза от 23 июня 1951 г. было сдано по договору аренды Никольскому сушильному заводу 52 га колхозных сенокосов. В колхозе имени Хрущева таким же путем по решению правления колхоза было разбазарено около 100 га колхозных сенокосов.

Такие факты грубого нарушения Устава сельскохозяйственной артели не были известны районным организациям и во-время не пресечены, в чем серьезно повинна и районная прокуратура, не принявшая необходимых мер к обнаружению преступлений и наказанию виновных.

При проверке материалов по колхозному землепользованию в отделе сельского хозяйства районного исполкома установлены факты самовольного захвата колхозных земель отдельными лицами, которые тоже не были во-время привлечены к ответственности. В колхозе «Гроза» Платонов самовольно захватил под приусадебный участок 0,2 га колхозной земли, в колхозе «14 Октябрь» Рыжков тоже самовольно захватил 0,24 га колхозной земли. При ознакомлении с материалами в колхозе «Сталинец» выявлены факты укрытия скота от учета и его разбазаривание.

В районном потребительском союзе установлены факты приема на работу, связанную с материальными ценностями, лиц, прежде привлекавшихся к уголовной ответственности за корыстные преступления; в частности, заготовитель Первомайского сельского потребительского общества Шилова, отбывая наказание за растрату в виде принудительных работ, с работы по этой должности не была снята.

В процессе комплексной проверки районному прокурору оказана практическая помощь и приняты меры к устранению нарушений законности.

На оперативном совещании, проведенном с работниками прокуратуры Никольского района по результатам комплексной проверки, было принято решение, обязывающее районного прокурора т. Толстикова немедленно принять меры к устранению отмеченных недостатков.

В практике прокуратуры Вологодской области применяется еще и такой метод, когда к производству комплексных проверок районных прокуратур, под руководством опытного работника аппарата областной прокуратуры, привлекаются в порядке обмена опытом квалифицированные прокуроры ближайших районов, хорошо знающие прокурорскую работу. Вовлечение районных прокуроров в комплексные проверки, проводимые областной прокуратурой, практически очень полезно, так как в результате таких проверок достигается обмен положительным опытом в работе, что несомненно способствует общему улучшению работы прокуратуры.

Результаты каждой комплексной проверки обсуждаются на оперативном совещании при прокуроре области с обязательным вызовом прокурора, работа которого проверялась. Характерные постановления оперативных совещаний или приказы областного прокурора рассылаются в адрес всех районных прокуроров для руководства в их практической работе.

Анализ актов комплексных проверок дает богатый материал о состоянии работы и кадрах районных прокуратур, помогает областной прокуратуре правильно осуществлять оперативное руководство их работой и намечать практические мероприятия, направленные на улучшение всех участков прокурорской деятельности.

Начальник уголовно-судебного отдела
Прокуратуры Вологодской области
Н. Дорогин

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ — ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ УЧАСТКОВ СУДЕБНОЙ РАБОТЫ

Одним из самых важных участков судебной работы является своевременное исполнение решений по гражданским делам и исполнение приговоров в части имущественных взысканий по уголовным делам.

Решение суда будет лишь тогда авторитетным, когда оно, по вступлении в законную силу, исполняется в точности и в срок. На выполнение этой основной задачи по исполнению судебных решений направляется деятельность народного суда 1-го участка Красногорского района Московской области. Общими усилиями, в особенности благодаря настойчивому и упорному труду судебного исполнителя т. Федотовой, нам удалось добиться значительного улучшения работы суда по исполнению судебных решений.

Из исполнительных производств, поступивших к судебному исполнителю в 1951 году, в срок до 10 дней исполнено 98,2%. Несмотря на сложность исполнения, т. Федотова проявляла оперативность, гибкость, находчивость и неизменно добивалась успе-

ка исполнения судебных решений. Она, как правило, при получении исполнительного производства лично отправляется к должнику и принимает меры к немедленному исполнению: обязывает должника явиться на следующий день в банк и уплатить долг, вручив ему препроводительное отношение в Госбанк, производит опись имущества у должника, если он отказывается добровольно погасить долг. Побывав у должника, судебный исполнитель сразу определяет, какие нужно принять меры к быстрейшему исполнению судебного решения, поэтому повестки ответчикам с вызовом к судебному исполнителю высылаются только в исключительных случаях.

Практика нашей работы показала, что, как только сам судебный исполнитель побывает у должника, последний быстрее стремится погасить свой долг.

Особенно большую настойчивость и активность т. Федотова проявляет при взыскании сумм по растратам и хищениям. Так в 1951 году поступил исполнительный лист о взыскании с Валяева 4354 руб. в пользу магазина Гастронома № 10; к исполнительному листу был приложен акт об отсутствии имущества у ответчика, составленный следственными органами. Тов. Федотова, производя проверку по месту жительства Валяева, установила, что действительно у него не оказалось никакого имущества для описи, ввиду чего она составила акт об отсутствии имущества, но исполнительного листа истцу не вернула. Спустя месяц, мы вместе с т. Федотовой решили вновь проверить составленный акт об отсутствии имущества у Валяева. При проверке оказалось, что родственники ответчика, будучи успокоены актом об отсутствии имущества, вернули в дом все прежде спрятанное имущество Валяева. Имущество это было описано и этим обеспечено взыскание всей суммы долга.

В производство судебного исполнителя поступает много исполнительных листов по взысканию алиментов. Причем значительная часть этих листов поступает из других районов и областей, где зачастую не указано точного адреса жительства и места работы ответчика.

Тов. Федотова принимает срочные меры к розыску ответчика: обращается в паспортный стол, домоуправление, сельский совет, опрашивает письмоносцев, которые почти всегда знают всех проживающих в городе, ведет беседу с гражданами об интересующем ее ответчике и, в конце концов, добивается розыска ответчика. Так, например, через письмоносца Киселеву судебный исполнитель разыскала злостного неплательщика алиментов Лузгина, хотя он в нашем районе и не был прописан.

Обнаружив ответчика и установив, что тот нигде не работает, судебный исполнитель дает ему определенный срок на трудоустройство. Если же ответчик в указанный срок не устроился на работу, чтобы не платить алиментов, судебный исполнитель составляет акт, и мы передаем материал прокурору района для привлечения ответчика к уголовной ответственности по ст. 158 УК РСФСР. Так переданы материалы о злостных неплательщиках алиментов Жижине, Кирьянове, Овчинникове, Маликове, Анохине. Жижин и Кирьянов осуждены, остальные трое поступили на работу и сейчас аккуратно выплачивают алименты своим детям.

Направляя исполнительные листы о взыскании алиментов по месту работы ответчика, мы копией отношения ставим в известность истицу. Такая информация истиц не вызывает лишних запросов с их стороны.

В порядке ст. 55 инструкции НКЮ СССР от 29 сентября 1939 г. «Об исполнении судебных решений» судебным исполнителем регулярно проводится проверка третьих лиц. При проверке особое внимание уделяется правильности и своевременности взыскания алиментов.

Проверка третьих лиц имеет очень важное значение. Так т. Федотовой установлен ряд нарушений со стороны бухгалтеров расчетной части, которые хранили исполнительные листы небрежно, производили неправильное удержание или несвоевременно перечисляли удержанные суммы истицам. Тов. Федотова взяла все исполнительные листы по взысканию алиментов на учет, дала соответствующее указание бухгалтерам, как производить удержания и перечисление алиментов. На бухгалтеров, у которых установлены непорядки, она составила акты и передала народному судье. По этим актам на двоих бухгалтеров Никифорову и Павлюкову наложен штраф на каждую по 50 р., а остальным бухгалтерам: Владимирову, Ананьевой, Бабаханьян сделано народным судом соответствующее предупреждение. При последующих ежеквартальных проверках случаи нарушений со стороны бухгалтеров наблюдались все реже и теперь не повторяются вовсе.

Жалоб на действия судебного исполнителя в порядке ст. 270 ГПК РСФСР в народный суд не поступало.

На все поступающие запросы не позднее трехдневного срока мы даем исчерпывающие ответы. Много запросов поступает от истиц по алиментным делам: они сводятся к просьбе проверить правильность удержания алиментов с ответчика, а иногда на задержку высылки алиментов.

Тов. Федотова исключительно внимательно относится к этим запросам, быстро и оперативно разрешает их по существу. В мой адрес поступают письма, в которых истицы благодарят т. Федотову за чуткое к ним отношение. Так Таланова писала мне: «Я, Таланова, и моя малолетняя дочь Флора, которая так много страдала за отсутствием помощи от своего родного отца, благодарим вас за аккуратное удержание и перечисление алиментов по исполнительному листу».

2 февраля 1952 г. получено письмо от

Новиковой, в котором она пишет: «Я, Новикова, желаю через вас выразить глубокую благодарность судебному исполнителю вашего участка т. Федотовой за хороший прием и чуткое отношение ко мне и безукоризненное выполнение по моей жалобе».

Аналогичные письма поступают и от других лиц, в которых выражается глубокая признательность т. Федотовой за ее добросовестное отношение к запросам граждан.

Работа судебного исполнителя ежедневно мною контролируется.

Каждый день в начале рабочего дня т. Федотова докладывает мне, что ею сделано за прошедший день и какие действия по исполнению судебных решений она наметила произвести в очередной день. Это дает мне возможность, во-первых, во-время подсказать, а иногда поправить судебного исполнителя, во-вторых, всегда знать, где находится судебный исполнитель и какие исполнительные действия им производятся.

Со всеми затруднениями по исполнению т. Федотова обращается ко мне, и мы вместе принимаем то или иное решение. Иногда мне приходится не только оказывать ей помощь советом, а помогать непосредственно личным участием в исполнении.

Тов. Федотова не только хорошо исполняет свою работу, но оказывает товарищескую помощь и другим судебным исполнителям.

Одно время судебный исполнитель 2-го участка т. Аринцева запустила работу и имела на остатке много исполнительных листов. Тов. Федотова приняла от вторых участков немало исполнительных производств, которые выполнила в установленные законом сроки.

Тов. Федотова систематически работает над повышением своего идейно-политического уровня. Она занимается в кружке по изучению Краткого курса истории ВКП(б); к занятиям готовится добросовестно и посещает их аккуратно.

Помимо основной работы, т. Федотова ведет большую общественную работу: она является членом месткома суда и прокуратуры и заместителем председателя районного комитета профсоюза госучреждений.

Тов. Федотова участвует во всесоюзном социалистическом соревновании на лучшего судебного исполнителя. Это значительно способствовало ее успешной работе.

За хорошую работу т. Федотова за все четыре квартала 1950 года получила почетные грамоты, за первое полугодие 1951 года — 2-ю премию, почетную грамоту и денежную сумму. При подведении итогов ее работы за второе полугодие 1951 г. они оказались еще лучше.

Мы добились неплохих показателей в работе. Наша задача — не только закрепить достигнутые успехи, но повседневно и кропотливо совершенствовать качество своей работы.

Народный судья 1-го участка
Красногорского района Московской области
А. Кузнецова

РАБОТА С НАРОДНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ

На выборах народных судов избиратели наказывали своим кандидатам честно и стойко стоять на страже социалистической законности, активно работать по ее укреплению. Чтобы выполнить этот наказ, нужны не только желание народных заседателей и активность, но и некоторые познания в области права.

Чтобы повысить активность народных заседателей, дать им возможность не только активно участвовать в отправлении своих обязанностей, но и вести иную несудебную работу в помощь суду, как например, по пропаганде права, контролю над выполнением судебных решений по исполнительным листам, находящимся на исполнении в учреждениях и предприятиях, народные судьи г. Вольска организовали с народными заседателями систематическую работу.

Семинары народных заседателей работают по программе, в которую включены вопросы организации работы суда, вопросы материального и процессуального права, обобщение судебной практики и др. Занятия проводятся два раза в месяц по три часа.

Мы увязываем теорию с практикой работы народного суда, привлекая уже рассмотренные и многим из народных заседателей известные дела.

На занятиях народные заседатели активны, задают много вопросов, высказывают свою точку зрения; поэтому тема занятий становится интересной и понятной народным заседателям. Мы провели занятия на темы: «Права и обязанности народных заседателей», «Суд и прокуратура по Сталинской Конституции», Предварительное следствие по уголовным делам», «Уголовный процесс» (производство в судах), «Итоги областного совещания народных судей и задачи народных судов» и другие.

В качестве лекторов и докладчиков привлечены судьи, прокурор, адвокаты и приезжающие в командировки работники управления Министерства юстиции по Саратовской области.

При обсуждении вопроса о задачах суда было выдвинуто предложение о привлечении к контролю над выполнением судебных решений по исполнительным листам, находящимся в предприятиях и учреждениях, народных заседателей, работающих

в этих же предприятиях. Шестнадцать народных заседателей народного суда 2-го участка г. Вольска изъявили желание принять участие в этой проверке, а затем в дальнейшем постоянно держать под контролем своевременность и правильность удержаний и отсылки удержанных по исполнительным листам сумм.

С этими народными заседателями было проведено специальное занятие по методике проверки правильности удержания, и им был вручен список исполнительных листов, находящихся под контролем судебного исполнителя в каждом предприятии и учреждении.

Активно включившись в контроль, народные заседатели перед выдачей заработной платы проверяют правильность удержаний и своевременность высылки удержанных сумм, составляя акт по каждой проверке. Итоги этой сплошной проверки были обсуждены на семинаре народных заседателей, где народный заседатель т. Крапивин поделился своим опытом работы по проверке взысканий по исполнительным листам, находящимся в учреждениях и предприятиях.

Таким образом народные заседатели выполнили большую работу, имеющую государственное значение. В результате прекратилось поступление в народный суд жалоб от взыскателей, большинство которых является матерями, получающими алименты, а судебный исполнитель получил возможность более активно принимать меры по взысканиям алиментов.

Многие народные заседатели постоянно пользуются книгами из библиотеки народного суда 2-го участка г. Вольска, но, к сожалению, библиотека очень бедна литературой, а управление Министерства юстиции по Саратовской области к пополнению библиотек литературой мер не принимает, хотя необходимость в этом есть не только в народном суде 2-го участка г. Вольска, но и в других судах области.

С народными заседателями, замещающими народного судью, проводится, кроме того, работа по отдельному плану. Эти товарищи знакомятся с поступающими в народный суд директивами, постановлениями Пленума Верховного суда СССР, с материалами по обобщению судебной практики народного суда, с практикой народного судьи по досудебной подготовке дел и т. д.

Все эти меры привели к тому, что народные заседатели не только активно участвуют в рассмотрении дел во время отправления ими своих обязанностей, но и ведут большую внесудебную работу, оправдывая высокое доверие, оказанное им населением.

Народный судья 2-го участка г. Вольска Саратовской области

А. Звягин

ОТКЛИК НА СТАТЬЮ тов. ГОЛУБОВСКОГО

Широкий отклик вызвала среди членов Молотовской областной коллегии адвокатов статья Голубовского «Консультационная работа адвокатуры» («Социалистическая законность» 1952 г. № 2).

На производственном совещании адвокатов юридической консультации г. Губаха, проведенном совместно с народными судьями и работниками прокуратуры города, обсуждался вопрос об улучшении организации работы адвокатов и повышении качества консультационной работы.

Было принято предложение и. о. заведующего юридической консультации завести в юридической консультации книгу жалоб и предложений.

Посетители и клиенты юридической консультации тотчас же откликнулись на начинание адвокатов. С первых же дней в «Книге жалоб и предложений» появился целый ряд ценных предложений, которые существенным образом помогли адвокатам изменить работу.

Адвокаты консультации стали более серьезно и внимательно относиться к порученным заданиям по оказанию юридической помощи, повысилась культура, заведующий юридической консультацией стал более требователен при осуществлении контроля за работой адвокатов.

Осуществление нового мероприятия повысило чувство ответственности у всех сотрудников юридической консультации.

Член Молотовской областной коллегии адвокатов

З. Трегубов

ПРИМЕНЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Следственный эксперимент как способ проверки показаний прочно вошел в практику советских следователей. Обычно к следственному эксперименту прибегают для проверки показаний о видимости, слышимости, возможности проникновения в помещение, преодоления препятствий, для определения времени, потребного на покрытие расстояния, и т. п.

Практика показала, что следственный эксперимент является убедительным доказательством также и в делах, по которым возникают сомнения в причинной связи между действием (бездействием) заподозренного в совершении преступления лица и наступившими последствиями, в возможности предотвращения наступления этих последствий.

Такие вопросы часто возникают при расследовании несчастных случаев с людьми на железнодорожном транспорте.

Приводимый пример иллюстрирует значение следственного эксперимента по подобным делам.

3 февраля 1952 г., в 12 час. дня, муж и жена Озеровы, шедшие по железнодорожному пути ветки, ведущей со ст. Б. на ст. Х., были настигнуты идущим им вслед поездом и убиты.

По объяснению поездной и составительской бригад, следовавших с поездом, машинист увидел идущих на пути людей, когда расстояние, отделявшее их от паровоза, не превышало 80 м. Поезд следовал со скоростью 25 км в час, по кривой.

Увидев пешеходов, машинист дал предупредительный сигнал и, так как дальнейшая видимость была от него скрыта тендером паровоза, крикнул своему помощнику, находившемуся с другой стороны будки паровоза, чтобы тот проверил, сошли ли пешеходы с пути.

Помощник машиниста, которому из-за радиуса кривой пешеходы видны не были, выглянул из окна паровозной будки и увидел, что из-под колес паровоза вылетают отсеченные колесами части человеческого туловища.

Машинист принял меры экстренного торможения, но, когда поезд остановился, муж и жена Озеровы были уже мертвы, а трупы их искромсаны колесами поезда.

Возник вопрос об уголовной ответственности паровозной бригады.

Действия паровозной бригады в подобных случаях регламентированы § 90 «Правил по технике безопасности при производстве маневровой работы и обслуживания поездов», которые устанавливают, что «при приближении локомотива к работающим на пути бригадам или идущим на пути людям машинист обязан подавать сигнал локомотивным свистком до тех пор, пока люди не сойдут с пути, и немедленно принять меры к остановке, если путь не освобождается».

Как выше указано, было установлено, что, увидев на пути людей, машинист подавал сигнал свистком, но меры к остановке поезда принял не сразу, а лишь тогда, когда помощник машиниста увидел, что люди сшиблены паровозом.

Таким образом, для решения вопроса об уголовной ответственности паровозной бригады за гибель Озеровых, для установления причинной связи между действиями машиниста и наступившими последствиями нужно было ответить на следующие вопросы:

1. Мог ли видеть помощник машиниста появление людей на пути (было установлено, что Озеровы поднялись на путь с пересекающей железнодорожное полотно пешеходной тропинки, со стороны помощника машиниста, который находился с правой стороны по ходу поезда, так как паровоз следовал тендером вперед) и в положительном случае, — на каком расстоянии он мог их заметить?

2. На каком расстоянии мог увидеть машинист поднявшихся с тропы на железнодорожный путь мужа и жену Озеровых, при условии бдительного наблюдения за путем?

3. Какое расстояние было в действительности между Озеровыми и движущимся поездом с того места, откуда, по утверждению машиниста, он увидел идущих людей?

4. С какой скоростью в действительности двигался поезд?

5. Каков тормозной путь с учетом скорости, профиля пути и тяжести поезда?

6. Могла ли быть предотвращена гибель Озеровых, если бы машинист одновременно с подачей сигнала свистком принял меры к экстренному торможению: а) с места, откуда он мог видеть появившихся людей при бдительном наблюдении за путем (предполагалось, что это расстояние больше того, откуда машинист заметил идущих людей), или б) с места, откуда машинист

в действительности увидел идущих по пути людей?

Для выяснения всех этих вопросов было принято решение о производстве следственного эксперимента.

Такой эксперимент мог иметь доказательственное значение лишь при условии создания искусственным путем эксплуатационных условий, аналогичных тем, при которых произошло расследуемое событие.

С этой целью на место производства эксперимента были доставлены паровозная и составительская бригады поезда, под колесами которого погибли Озеровы. Эксперимент производился в те же часы, при ясной погоде, с хорошей видимостью, что соответствовало обстоятельствам дела. В качестве понятых и технических руководителей эксплуатационной части эксперимента участвовали: начальник станции, главный инженер отделения дороги, заместитель участкового ревизора по безопасности движения по паровозному хозяйству, инженер технического бюро отделения дороги и инженер по безопасности движения депо.

Прежде всего была составлена точная схема пути, на отрезке которого предстояло произвести эксперимент. Путь, на участке которого предстояло произвести эксперимент, имел кривую радиусом 300 м при восьмитысячном уклоне по ходу поезда, причем эта кривая своей вогнутой частью находилась со стороны машиниста.

Затем на схему была нанесена тропа, по которой шли Озеровы, прежде чем подняться на железнодорожное полотно, и место пересечения этой тропы с линией железной дороги. Затем на схему были нанесены (с точными замерами рулеткой) расстояния: 1) место, где Озеровы были сбиты паровозом, находящееся на пути в 15 м от пересечения пешеходной тропы и железнодорожной линии; 2) место, откуда, по утверждению машиниста, он увидел людей, вышедших на путь, — расстояние от указанного машинистом места до пересечения пешеходной тропы с железнодорожной линией, т. е. пункт, где Озеровы вышли на путь, оказалось равным 71 м; 3) место, где остановился поезд после мер экстренного торможения, принятых машинистом после наезда на людей, — это место оказалось на расстоянии 172 м от пункта, где Озеровы были сшиблены паровозом; это же расстояние явилось, таким образом, тормозным путем поезда.

После указанной подготовительной работы и установления в пунктах пересечения пешеходной тропы, а также места, откуда машинист увидел людей, — достаточно высоких и заметных вех, было приступлено к производству эксплуатационной части эксперимента.

Для этой цели на ст. Б. был специально сформирован поезд, отвечающий тем же техническим условиям, которые имели место при расследуемом происшествии, а именно: был взят исправный паровоз той же серии «Ов», с пятью четырехосными груженными полувагонами, весом 400 т, с включенными автоматическими тормозами вагонов и тендера; паровоз следовал тендером вперед, и таким образом было соблюдено расположение паровозной бригады по отношению направления поезда.

В паровозную будку были помещены машинист и его помощник, показания которых проверялись. Действия паровозной бригады контролировались находившимся на паровозе заместителем участкового ревизора по безопасности движения и главным инженером отделения.

Сформированный поезд первоначально проследовал весь участок пути со скоростью 10 км в час. При этом через смотровое окно будки машиниста велось наблюдение за путем как со стороны машиниста (с левой стороны по ходу поезда, откуда была видна вогнутая часть дуги), так и со стороны помощника машиниста.

Наблюдением установлено: 1) помощник машиниста из-за радиуса дуги не мог видеть появление на пути со стороны пешеходной тропы людей, так как касательная линия, составляющая перспективу видимости помощника машиниста, значительно удалена от линии железной дороги и приближается к ней только в точке наезда паровоза на Озеровых; 2) видимость места пересечения пешеходной тропы и появления Озеровых на железнодорожном пути наступает со стороны машиниста по хорде размером 114 м; 3) на расстоянии 71 м по хорде с места, откуда машинист, по его утверждению, увидел Озеровых, видимость места появления людей на пути еще сохраняется, но затем видимость прекращается, так как дальше это место скрывается от взгляда машиниста тендером паровоза.

В свете этих фактов возник вопрос, почему машинист не заметил появления Озеровых на пути из того пункта (находящегося на расстоянии 114 м от пересечения пешеходной тропы), откуда впервые появляется видимость этого участка железнодорожной линии, а именно: а) потому ли, что он не вел наблюдения за путем, или б) потому, что Озеровых еще не было на железнодорожной линии?

Поезд настиг Озеровых через 12—13 сек. после того, как машинист заметил их появление на пути. Это время соответствует тому, которое потребовалось Озеровым для того, чтобы пройти те 15 м, которые отделяли их от пункта выхода на железнодорожную линию до места, где их настиг поезд.

Из сопоставления этих цифровых данных вытекало, что когда паровоз достиг той точки пересечения хорды с дугой на расстоянии 114 м от пешеходной тропы, по которой Озеровы поднялись на железнодорожный путь, откуда машинист по условиям профиля пути мог увидеть Озеровых, их еще на пути не было, так как они в этот момент подходили к железнодорожной линии по пешеходной тропе со стороны помощника машиниста.

Оставалось проверить еще один важный вопрос, а именно: была ли бы предотвращена гибель Озеровых, если бы машинист принял меры экстренного торможения сразу же, как только он заметил Озеровых, т. е. с места, удаленного на 86 м от пункта наезда на людей?

Для этой цели тот же поезд и с теми же участвующими в эксперименте лицами снова был отправлен со ст. Б., и скорость его была доведена до 25 км.

При достижении пункта, откуда машинист увидел на пути Озеровых, были применены все средства экстренного торможения.

Расстояние тормозного пути оказалось равным 250 м.

Таким образом, было установлено, что в случае принятия немедленных мер к остановке поезда с того места, где были замечены на пути люди, при данном профиле пути, величине уклона, мощности паровоза, наличии тормозных средств и соответственного тормозного пути,— эти меры не предотвратили бы гибели Озеровых, расстояние до которых находилось в пределах всего лишь 71—86 м.

Доказательства, добытые в результате проведенного следственного эксперимента, исключили возможность вменения в вину машинисту гибели Озеровых, и смерть их была отнесена к категории несчастных случаев.

Л. Мариупольский

Н А М П И Ш У Т

НЕОБХОДИМО УЛУЧШИТЬ РАБОТУ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЛАБОРАТОРИЙ В МИНИСТЕРСТВАХ ЮСТИЦИИ

В этом году производство графических экспертиз для органов прокуратуры и суда сконцентрировано в криминалистических лабораториях, организованных Министерством юстиции СССР.

Организация криминалистических лабораторий в ведении Министерства юстиции совершенно правильна. Это дает возможность обеспечить должное руководство их работой и кладет конец тому положению, когда производство экспертиз при юридических институтах Министерства высшего образования СССР являлось побочным делом.

Однако несмотря на то, что Министерство юстиции СССР заинтересовано, чтобы криминалистические лаборатории хорошо работали, настоящий контроль за их деятельностью не организован.

Очень плохо контролирует Министерство юстиции СССР работу криминалистической лаборатории в Ташкенте при Министерстве юстиции Узбекской ССР. Как правило, производство экспертиз в этой лаборатории затягивается на несколько месяцев.

Характерным и недопустимым примером этого может служить производство экспертизы по делу Расулова, которое находилось в производстве прокуратуры Калининабадского района Ленинабадской области.

Еще 18 августа 1951 г. прокуратура Ленинабадской области командировала в Ташкент, в криминалистическую лабораторию при Министерстве юстиции Узбекской ССР следователя прокуратуры Калининабадского района т. Нарзикулова. Ему было поручено сдать материалы в криминалистическую лабораторию для производства экспертизы по делу Расулова, которое имело весьма актуальное значение.

Когда т. Нарзикулов хотел передать материалы на экспертизу, заведующий криминалистической лабораторией т. Умаров заявил, что они загружены и нецелесообразно оставлять им материал.

В связи с этим следователь был вынужден уехать из Ташкента без результатов.

После этого 23 августа 1951 г. прокурор Калининабадского района направил материалы по делу Расулова почтой в криминалистическую лабораторию Министерства юстиции Узбекской ССР.

В течение сентября прокуратура Калининабадского района и прокуратура Ленинабадской области дали в адрес заведующего криминалистической лабораторией четыре телеграммы с просьбой ускорить высылку акта экспертизы. Все эти телеграммы остались без ответа.

27 сентября 1951 г. прокуратура Ленинабадской области вторично командировала в Ташкент следователя прокуратуры Калининабадского района.

На просьбу следователя ускорить производство экспертизы заведующий лабораторией т. Умаров заявил, что в первую очередь они производят экспертизу для органов прокуратуры Узбекской ССР, а затем уже для органов прокуратуры Таджикской ССР.

В связи с тем, что экспертиза по делу Расулова так и не была произведена, следователь вновь был вынужден уехать из Ташкента без результатов.

Видя подобное отношение, прокуратура Ленинабадской области была вынуждена запросить материал обратно и произвести экспертизу в местном НТО управления милиции.

Такое же отношение допущено и к производству экспертиз по другим делам, находящимся в производстве органов прокуратуры Таджикской ССР.

Во всех этих случаях от заведующего криминалистической лабораторией при Министерстве юстиции Узбекской ССР т. Умарова следовал ответ, что для органов прокуратуры Таджикской ССР экспертизу будем производить во вторую очередь после производства экспертиз для органов прокуратуры Узбекской ССР.

Министерству юстиции СССР следует навести должный порядок в криминалистической лаборатории при Министерстве юстиции Узбекской ССР.

Начальник следственного отдела
прокуратуры Таджикской ССР

Н. Светозаров

СНОВА О ВНЕСЕНИИ ЯСНОСТИ В СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ ПО ДЕЛАМ О ПРИЧИНЕНИИ ПОЖАРОМ ВРЕДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье «Внести ясность в судебную практику по делам о причинении пожаром вреда социалистической собственности» («Социалистическая законность» 1951 г. № 9) заместитель председателя Верховного суда РСФСР т. Громов, ссылаясь на ряд примеров из судебной практики по делам о пожарах, возникших в результате преступно-небрежного обращения с огнем, совершенно правильно, на наш взгляд, указывал на факты не только недооценки судебными органами этой категории дел, но и на факты формального понимания советского закона и политической недооценки борьбы с подобными преступлениями. В связи с этим автор ставил вопрос о назревшей необходимости обобщения Пленумом Верховного суда СССР судебной практики по делам о пожарах, возникающих из-за преступно-небрежного обращения с огнем и причиняющих громадный ущерб социалистической собственности, и даче руководящих указаний судебным органам для установления единообразного понимания советского закона при рассмотрении судами этих уголовных дел.

Хотя с момента опубликования этой статьи прошел уже год, этот принципиальный вопрос не получил дальнейшего освещения в журнале и до сих пор судебные органы не имеют руководящих указаний Пленума Верховного суда СССР в части установления единого понимания советского закона при рассмотрении дел о причинении пожаром вреда социалистической собственности.

В связи с этим полезно снова вернуться к этому вопросу, имеющему актуальное значение для выполнения поставленных нашей партией и правительством задач по всемерной охране социалистической собственности.

Сталинская Конституция одной из основных обязанностей советских граждан устанавливает бережное отношение к социалистической собственности. Социалистическая собственность священна и неприкосновенна, и лица, посягающие на нее, являются врагами народа.

«Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, — говорит товарищ Сталин, — добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли» (Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 393).

Исходя из этого, основная задача судебно-прокурорских органов состоит в том, чтобы присущими этим органам методами осуществлять решительную борьбу со всяческими посягательствами на неприкосновенность социалистической собственности.

Неоднократные указания товарища Сталина на необходимость беспощадной борьбы с расхитителями народного добра получили исчерпывающее отражение в советских законах и особенно в указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», выражающем усиленную заботу советского народа об охране народного добра и установившем суровую уголовную ответственность за всякие посягательства на социалистическую собственность.

Наряду с этим нашим законодательством явно недостаточно разработан вопрос об ответственности за преступно-небрежное отношение к социалистической собственности, повлекшее за собой крупный материальный ущерб. Не получил этот вопрос надлежащего освещения и в юридической литературе.

Одним из частных видов уголовной ответственности за преступно-небрежное отношение к социалистической собственности является ст. 79-2 УК РСФСР, устанавливающая уголовную ответственность за преступно-небрежное отношение к сельскохозяйственным машинам, принадлежащим совхозам, машинно-тракторным станциям и колхозам.

Как известно, эта статья была издана в 1931 году и своим острием была направлена против новых форм сопротивления кулацких элементов и их агентуры сплошной коллективизации сельского хозяйства страны

Не вызывает также никакого сомнения правильность указания 38-го Пленума Верховного суда СССР от 11 мая 1931 г., который установил уголовную ответственность, применительно к ст. 79-2 УК РСФСР, за причинение по неосторожности пожаром истребления, порчи или повреждения имущества совхозов, машинно-тракторных станций и колхозов. Пленум указал, что это преступление является, по существу, одним из видов преступно-небрежного отношения к имуществу указанных в ст. 79-2 УК РСФСР предприятий.

Судебные органы при рассмотрении уголовных дел о причинении вреда огнем имуществу совхозов, МТС и колхозов придерживаются этих указаний Пленума Верховного суда СССР.

Однако советским законодательством прямо не предусмотрена уголовная ответственность за причинение вреда пожаром, возникшим вследствие преступно-небрежного обращения с огнем и причинившим

материальный ущерб государственным и общественным предприятиям и учреждениям, помимо указанных в ст. 79-2 УК РСФСР и в постановлении Пленума Верховного суда СССР.

Тем не менее, очевидно, что охрана имущества других государственных и общественных предприятий и учреждений (например, заводы, стройки, предприятия промкооперации и т. п.) от порчи и уничтожения огнем имеет не менее важное общественно-политическое значение, чем охрана имущества совхозов, колхозов и МТС. Это положение находит свое подтверждение в единстве социалистической собственности, как экономической основы советского государства, и в общей политике советского законодательства об ее охране.

Отсутствие закона и прямых указаний Пленума Верховного суда СССР по этому вопросу приводит на практике к различному пониманию судебными органами аналогии закона и к различной оценке общественной опасности действий лиц, по преступно-небрежному обращению которых с огнем причиняется пожаром ущерб социалистической собственности.

Отдельные судебные органы совершенно правильно, с нашей точки зрения, признают общественно-опасными действия лиц, по вине которых пожаром причиняется ущерб социалистической собственности, и, применяя общие положения об аналогии закона, квалифицируют преступные действия этих лиц по ст. ст. 16, 79-2, ч. 2, УК РСФСР. Другие же суды, формально понимая постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 мая 1931 г. и недооценивая общественно-политического значения борьбы с подобными преступлениями, прекращают уголовные дела по мотивам отсутствия прямых указаний по этому вопросу Пленума Верховного суда СССР.

В качестве иллюстрации к сказанному выше приведем несколько примеров из судебной практики Ленинградской области.

Одним из народных судов Ленинградской области была осуждена Верховилова, признанная виновной в том, что, проживая в общежитии треста «Нарвогэстрой» и преступно-небрежно обращаясь с огнем, 19 марта 1952 г. производила отогрев труб парового отопления открытым огнем (факелом), в результате чего возник пожар, которым уничтожено здание общежития и причинен государству ущерб свыше 92 000 руб. Преступные действия Верховиловой были судом квалифицированы по ст. ст. 16, 79-2, ч. 2, УК РСФСР.

При рассмотрении этого дела в кассационном порядке по жалобе осужденной Ленинградский областной суд прекратил его, ссылаясь в своем определении на отсутствие закона, прямо предусматривающего уголовную ответственность за подобного рода действия.

Другой народный суд, рассматривая аналогичное уголовное дело в отношении Гавриленкова, обвинявшегося в том, что, работая мотористом на шпалозаводе Тихорецкой лесобиржи Волховской сплавной конторы, 14 января 1952 г. производил отогревание зажженным факелом питательного трубопровода дизеля, в результате чего возник пожар, которым причинен государству ущерб свыше 28 000 руб., осудил его к соответствующей мере наказания.

Преступные действия Гавриленкова судом квалифицированы также по ст. ст. 16, 79-2, ч. 2, УК РСФСР и этот приговор народного суда не отменен.

Еще одним примером, свидетельствующим о неправильном понимании некоторыми судебными органами своих задач по охране социалистической собственности, может служить уголовное дело по обвинению Гавриловой по ст. ст. 16, 79-2, ч. 2, УК РСФСР.

Гаврилова была предана суду за то, что, проживая в доме санатория «Сосновый мыс» Выборгского района и преступно-небрежно обращаясь с огнем, 29 февраля 1952 г. оставила топящуюся печь без присмотра, а сама ушла на работу, закрыв в комнате двух спящих малолетних детей. От оставленной без присмотра топящейся печи возник пожар, которым уничтожено здание балансовой стоимостью свыше 24 000 руб., и в огне погибли двое малолетних детей.

Это дело Ленинградским областным судом прекращено со ссылкой на отсутствие закона, прямо предусматривающего ответственность за подобные действия.

Подобный разнобой в судебной практике по таким делам и неправильная позиция отдельных судебных органов, недооценивающих общественно-политического значения борьбы с преступно-небрежным отношением некоторых лиц к социалистической собственности, причинившим громадный ущерб государству, создает впечатление полной безнаказанности за такие преступления и противоречит общей направленности советского законодательства об охране социалистической собственности.

По нашему мнению, действия виновников преступно-небрежного обращения с огнем, в результате чего пожар уничтожает социалистическую собственность, в чьем бы владении она ни находилась, являются безусловно общественно-опасными, а, следовательно, и уголовно-наказуемыми.

Статьей, предусматривающей ответственность за преступно-небрежное обращение с отдельными видами государственного и общественного имущества, является ст. 79-2 УК РСФСР. Но поскольку диспозиция указанной статьи перечисляет только конкретные категории социалистической собственности, постольку уничтожение пожаром иных видов социалистической собственности, в результате преступно-небрежного обращения с огнем, должно квалифицироваться по аналогии со ст. 79-2 УК РСФСР.

В связи с этим трудно не согласиться с тт. Вышинской и Меньшагиным, которые также считают, что неосторожное уничтожение государственного имущества, хотя законом прямо и не предусмотрено как уголовно-наказуемое деяние, *однако* «бесспорно является общественно-опасным для советского государства» и уголовно-наказуемым по аналогии с соответствующей статьей уголовного кодекса («Советское уголовное право», изд. 1950 г.).

Именно такое понимание этого вопроса обеспечит успех борьбы с преступно-небрежным обращением с огнем и несомненно будет способствовать воспитанию советских граждан в духе бережного обращения с социалистическим имуществом.

Заместитель прокурора Ленинградской области **Л. Чекалев**
Прокурор отдела прокуратуры Ленинградской области
Е. Головкин

НЕДОСТАТКИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТА ВЛАДЕНИЯ СТРОЕНИЕМ

(Из практики народных судов Запорожской области Украинской ССР)

В числе объектов личной собственности граждан домостроения занимают особенное место. Об этом говорит хотя бы тот факт, что ст. 10 Конституции СССР особо говорит о праве граждан на жилой дом. Исключительно важное народнохозяйственное значение домостроений обусловливает и порядок их учета, регистрации, определяет обязательную нотариальную форму совершения сделок по поводу домостроений и другие гарантии личной собственности граждан. Для наведения порядка в жилищном хозяйстве необходимо прежде всего установить принадлежность каждого домостроения. Этим целям и служит проводимая органами коммунального хозяйства регистрация строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках. Порядок регистрации определяется соответствующими инструкциями министерств коммунального хозяйства союзных республик совместно или по согласованию с министерством юстиции. В РСФСР такая инструкция издана Министерством коммунального хозяйства РСФСР по согласованию с Министерством юстиции РСФСР 25 декабря 1945 г., в Украинской ССР — 23/25 декабря 1947 г.

Регистрация строений производится на основании документов, подтверждающих право заявителя на строение. Документы эти подробно перечислены в инструкции. Если документы отсутствуют или вызывают сомнение, вопрос о принадлежности строений решается в судебном порядке. Народные суды при этом должны руководствоваться указанными инструкциями МКХ и МЮ, а также постановлением Пленума Верховного суда СССР № 9/8/У от 29 июня 1945 г. «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных и имущественных прав граждан», п. 2 «е» которого прямо предусматривает установление в судебном порядке в случае утраты документов факта владения строением на праве личной собственности или застройки.

Изучение судебной практики показывает, что народные суды при рассмотрении дел этой категории допускают серьезные ошибки.

В соответствии с § 11 инструкции МЮ и МКХ Украинской ССР от 23/25 декабря 1947 г. «О порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках Украинской ССР» вопрос о принадлежности строения на праве собственности или застройки в судебном порядке решается лишь при отсутствии каких-либо документов, перечисленных в той же инструкции (§§ 7—8), подтверждающих (прямо или косвенно) право заявителя на строение, либо если представленные документы вызывают сомнение. Очевидно, что во втором случае регистрационный орган обязан дать письменное заключение, в котором указать мотивы, по которым он считает невозможным выдать свидетельство о праве на строение на основании представленных документов. Только при наличии такого заключения народный суд вправе рассмотреть дело по существу.

Между тем народные суды иногда принимают к своему производству и рассматривают дела при наличии указанных в § 8 инструкции документов, без заключения регистрационного органа о сомнительности этих документов.

Например, народный суд одного из участков г. Запорожья рассмотрел дело по заявлению Шевченко об установлении факта владения строением на праве личной собственности. В деле имеются платежные документы об оплате земельной ренты и налога со строения за 1940—1941 гг., а также страховые документы, относящиеся к тому же времени. Заключения регистрационного органа о том, что эти документы вызывают сомнения, нет. Представитель инвентаризационного бюро в судебном заседании заявил, что жилищное управление никаких претензий на строение не имеет и против признания заявителя собственником указанного строения не возражает. Народный суд явно некомпетентен был рассматривать данное

дело, но тем не менее, в нарушение § 11 инструкции и п. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/8/У, дело в народном суде было рассмотрено и вынесено определение о признании Шевченко собственником домостроения.

Инструкцией МЮ и МКХ Украинской ССР от 23/25 декабря 1947 г. (§ 19) установлено, что когда документы о праве собственности на строение отсутствуют в связи с тем, что населенный пункт прежде был сельской местностью, а потом был включен в городскую черту, свидетельство о праве собственности выдают исполнительные комитеты местных советов. Следовательно, в компетенцию народных судов в этих случаях не входит решение вопроса об установлении факта владения строением на праве собственности, так как законом установлен иной порядок. Однако некоторые народные суды, в нарушение п. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г., принимают к производству не подведомственные им дела.

Конечно, и в этих случаях не исключается возможность обращения заинтересованных лиц в случае спора с иском о признании права собственности. Такие дела народные суды рассматривать вправе, так как в них речь идет о споре о праве гражданском, а не об установлении факта владения строением на праве собственности (в порядке особого производства).

Отдельные народные суды, выходя за пределы своей компетенции, не только признают право собственности на строение за заявителем, но и выносят решения о снятии строений с балансов местных советов.

Например, народный суд 1-го участка Орджоникидзевского района г. Запорожья, рассмотрев дело по иску Бойша о признании за ним права собственности, решил: «Признать за Бойша право собственности на домостроение и снять с баланса районного жилищного управления домостроение», тогда как вопрос о снятии строений с балансов местных советов может быть решен лишь в административном, а не в судебном порядке.

Многие народные суды не делают различия между делами об установлении факта владения строением на праве собственности или праве застройки как делами особого производства и делами исковыми, когда решается спор о праве собственности на домостроение. Так, народный суд 1-го участка г. Осипенко рассмотрел дело по заявлению Черкашина об установлении факта принадлежности домостроения на праве личной собственности. В судебном заседании сестра заявителя Семичева заявила свои требования по поводу принадлежности домостроения, возбудив таким образом спор о праве гражданском. Вместо того, чтобы в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. дело в порядке особого производства прекратить и разъяснить заинтересованным лицам их право предъявить иск на общих основаниях, народный суд рассмотрел дело по существу и вынес явно неправильное определение, отмененное впоследствии вышестоящей инстанцией.

Нарушая п. 2 «д» постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/8/У, народные суды, рассматривая дела этой категории, устанавливают не факт владения строением на праве личной собственности или застройки, а непосредственно право собственности или застройки.

Объясняется это, очевидно, тем, что не все народные судьи уяснили себе юридическую природу дел об установлении факта владения строением на праве собственности (застройки) как дел особого производства, возникающих не потому, что кто-либо оспаривает право заявителя, а потому, что заявитель утерял документы, подтверждающие его право, и для восстановления этих документов не установлен иной порядок.

Следует при этом иметь в виду, что инструкция МЮ и МКХ от 23/25 декабря 1947 г. (равно как и соответствующая инструкция МКХ РСФСР, согласованная с МЮ РСФСР), излагая порядок судебного решения вопроса о принадлежности строений, допускает, по крайней мере, неточность.

В соответствии с § 11 инструкции МЮ и МКХ Украинской ССР при отсутствии каких-либо документов, подтверждающих прямо или косвенно право заявителя на строение, или если представленные документы внушают сомнение, вопрос принадлежности строения заявителю решается в исковом порядке. Соответствующая инструкция, действующая в РСФСР, идет дальше и устанавливает, что иск предъявляется фактическим владельцем к организациям или лицам, оспаривающим право заявителя.

Думается, что инструкция в этой части противоречит руководящим указаниям Пленума Верховного суда СССР, содержащимся в его постановлении № 9/8/У от 29 июня 1945 г.

В самом деле, в соответствии с этим постановлением Пленума Верховного суда СССР установление факта владения строением на праве личной собственности или застройки решается не в исковом порядке, а в порядке особого производства, причем заинтересованные лица обращаются в суд не с иском, а с заявлением. И лишь в том случае, если при рассмотрении дела возбуждается спор, дело в порядке особого производства прекращается и может быть возбуждено как дело искового производства по иску заинтересованных лиц.

Устанавливая исковой порядок рассмотрения дел о принадлежности строений во всех без исключения случаях (в том числе и при отсутствии спора), инструкция МЮ

и МКХ Украинской ССР от 23/25 декабря 1947 г. идет в разрез с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г.

Между тем дело обстоит просто. В случае отсутствия правоустанавливающих документов, если никто не оспаривает права заявителя на строение, вопрос о принадлежности строения решается в порядке особого производства в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. и ст. 239 ГПК Украинской ССР (соответствующей статьи в ГПК РСФСР нет).

Если же право заявителя на строение оспаривается, дело должно рассматриваться в исковом порядке. Возбужденное в порядке особого производства дело подлежит прекращению (п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г.).

В инструкции далее указано (§ 16), что суд, рассмотрев дело, выносит решение, которым признает за заявителем право собственности или застройки. Это указание инструкции МЮ и МКХ также не соответствует постановлению Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г., в соответствии с которым выносится определение об установлении факта владения строением на праве собственности или застройки. Решение о признании права собственности выносится лишь в случае, если народный суд решает спор о праве на строение. Все эти неточности приводят к отмеченным выше ошибкам в судебной практике.

Народные суды часто выносят решения там, где следует выносить определения, и наоборот, вместо решений по исковым делам выносят определения.

До решения вопроса о судьбе строений, принадлежавших гражданам на праве застройки, народные суды не вправе игнорировать различие между правом личной собственности и правом застройки, как различными категориями вещных прав, из которых второе отличается от первого тем, что оно установлено на определенный срок, в то время как право собственности никаким сроком не ограничено.

Между тем некоторые суды этого различия не проводят. Например, народный суд 1-го участка г. Осипенко, установив, что домостроение принадлежит заявителю по договору застройки, утерянному в военное время, признал строение принадлежащим на праве личной собственности.

В некоторых случаях народные суды признают строение принадлежащим заявителю одновременно и на праве личной собственности и на праве застройки. Так народный суд 5-го участка Сталинского района г. Запорожья, рассмотрев дело по заявлению Харлан, определил: «Признать право личной собственности на домовладение... по праву застройки» (?!).

Такие же неправильные определения выносили и другие народные суды (6-го и 7-го участков Сталинского района, 2-го участка Ленинского района г. Запорожья и др.).

Серьезную ошибку также допускают многие народные суды, признавая право на строение не за тем лицом, которому в действительности строение принадлежало или принадлежит, а за заявителем, который иногда в момент рассмотрения дела никакого права на строение не имеет. Это приводит к ущемлению законных прав других граждан.

Некая Зеленская владела домостроением на праве личной собственности. Так как документы, подтверждающие право Зеленской на указанное строение, во время войны были утеряны, дочь Зеленской Власова обратилась в народный суд с заявлением об установлении факта принадлежности строения Зеленской на праве личной собственности для введения в права на наследство, открывшееся по смерти Зеленской. Народный суд 1-го участка Больше-Токмакского района признал право собственности на строение не за умершей Зеленской, а за заявительницей Власовой, лишив тем самым законных прав двух других наследников Зеленской.

Много ошибок допускают народные суды при рассмотрении дел, вытекающих из так называемых домашних сделок, т. е. нотариально не удостоверенных договоров купли-продажи домостроений (в частности, заключенных при немецкой оккупации). Несмотря на то, что в этих случаях речь может итти лишь о признании сделки действительной или недействительной, с тем чтобы сторона имела право оформить в нотариальном порядке односторонний договор, народные суды признают за заявителем право собственности на строение, решая неподведомственные судебным органам вопросы. При этом вопрос о действительности сделки, как правило, вообще не рассматривается.

Народный суд 3-го участка Орджоникидзевского района г. Запорожья рассмотрел дело по заявлению Шугай о признании за ним права собственности на домостроение. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Шугай купил домостроение по домашней сделке в 1942 году (при немецкой оккупации) у некоего Новиченко. Вместо того, чтобы проверить соответствие сделки, заключенной между Шугай и Новиченко, требованиям закона, народный суд своим решением признал право собственности на домостроение за Шугай. Когда же решение народного суда по жалобе заинтересованных лиц вышестоящий суд отменил и дело передал на новое рассмотрение, было установлено, что продавец Новиченко никакого права на проданное им строение никогда не имел и что строение в действительности принадлежит находившемуся в то время в эвакуации Червонному. Всех этих обстоятельств народный суд при первом рассмотрении не установил, что и привело к явно неправильному решению.

Отдельные народные суды принимают к

своему производству и рассматривают по существу дела о признании права собственности на самовольно (т. е. без надлежащего разрешения) возведенные домостроения. Между тем эти вопросы вообще не входят в компетенцию судебных органов. Домостроения, возведенные самовольно, могут быть зарегистрированы за лицами, возведшими эти строения, лишь в случае, если эти строения не подлежат сносу и исполком местного совета заключит с этими лицами договор о предоставлении земельного участка в бессрочное пользование (в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26 августа 1948 г.). Судебная практика допускает рассмотрение дел об установлении факта возведения заявителем домостроения. Эта практика не противоречит закону. Следует только установить, чтобы эти дела суды рассматривали лишь после того, как исполком заключит договор о построении дома и предоставлении земельного участка в бессрочное пользование.

Государственную пошлину при рассмотрении этой категории дел народные суды взыскивают зачастую неправильно.

Основная ошибка состоит в том, что народные суды, рассматривая дела особого производства об установлении факта владения строением на праве собственности или застройки, государственную пошлину взыскивают не в размере трех рублей (§ 13 п. «е» инструкции Министерства финансов СССР от 14 марта 1947 г. № 160), а в зависимости от цены иска (стоимости строения).

Допускаются ошибки и обратного порядка. При рассмотрении исковых дел о признании права собственности на строение взыскивается государственная пошлина в размере трех рублей.

Инструкция МЮ и МКХ Украинской ССР от 23/25 декабря 1947 г. и в этом отношении страдает неточностью. § 12 инструкции устанавливает, что заявление в народный суд «оплачивается госпошлиной в размере трех рублей». При этом инструкция вовсе не предусматривает, очевидно, случаев, когда вопрос о признании права собственности на строение решается в порядке искового производства. Эта неточность должна быть исправлена.

Досудебная подготовка по делам об установлении факта владения строением на праве личной собственности или застройки проводится плохо. Народные суды не истребуют справок о том, за кем числится домостроение по данным регистрационных органов на 22 июня 1941 г., имеются ли архивные данные, не истребуют доказательств невозможности получения документов, не выясняют причин отсутствия документов. Некоторые народные суды, грубо нарушая § 13 инструкции, не истребуют актов обследования домовладений, производимого представителями регистрационных органов. Представители инвентарьбюро в судебное заседание не вызываются. Зачастую не вызываются в народный суд лица, подписавшие акт обследования домовладения.

Без достаточно хорошо проведенной предварительной подготовки народный суд лишен возможности выяснить все обстоятельства дела и вынести правильное решение или определение.

Управление Министерства юстиции Украинской ССР по Запорожской области, обобщив судебную практику по делам об установлении факта владения строением на праве личной собственности или застройки и установив, что народные суды по этой категории дел допускают много серьезных ошибок и нарушений, организовало на постоянно действующем семинаре народных судей изучение соответствующих разделов гражданского права и процесса. Результаты обобщения доведены до сведения всех народных судов. Народным судьям даны развернутые указания о порядке рассмотрения дел об установлении факта владения строением на праве личной собственности или застройки.

Старший консультант управления МЮ по Запорожской области Украинской ССР

Г. Крючков

МОИ ПРЕТЕНЗИИ К ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Вопрос о том, являются или нет постановления Пленума Верховного суда СССР источниками советского права, имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение для судебных и прокурорских органов при выполнении ими задач укрепления социалистической законности для правильного и единообразного применения закона; однако ясности в этом вопросе нет.

Относительно этого вопроса как у теоретиков, так и у практиков имеются две противоположные точки зрения. Одни утверждают, что постановления Пленума Верховного суда СССР не являются источниками права, другие, наоборот, утверждают, что они являются нормативными актами и относятся к источникам права.

Именно эти два противоречивых взгляда преподносят преподаватели слушателям высших курсов усовершенствования юристов Министерства юстиции СССР.

Преподаватель курса теории государства и права категорически утверждает, что постановления Пленума Верховного суда СССР нельзя считать источниками права,

аргументируя это тем, что они не устанавливают никаких новых правовых норм, а лишь указывают по конкретным делам или группе дел на правильность или неправильность применения того или иного закона. Эту точку зрения разделяют и преподаватели уголовного права.

Противоположную точку зрения отстаивают другие преподаватели. Преподаватель гражданского права утверждает, что постановления Пленума Верховного суда СССР обязательны для всех судебных органов, а поэтому и являются источниками права. Преподаватель трудового права свою точку зрения излагает так: «Руководящие постановления Пленума Верховного суда СССР являются нормативными актами и относятся к источникам права». В доказательство этого он ссылается на ряд постановлений: от 29 сентября 1939 г., 12 ноября 1942 г., 28 декабря 1938 г. и другие, содержащие в себе и установившие новые нормы права.

Из сказанного напрашивается вывод, что у преподавательского состава не существует единого понимания этого вопроса; естественно, что его не может возникнуть и у слушателей.

В юридической литературе также нет единообразия по этому вопросу.

Так в учебнике по теории государства и права (Академия наук, 1949 г.) сказано: «Таким образом судебная практика не является у нас источником права» (стр. 385).

А на следующей же странице, ссылаясь на ст. 75 Закона о судоустройстве СССР, тот же учебник указывает: «Давая руководящие указания судам, Верховный суд, решая выдвинутые деятельностью судов вопросы применения права, вместе с тем формирует некоторые общие принципы и положения, необходимые для правильного применения норм права судами» (стр. 386).

К сожалению, здесь не уточнено, о каких «принципах и положениях» идет речь. Правда, в учебнике на той же странице по поводу «положений» сказано так: «...руководящие указания в ряде случаев устанавливают положения, которые прямо в законе не выражены, но из него по существу вытекают».

Такая терминология довольно туманна. Что же нужно понимать под этими «положениями»? Какие-то новые нормы права, как подзаконные акты, вытекающие из закона, или нечто иное?

В учебнике проф. Денисова «Советское государственное право» для юридических школ, 1947 г. (тоже рекомендованном слушателям), значится следующее:

«Поскольку эти указания содержат правила, не предусмотренные законом и подзаконными актами органов государственного управления, их можно рассматривать как результат нормотворческой деятельности, осуществляемой Верховным судом СССР» (стр. 50).

Практикам кажется, что самой верной является последняя точка зрения, так как она по существу отражает действительность.

Пора бы внести в этот вопрос полную ясность.

Слушатель Высших курсов усовершенствования юристов МЮ СССР,
прокурор г. Камышина
П. Боровицкий

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 1 журнала «Социалистическая законность» была опубликована корреспонденция т. Раздобурдиной «Образец волокиты».

Верховный суд РСФСР сообщил в редакцию, что из народного суда 2-го участка г. Пскова был затребован исковой материал по делу по иску Псковского горторга к Иванову, Кондратьеву и др. о 14 962 руб. Определением Судебной коллегии Верховного суда РСФСР отменена резолюция народного суда об отказе в приеме искового заявления Псковского горторга и дело возвращено в суд для рассмотрения по существу. Проверкой установлено, что решением народного суда 4-го участка г. Пскова от 26 января 1952 г. иск Псковского горторга к Иванову, Кондратьеву и др. удовлетворен.

В № 4 журнала была напечатана корреспонденция т. Гончарова «Необходимо судебное установление фактов регистрации брака».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что оно считает, что в тех случаях, когда у гражданина отсутствует свидетельство о регистрации брака и он не может получить дубликат в органах загса ввиду того, что не сохранились архивы, он может обратиться в суд с иском об установлении факта регистрации брака на основании постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан». Что касается инструкции НКЮ РСФСР № Д-22 от 3 июня 1945 г., то в перечне приказов, инструкций и инструктивных писем Министерства юстиции РСФСР, действующих на 1 декабря 1948 г., она не значится.

В № 5 журнала была напечатана корреспонденция т. Казнина «Из опыта работы по рассмотрению гражданских дел».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что опыт работы народного судьи т. Казнина был заслушан Министерством юстиции РСФСР и распространен среди других судей РСФСР. Приняты меры к улучшению работы народных судов по разрешению гражданских дел, в том числе и к распространению положительного опыта работы по рассмотрению гражданских дел.

В № 5 журнала была опубликована корреспонденция т. Петрова «Необходима единая практика рассмотрения судами замечаний на судебные протоколы».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что т. Петров правильно указывает на различное решение некоторых процессуальных положений в УПК союзных республик. Этот вопрос будет решен в УПК СССР.

В № 5 журнала была напечатана корреспонденция т. Томилина «Устранить ошибки при производстве экспертизы на предварительном следствии и в суде».

Главная Прокуратура морского и речного флота СССР сообщила в редакцию, что т. Томилин правильно подверг критике имевшие место в 1950—1951 гг. недостатки в работе отдельных следователей прокуратуры Каспийского бассейна по проведению в необходимых случаях экспертиз при расследовании уголовных дел. Для ликвидации нарушений Уголовно-процессуального кодекса, допускаемых некоторыми следователями органов Прокуратуры морского и речного флота СССР при производстве экспертиз по уголовным делам, Главная Прокуратура поставила этот вопрос на обсуждение учебно-методических конференций в 1950 и 1951 гг. Главная Прокуратура неоднократно обращала внимание прокуроров и следователей на необходимость вдумчивого, внимательного отношения к вопросу проведения экспертиз и подбора экспертов в рассылаемых на периферию методических письмах и обзорах основных показателей работы по следствию. Мероприятия оперативного характера, проводимые Главной Прокуратурой, способствовали устранению ошибок в работе следователей и повышению качества предварительного следствия в целом.

По этой же корреспонденции Прокуратура Каспийского бассейна сообщила в редакцию, что корреспонденция т. Томилина была обсуждена на оперативном совещании при прокуроре бассейна с участием председателя линейного суда. Оперативное совещание признало, что в корреспонденции правильно подняты вопросы об отдельных ошибках, допущенных следователями прокуратуры и работниками суда при назначении экспертизы и постановке вопросов экспертами. Для устранения ошибок вопрос о производстве экспертизы на предварительном следствии и в судебном заседании был обсужден на занятиях семинара оперативных работников линейного суда и прокуратуры. Отдельные дела, по которым были допущены ошибки, обсуждались на оперативных совещаниях. Проведен ряд мероприятий для устранения ошибок в дальнейшей работе.

В № 5 журнала была напечатана корреспонденция т. Баскина «Недостатки работы народных судов по делам о преступлениях против личности».

Управление МЮ Украинской ССР по Черниговской области сообщило в редакцию, что оно обсудило обобщение судебной практики областного суда по рассмотрению народными судами уголовных дел о преступлениях против личности. Кроме того, при ревизиях народных судов ревизорам управления МЮ дано указание уделять больше внимания правильности рассмотрения дел этой категории.

В № 6 журнала была опубликована корреспонденция т. Тынтарева «О работе юрисконсультов».

Отдел общего надзора Прокуратуры СССР сообщил в редакцию, что вопросы, связанные с деятельностью юрисконсультов, поднимались рядом юрисконсультов и ранее. Однако мероприятия по организации работы юрисконсультов учреждений и предприятий, а также повышение их деловой квалификации и необходимый инструктаж должны проводиться соответствующими министерствами, в ведении которых находятся эти учреждения и предприятия.

В № 6 была напечатана корреспонденция т. Хмелинина «Ошибки кассационного рассмотрения дел в Приморском краевом суде».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что им командирован член Верховного суда РСФСР для ревизии работы Приморского краевого суда. Итоги ревизии будут обсуждены на коллегии Министерства юстиции РСФСР.

Верховный суд РСФСР сообщил в редакцию, что Министерством юстиции при участии работников Верховного суда РСФСР проводится ревизия Приморского краевого суда и корреспонденция т. Хмелинина будет учтена и проверена.

В № 6 журнала была опубликована корреспонденция т. Колмакова «Подготовка материалов для графической экспертизы по гражданским делам».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что в корреспонденции правильно и своевременно поставлен вопрос о необходимости тщательной подготовки материалов, направляемых на криминалистическую экспертизу. Практика показала, что некоторые судебно-прокурорские работники неправильно и небрежно оформляют материалы, направляемые ими на экспертизу, вследствие чего в первом полугодии этого года органам суда был возвращен ряд материалов ввиду недоброкачественного их оформления. Для сокращения сроков производства экспертиз и сроков расследования и рассмотрения дел лабораториями систематически проводится работа с судебно-следственными работниками. В 1951 году Свердловская лаборатория разослала обслуживаемым ею органам «основные правила» оформления материалов, направляемых на экспертизу, и поставила на эту тему доклад на областном совещании. Такие же доклады были сделаны и другими лабораториями. Кроме того, лабораториями даются устные и письменные консультации, в которых указывается на допускаемые отдельными судебно-следственными работниками ошибки, и разъясняется, как правильно собирать и оформлять материалы, направляемые на экспертизу. Все неправильно оформленные материалы, поступающие в лаборатории, возвращаются направившим их органам с «краткой инструкцией судьям и следователям об оформлении материалов, направляемых для производства криминалистических экспертиз почерка», составленной Центральной криминалистической лабораторией и одобренной МЮ СССР. Отдел криминалистических учреждений МЮ РСФСР дал указания ряду лабораторий об усилении разъяснительной работы среди судебно-следственных работников, в частности, об увеличении количества докладов по вопросу о подготовке материалов для криминалистической экспертизы, особенно обратив внимание Саратовской лаборатории на усиление разъяснительной работы в Куйбышевской, Тамбовской и Чкаловской областях, где наблюдается наибольшее количество возвращенных материалов. Лабораториям предложено обобщить недостатки, встречающиеся в присылаемых на экспертизу материалах, приняв меры к их устранению.

В № 6 была напечатана статья т. Рассейкина «Применение криминалистических экспертиз в практике органов прокуратуры и суда Узбекской ССР».

Министерство юстиции СССР по статьям тт. Колмакова и Рассейкина сообщило в редакцию, что готовится инструкция о подготовке материалов для производства всех видов криминалистических экспертиз. Проект указанной инструкции разослан для рецензирования в научно-исследовательские криминалистические лаборатории и институты. После внесения необходимых исправлений и дополнений и утверждения этой инструкции Министерством юстиции СССР она будет в ближайшее время распространена для практического руководства среди судебных и прокурорско-следственных работников.

ВО ВСЕСОЮЗНОМ ИНСТИТУТЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

С каждым годом все усиливаются значение и роль советской криминалистики в борьбе с преступностью. Советские криминалисты разрабатывают новые, более совершенные научно-технические приемы и методы, которые используют органы следствия и суда для раскрытия преступлений. Эти методы существенно влияют на повышение качества следствия и играют серьезную роль для окончательной ликвидации преступности.

Для дальнейшего развития и внедрения методов советской науки криминалистики в практику органов следствия и суда создана периферийная сеть научно-исследовательских криминалистических лабораторий в системе Министерства юстиции. Такие лаборатории организованы в гг. Минске, Тбилиси, Риге, Ташкенте, Алма-Ате, Казани, Ростове-на-Дону, Саратове, Новосибирске, Свердловске, Хабаровске. Наряду со вновь организованными лабораториями существуют: Центральная криминалистическая лаборатория в Москве, научно-исследовательские институты судебной экспертизы в Киеве и Харькове и научно-исследовательские криминалистические лаборатории в Ленинграде и Одессе.

В этом году происходило расширенное заседание Центральной криминалистической лаборатории, посвященное судебно-почерковедческой экспертизе, которая является одним из самых важных разделов криминалистической экспертизы. В этом заседании приняли участие эксперты-криминалисты институтов и лабораторий, входящих в систему министерства юстиции, а также преподаватели и научные работники Военно-юридической академии, Института криминалистики и научно-технического отдела милиции и др.

На заседании был заслушан доклад заведующего Центральной криминалистической лабораторией кандидата юридических наук Б. И. Шевченко «О типовой методике судебно-почерковедческой экспертизы».

Докладчик отметил значение этого вида экспертизы, теснейшим образом связанной с расследованием дел о хищениях социалистической собственности. Как показывает практика, в большинстве случаев хищения социалистической собственности связаны с подделкой документов.

Советские криминалисты, как отметил докладчик, проделали большую работу, направленную на дальнейшее развитие судебного почерковедения как в области теоретического обоснования этого вида идентификации, так и с целью ее практического улучшения.

В Центральной криминалистической лаборатории проделана большая работа по изучению практики судебно-почерковедческой экспертизы всех криминалистических институтов и лабораторий системы Министерства юстиции. Это изучение показало, что в работе экспертов есть ряд серьезных недостатков.

К главным из них относятся: неполный анализ частных признаков почерка, неточность формулировок в заключениях, противоречия и несоответствия между изложением в акте результатов исследования и сущностью заключения, терминологические ошибки и неточности, перегрузки акта ненужными подробностями либо чрезмерное увлечение сокращениями и др.

Эти недостатки, как отметил докладчик, вызваны отсутствием единой типовой методики проведения судебно-почерковедческой экспертизы. Разработка такой единой типовой методики явится начальным этапом деятельности всех криминалистических лабораторий в области совершенствования практики производства экспертиз. Единая типовая методика значительно облегчит оценку заключений практиками следствия и суда. С целью выработки единой методики Центральная криминалистическая лаборатория и отдел криминалистических учреждений Министерства юстиции СССР приняли решение создать проект схемы акта судебно-почерковедческой экспертизы, широко обсудить этот проект и затем принять эту схему в качестве обязательной для всех криминалистических институтов и лабораторий системы Министерства юстиции. Проект схемы такого акта был составлен докладчиком и предварительно разослан для обсуждения и дачи критических замечаний во все криминалистические учреждения.

В заключение своего выступления докладчик призвал всех присутствующих на заседании принять активное участие в обсуждении проекта схемы акта судебно-почерковедческой экспертизы.

Выступавшие единодушно признали необходимость создания схемы типового акта судебно-почерковедческой экспертизы. Представленная на обсуждение схема такого акта в основном одобрена всеми выступавшими, которые отметили недостатки и внесли ряд ценных критических замечаний.

Создание единой схемы акта является шагом вперед в области дальнейшего улучшения практики производства судебно-почерковедческих экспертиз, что несомненно облегчит оценку данных экспертизы практическими работниками органов следствия и суда.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ ПРОФ. А. Н. ТРАЙНИНА „СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ“

Вопрос о составе преступления — один из важных и сложных вопросов советского уголовного права, имеющих весьма большое теоретическое и практическое значение. Он неразрывно связан с рядом основных вопросов общей и особенной частей советского уголовного права — с вопросом о круге действий, признаваемых советским законом преступными и наказуемыми, об основаниях уголовной ответственности, о вине, причинной связи, соучастии, стадиях развития преступной деятельности и т. д. Правильное решение вопроса о составе преступления имеет важнейшее значение для разрешения советским социалистическим уголовным правом стоящих перед ним задач по охране и укреплению базиса и надстройки социалистического общества, по охране и укреплению социалистических общественных отношений. Процессу укрепления института состава преступления как одному из проявлений укрепления социалистической законности противоположен процесс разрушения состава преступления в капиталистических странах, особенно в США и Англии, представляющий собой одно из проявлений ломки буржуазной законности в период империализма, одно из выражений фашизации уголовного права буржуазии.

В мае текущего года в Институте права Академии наук СССР состоялось обсуждение книги проф. А. Н. Трайнина «Состав преступления по советскому уголовному праву», изданной в 1951 году. Обсуждение книги проф. А. Н. Трайнина вызвало большой интерес со стороны научных и практических работников, многие из которых приняли в обсуждении активное участие (тт. Вайнфельд, Васильев, Герцензон, Грингауз, Игнатов, Кириченко, Кудрявцев, Курляндский, Маньковский, Меньшагин, Меркушев, Никифоров, Орлов, Пионтковский, Ромашкин, Сергеева, Шнейдер). С заключительным словом выступил проф. А. Н. Трайнин.

Выступавшие товарищи указывали на чрезвычайно большое значение вопроса о составе преступления для теории советского уголовного права и для практической деятельности советских судебных и следственных органов. В связи с этим выступавшие признали своевременным появление посвященной этому вопросу книги проф. А. Н. Трайнина и обсуждение этой работы. Указывая на то, что обсуждаемой монографией затронут большой круг вопросов, товарищи, принявшие участие в обсуждении, подвергли рассмотрению главным образом некоторые из них. Внимание выступавших в особенной мере привлек вопрос об основаниях уголовной ответственности, о соотношении общественной опасности деяния и состава преступления, о соотношении общего понятия преступления и состава преступления и вопрос о вине.

По вопросу об основаниях уголовной ответственности некоторые из выступавших поняли автора книги А. Н. Трайнина в том смысле, что он признает основанием уголовной ответственности не факт совершения лицом общественно-опасного деяния, не выполнение состава того или иного преступления, а причинную связь между его действием и результатом при наличии вины лица, т. е. умысла или неосторожности, в отношении этого результата. Соображения этих товарищей (тт. Вайнфельд, Маньковский, Меньшагин, Меркушев) сводились в основном к тому, что необходимым и достаточным, «единственным и действительным основанием уголовной ответственности по советскому праву является наличие состава преступления в действиях того или иного лица» (проф. Меньшагин). По мнению этих товарищей, выделение причинной связи и вины в качестве соответственно объективного и субъективного оснований уголовной ответственности приводит к принижению значения других элементов состава, в частности действия и результата, и значения общественной опасности. Тов. Меркушев сказал, что, по его мнению, при таком решении вопроса состав преступления становится придатком к основанию уголовной ответственности. Тов. Кудрявцев, соглашаясь с тем, что основанием уголовной ответственности является преступление, указал, что это положение применимо только к деятельности судебно-следственных органов. Особо, по его мнению, должен быть поставлен и решен вопрос об основаниях уголовной ответственности с точки зрения законодателя, конструирующего состав преступления. Тов. Кудрявцев подчеркнул большую важность детальной разработки вопроса о критерии, которым руководствуется законодатель при отборе элементов состава преступления. Тов. Никифоров, исходя из того, что основанием уголовной ответственности является общественно-опасное деяние, пред-

ложил решать вопрос об основаниях ответственности на базе двуединой характеристики преступления как действия общественно-опасного и противоправного. Отправляясь от признака общественной опасности, материальным основанием уголовной ответственности, по мнению т. Никифорова, следует считать совершение объективно общественно-опасного действия; отправляясь от признака противоправности, правовым основанием ответственности следует считать совершение преступления, т. е. действия, содержащего в себе все признаки того или иного состава.

Некоторые из выступавших товарищей частично согласились с тем, что основаниями уголовной ответственности являются причинная связь и вина, тогда как другие товарищи, не соглашаясь с этой точкой зрения, пришли к выводу, что работа А. Н. Трайнина строится на признании именно общественно-опасного действия основанием уголовной ответственности, но что позиция автора по этому вопросу сформулирована им недостаточно четко. Тов. Кириченко указал, что субъективным основанием уголовной ответственности является вина; что же касается объективного основания, то т. Кириченко предложил отнести сюда все объективные признаки состава. Тов. Кириченко подчеркнул, что, по его мнению, А. Н. Трайнин, говоря о причинной связи как объективном основании уголовной ответственности, имеет в виду не только саму по себе причинную связь, но также то действие и тот результат, которые связаны цепью причинности. В целом, т. Кириченко считает, что основанием уголовной ответственности является наличие в действиях лица состава преступления. С этим согласился и т. Курляндский, указавший, что об этом же по существу говорит в начале своей работы сам А. Н. Трайнин; однако, по мнению т. Курляндского, дальнейшие соображения А. Н. Трайнина по вопросу об основаниях уголовной ответственности идут вразрез с этими положениями. На эту же точку зрения встал и т. Герцензон, указавший при этом, что сама постановка А. Н. Трайниным вопроса об основаниях уголовной ответственности является несомненной заслугой автора обсуждаемой монографии.

Проф. Ромашкин в своем выступлении подчеркнул, что, по его мнению, А. Н. Трайнин решает вопрос об основаниях уголовной ответственности правильно. Проф. Ромашкин считает, что соображения А. Н. Трайнина по этому вопросу сводятся к тому, что привлечение к уголовной ответственности обосновано тогда, когда доказано, что, во-первых, субъект совершил общественно-опасное действие и что, во-вторых, он совершил это действие виновно. Проф. Ромашкин считает неверным утверждение, что А. Н. Трайнин не считает общественно-опасное действие основанием уголовной ответственности. Аналогичные соображения высказал по этому вопросу и т. Орлов.

По вопросу о соотношении общественной опасности деяния и состава преступления некоторые из выступавших товарищей пришли к выводу, что в монографии А. Н. Трайнина общественная опасность деяния выводится за рамки состава преступления, в результате чего, по мнению этих товарищей, получается отрыв общественной опасности от состава.

Проф. Пионтковский сказал в своем выступлении, что, по его мнению, А. Н. Трайнин считает общественную опасность свойством преступления, но не считает ее свойством состава. По мнению проф. Пионтковского, состав преступления есть не что иное, как правовое понятие о преступлении, поэтому установление в действиях лица состава преступления в то же время означает признание его виновности в совершении этого преступления. Тов. Грингауз выразила несогласие с мнением А. Н. Трайнина, что общественная опасность заключается в совокупности всех элементов состава, так как, в частности, вина получает свое классово-политическое содержание только в связи с совершенным общественно-опасным деянием, и только в связи с ним встает вопрос о субъекте преступления — преступнике. Отсюда, по мнению т. Грингауз, следует, что общественную опасность следует усматривать не среди всех элементов состава, в ней надлежит видеть объективное свойство преступного деяния, понимаемого, в первую очередь, как действие или бездействие, направленное на определенный объект. По мнению т. Грингауз, из соображений А. Н. Трайнина об общественной опасности следует, что состав сам по себе теряет значение достаточного основания для привлечения лица к уголовной ответственности, он становится «ступенью для постановки вопроса о наличии или отсутствии оснований ответственности». К аналогичным выводам по вопросу о соотношении в работе А. Н. Трайнина общественной опасности и состава преступления пришли тт. Курляндский, Шнейдер и Маньковский.

Другие товарищи, соглашаясь с А. Н. Трайниным, что общественная опасность не есть один из элементов состава преступления, в то же время указывали, что, по их мнению, вывод автора о том, что общественная опасность есть производный продукт совокупности всех признаков состава преступления, либо спорен, либо недостаточно аргументирован. Тов. Игнатов, солидаризируясь с положением автора, что общественная опасность не есть один из элементов преступления, указал, что было бы нелепо в составе убийства с корыстной целью ставить на одну доску корыстную цель и общественную опасность деяния. Вместе с тем т. Игнатов выразил несогласие с тем, что общественная опасность есть вывод из совокупности признаков состава. По мнению т. Игнатова, общественная опасность есть неотъемлемое свойство состава преступления, так как этот последний есть уголовно-правовое отражение об-

щественно-опасного деяния — преступления. Тов. Кудрявцев в своем выступлении подчеркнул, что, по его мнению, спор о том, характеризует ли общественная опасность все элементы состава или только объективную сторону преступления, в большой степени основан на недоразумении. Все советские криминалисты, в том числе А. Н. Трайнин, признают, что общественная опасность есть свойство преступления. Следует, однако, иметь в виду, что общественно-опасное действие или бездействие нельзя рассматривать как совокупность объекта, действия или бездействия, субъекта и вины. По мнению т. Кудрявцева, общественная опасность есть характеристика деяния, т. е. действия или бездействия лица, характер же самого этого действия или бездействия определяется остальными элементами состава. Деяние потому и признается общественно-опасным, что оно направлено на известный объект, совершается определенным субъектом и при определенной форме вины.

В выступлениях ряда других товарищей подчеркивалось, что они не усматривают в монографии А. Н. Трайнина выведения общественной опасности за рамки состава преступления. Так, т. Орлов, соглашаясь с мнением А. Н. Трайнина, что общественная опасность не есть один из элементов состава, указал, что этот вывод не умаляет значения общественной опасности и не означает ее отрыва от состава преступления. Например, по мнению т. Орлова, таким образом подчеркивается, что общественная опасность составляет существо, содержание преступного деяния, без нее преступление перестает быть преступлением. В книге А. Н. Трайнина имеются некоторые неудачные формулировки, могущие дать повод к неправильным выводам, но основная мысль книги заключается, по мнению т. Орлова, именно в том, что общественная опасность есть основное свойство состава, характеризует совокупность всех его элементов. Проф. Ромашкин в своем выступлении отметил, что, по его мнению, книга А. Н. Трайнина не дает оснований для вывода, что ее автор отрывает общественную опасность от состава. По мнению проф. Ромашкина, даваемое А. Н. Трайниным определение состава, его соображения о том, что «общественная опасность деяния является основным, определяющим существо каждого состава преступления свойством» (стр. 81 книги) и другие высказывания А. Н. Трайнина по этому же вопросу свидетельствуют о том, что А. Н. Трайнин в обсуждаемой работе не создает никакого разрыва между общественной опасностью деяния и составом преступления. По мнению проф. Ромашкина, А. Н. Трайнин правильно подчеркивает, что общественная опасность есть сущность, основа, природа самого преступления. Аналогичные соображения развивали в своих выступлениях тт. Васильев и Никифоров, указавший, что, по его мнению, следует различать объективную общественную опасность действия, которая, характеризуя самый факт причинения ущерба охраняемым уголовным правом социалистическим общественным отношениям, еще не является достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности, и общественную опасность, характеризующую действие в качестве преступного и наказуемого.

По вопросу о соотношении в работе А. Н. Трайнина общего понятия преступления и состава преступления некоторые из выступавших товарищей пришли к выводу, что А. Н. Трайнин проблему состава преступления ставит и решает в плоскости только особенной части, не уделяя, по мнению этих товарищей, должного внимания общему понятию преступления, или общему понятию состава преступления, или общему составу преступления. Так, т. Вайнфельд усмотрел в монографии А. Н. Трайнина разрыв между преступлением и составом преступления, а отсюда — разрыв между общим понятием преступления и общим понятием состава преступления. Тов. Меркушев высказал мнение, что А. Н. Трайнин, рассматривая состав как совокупность признаков, согласно закону определяющих конкретную общественную опасность деяния для социалистического государства, отказывается от общего понятия преступления. По мнению т. Меркушева, если исходить из определения состава, предлагаемого А. Н. Трайниным, то придется проблему состава перенести из общей части в особенную часть уголовного права. Тов. Грингауз, соглашаясь с А. Н. Трайниным, что общего состава преступления не существует и что следует говорить об общем понятии состава преступления, указала, далее, что А. Н. Трайнин общего понятия состава преступления не дает. По мнению т. Грингауз, разработка общего понятия состава преступления есть тот методологический путь, без которого не могут быть познаны на должной теоретической высоте конкретные составы преступлений. Проф. Пионтковский в своем выступлении указал, что, как он выразился, «концепция конкретности составов преступления» А. Н. Трайнина означает отказ от общего учения о составе преступления. Проф. Маньковский, настаивая в своем выступлении на необходимости разработки понятия и определения общего состава преступления, предложил следующую формулировку этого определения: «Общий состав преступления есть совокупность объективных и субъективных признаков, которые свойственны любому действию или бездействию, общественно-опасному для социалистического государства и правопорядка и поэтому караемому по советскому закону». По мнению проф. Маньковского, состав отдельного преступления есть совокупность объективных и субъективных признаков данного действия или бездействия, общественно-опасного для социали-

стического государства и советского правопорядка и поэтому караемого по советскому закону.

Тов. Кудрявцев в своем выступлении выразил несогласие с мнением т. Меркушева, что работа А. Н. Трайнина написана в плоскости особенной части. Тов. Кудрявцев считает, что обсуждаемая монография представляет собой обобщение, даваемое на основе особенной части, и что если бы А. Н. Трайнин поступил иначе, получилась бы ничего не дающая абстракция. То, что работа написана на основе особенной части, это, по мнению т. Кудрявцева, правильно, но автору следовало бы сказать и о понятии общего состава преступления.

Тов. Сергеева в своем выступлении указала, что, по ее мнению, проф. Пионтковский не прав, утверждая, что работа А. Н. Трайнина написана применительно к конкретным составам, а не в плоскости общего учения о составе преступления. А. Н. Трайнин, по ее мнению, правильно указывает, что состав всегда конкретен, и справедливо отрицает возможность конструирования общего состава преступления. Вместе с тем на протяжении всей своей книги А. Н. Трайнин разрабатывает общее учение о составе преступления по советскому уголовному праву.

По вопросу о том, каким образом в монографии А. Н. Трайнина решается вопрос о вине, некоторые из выступавших товарищей (тт. Вайнфельд, Меркушев, Грингауз) высказались в том смысле, что, по их мнению, А. Н. Трайнин проводит в своей работе концепцию «удвоенной вины», вины как элемента преступления и вины как субъективного основания уголовной ответственности; в результате, по мнению этих товарищей, вина как элемент преступления не включает в себя отрицательной политической оценки, которая лежит за пределами состава — в вине как основании уголовной ответственности. Проф. Пионтковский в своем выступлении указал, что, по его мнению, А. Н. Трайнин в обсуждаемой работе стоит по вопросу о вине на той точке зрения, что вина как субъективная сторона преступления есть формально-психологическое понятие, ввиду чего наличие в действиях лица состава преступления, включая вину в этом смысле, еще не решает, по А. Н. Трайнину, вопроса о виновности. Проф. Пионтковский считает, что по вопросу о вине А. Н. Трайнин стоит на той же позиции, которая подверглась критике на совещании криминалистов, обсуждавших в мае 1951 года макет учебника общей части уголовного права. По мнению проф. Пионтковского, из соображений А. Н. Трайнина о вине следует вывод, что установление в действиях лица состава преступления еще не есть решение вопроса о виновности лица, а лишь повод для постановки этого вопроса перед судом. Аналогичные соображения высказали в своих выступлениях тт. Шнейдер и Маньковский.

Тов. Меньшагин указал, что в работе А. Н. Трайнина вопрос о вине излагается таким образом, что создается впечатление, что автор стоит на позиции двойной вины.

Однако другие товарищи (тт. Васильев, Орлов, Сергеева, Никифоров) пришли к выводу, что обсуждаемая работа не дает оснований считать, что ее автор является сторонником расщепления единого понятия вины. По мнению т. Орлова, вина у А. Н. Трайнина есть единое понятие; оставаясь единой, она одновременно выступает и в роли субъективной стороны преступления, и в роли субъективного основания ответственности. Тов. Сергеева указала, что А. Н. Трайнин в обсуждаемой монографии не только не конструирует двух вин, но, напротив, всемерно подчеркивает незыблемый принцип советского уголовного права — принцип субъективной ответственности, подчеркивает тем самым, что по советскому уголовному праву без вины человек не может нести ответственности. Тов. Никифоров в своем выступлении отметил, что то, о чем говорит в своей работе А. Н. Трайнин,— это не две вины и не двойная вина, а две стороны одной и той же вины как единства, в котором вина выступает и как психическое отношение к содеянному и как такая психическая связь с содеянным, которая, являясь одним из элементов преступления, заслуживает отрицательной оценки; с этой своей стороны единая вина выступает в работе А. Н. Трайнина в качестве субъективного основания уголовной ответственности.

Тов. Никифоров считает, что товарищи, усмотревшие в работе А. Н. Трайнина концепции двойной вины, приписывают автору книги теорию, которой в книге нет.

Оценивая работу А. Н. Трайнина в целом, некоторые товарищи, принявшие участие в обсуждении (тт. Вайнфельд, Маньковский, Меркушев, Пионтковский), заявили в своих выступлениях, что, по их мнению, в обсуждаемой монографии имеются серьезные ошибки. Проф. Пионтковский сказал, что, по его мнению, излагаемая А. Н. Трайниным концепция состава преступлений не служит делу укрепления социалистической законности.

Другие товарищи по вопросу об общей оценке обсуждаемой монографии высказались в том смысле, что книга А. Н. Трайнина нуждается в доработке и в ряде уточнений. Тов. Кудрявцев высказал мнение, что если А. Н. Трайнин оставит книгу в ее нынешнем виде, она в дальнейшем будет давать почву для неправильных по существу выводов и необоснованных критических замечаний. Проф. Герцензон, отметив, что первое издание книги А. Н. Трайнина в 1946 году было встречено критикой в основном положительно, указал, что второе издание этой книги он рассматривает как свидетельство дальнейшего роста научной мысли. Проф. Герцензон сказал, что, по его мнению, если бы при подготовке второго издания была проведена широкая теоретическая дискуссия, почва для целого

рода критических замечаний отпала бы и книга, несомненно, выиграла бы.

Проф. Ромашкин в своем выступлении подчеркнул, что новая монография А. Н. Трайнина представляет собой значительное явление в развитии теории советского социалистического уголовного права. Посвященная разработке одной из актуальных проблем уголовного права, работа А. Н. Трайнина, по мнению проф. Ромашкина, представляет собой серьезное научное исследование, содержащее разносторонний анализ проблемы состава преступления. В частности, проф. Ромашкин дал весьма высокую оценку тому разделу книги А. Н. Трайнина, в котором автор на большом и новом материале показывает разрушение буржуазной законности в странах империалистического лагеря, особенно в США и Англии. В работе «Состав преступления по советскому уголовному праву», сказал проф. Ромашкин, А. Н. Трайнин, исходя из гениального учения И. В. Сталина о соотношении базиса и надстройки, вскрывает служебную роль норм, регулирующих в общей системе социалистического правосудия вопросы состава преступления.

Тов. Курляндский указал в своем выступлении, что, так же как и проф. Ромашкин, считает, что издание новой работы А. Н. Трайнина можно только приветствовать. Тов. Курляндский охарактеризовал работу А. Н. Трайнина как в целом интересную, хорошую и нужную книгу. Тов. Васильев оценил работу А. Н. Трайнина как нужное, ценное и полезное пособие как в теоретическом отношении, так и с точки зрения практических работников. Тов. Сергеева указала, что обсуждаемая книга написана А. Н. Трайниным политически остро, на высоком теоретическом уровне; в то же время она, по мнению т. Сергеевой, доступна и рядовому читателю. Общее направление работы — показ величайшего значения социалистической законности и в соответствии с этим величайшего и решающего значения состава преступления. Тов. Игнатов ценность работы А. Н. Трайнина усматривает в первую очередь в том, что она посвящена одной из наиболее актуальных и серьезных проблем уголовного права. По мнению т. Игнатова, работа А. Н. Трайнина имеет большое положительное значение для развития отдельных вопросов советской науки уголовного права и для помощи нашей судебной практике.

Положительными чертами монографии А. Н. Трайнина т. Кудрявцев считает резкое разоблачение буржуазной лженауки уголовного права, глубокий анализ советского законодательства, самостоятельность и смелость в постановке и разрешении вопросов, возникающих в связи с рассмотрением проблемы состава преступления, а также стремление автора разрешить эти вопросы на базе марксистско-ленинской теории

В заключительном слове А. Н. Трайнин остановился на ряде вопросов, которые привлекли внимание товарищей, принявших участие в обсуждении книги.

Касаясь оснований уголовной ответственности, А. Н. Трайнин указал, что вопрос о виновности и причинности именно как основаниях уголовной ответственности был впервые разработан в 1946 году в общем плане работ по системе социалистического права, начатых под руководством академика А. Я. Вышинского. В том же 1946 году в журнале «Советское государство и право» была напечатана статья об основаниях уголовной ответственности — виновности и причинности. В 1947 году была опубликована другая статья «Основные принципы советского социалистического уголовного права», в которой были изложены те же соображения о вине и причинной связи. Непонятно, почему товарищи, которые теперь так энергично выступают против трактовки вины и причинной связи в качестве оснований уголовной ответственности, молчали в течение шести лет. А. Н. Трайнин указал на полную неосновательность утверждений некоторых товарищей, что он не считает основанием уголовной ответственности совершение лицом общественно-опасного действия. На стр. 92 книги совершенно ясно сказано, что социалистическое государство применяет наказание к лицам, совершившим общественно-опасные действия, и применяет его именно для борьбы с такими действиями, которые наносят ущерб Советскому государству. Таким образом, основанием для применения к лицу советского уголовного закона является совершение лицом общественно-опасного действия. Дальше на той же стр. 92 указывается, что в главе, посвященной вопросу об основаниях уголовной ответственности, речь идет не об этом, не вызывающем сомнения, принципе; речь идет в ней об основаниях применения наказания к конкретному лицу. Представим себе, что общественно-опасное деяние, например, убийство, уже совершилось. Сказав, что совершено убийство, мы еще не объяснили, почему за это убийство мы наказываем Ивана, а не Петра. Прежде чем наказать, нужно, чтобы было совершено общественно-опасное деяние. Но прежде чем наказать Ивана, нужно это общественно-опасное деяние связать именно с ним, а эта связь осуществляется через вину и причинение. Отвечает тот, кто виновно причинил общественно-опасный результат. А. Н. Трайнин считает полностью противоречащим его книге утверждение о том, что он отказывается в ней от состава преступления, от общественной опасности как основания уголовной ответственности.

А. Н. Трайнин не согласился с утверждениями некоторой части выступавших товарищей о том, что в его работе общественная опасность выводится за пределы состава преступления. А. Н. Трайнин указал, что ни один из элементов состава

преступления сам по себе свойством общественной опасности не обладает и обладать не может. Поэтому неправы те критики, по мнению которых из концепции А. Н. Трайнина следует вывод, что поскольку общественная опасность есть свойство совокупности всех элементов преступления, постольку ее частичка содержится и в субъекте, и в объекте и т. д. При спекуляции, например, ни в покупке, ни в продаже самих по себе нет общественной опасности. Но в совокупности все элементы этого деяния образуют общественно-опасное деяние — спекуляцию. Элементы состава подбираются по тому именно признаку, что в совокупности они образуют общественно-опасное деяние. Поэтому утверждение некоторой части критиков о том, что в обсуждаемой книге наличие в действиях лица состава преступления рассматривается как всего лишь повод для постановки вопроса об уголовной ответственности лица, лишено всякого основания.

По вопросу о соотношении общего понятия преступления и состава преступления А. Н. Трайнин заметил, что определение общего понятия состава преступления содержится в обсуждаемой книге. Что же касается общего состава преступления, о котором упоминали некоторые из выступавших товарищей, то его не существует в природе. Товарищи, говорившие об общем составе, в действительности имели в виду понятие преступления, и именно о нем шла речь в их выступлениях. Это, в частности, имело место в выступлении т. Маньковского. Следует помнить, что вполне возможно участие нескольких лиц в одном и том же преступлении, например, в хищении, однако не обязательно это будет участие в одном и том же составе преступления. Это — один из примеров того, что преступление и состав преступления — вещи разные, и это показано в книге.

А. Н. Трайнин указал также, что он не согласен с теми товарищами, которые усмотрели в его работе концепцию «расщепления вины» или теорию «двух вин». А. Н. Трайнин подчеркнул, что он считает вину единым понятием, единым институтом, и когда он в книге говорит о вине как субъективной стороне преступления и как субъективном основании уголовной ответственности, он имеет в виду одну и ту же вину, одно и то же явление, рассматриваемое с разных сторон, с точки зрения различных значений, которые вина имеет в уголовном праве. В этой связи А. Н. Трайнин упомянул о том, что и причинная связь и объект преступления, оставаясь едиными, играют в уголовном праве не одну роль, имеют различные аспекты. Возможно, что дальнейшее изучение покажет различные аспекты такого элемента преступления как последствие. В обсуждаемой книге делается попытка рассмотреть вопрос о различных аспектах одного и того же элемента преступления применительно к вине и причинной связи.

В заключение А. Н. Трайнин указал, что критические замечания многих товарищей, продиктованные интересами дела, являются острыми, справедливыми и вполне заслуженными; он учтет эти замечания в своей дальнейшей работе над проблемой состава преступления.

Н.

КОНСУЛЬТАЦИИ „ТРУДА“. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ГАЗЕТЫ „ТРУД“ ПО ТРУДОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В конце 1951 года вышло в свет большим тиражом новое, третье издание сборника консультаций «Труда».

Какова задача сборника консультаций?

Задача заключалась в том, чтобы систематизировать разбросанные в отдельных номерах газеты консультации (ответы на вопросы читателей).

И надо признать, что составители первого издания сборника с поставленной задачей справились. Несмотря на ряд недостатков и неточностей «сборник ответов на вопросы читателей» был полезной и весьма интересной книгой, которая отнюдь не претендовала подменить собой справочник по законодательству.

Но затем из последующих изданий предисловие исчезло, а сам сборник был решительно «подправлен» таким образом, что из него был удален ряд интересных практических вопросов. Вместо них в сборник были включены новые вопросы, которыми редакторы и составители сборника пытались максимально приблизить его к книге, охватывающей все вопросы трудового законодательства, т. е. превратить его этим в «трудовое законодательство в вопросах и ответах». Вопреки замыслу первого издания, сборник стал претендовать на исчерпывающее освещение трудового законодательства.

Естественно было бы ожидать, что каждое новое издание сборника станет обогащаться новыми ценными консультациями, опубликованными в газете «Труд» после выхода в свет предыдущего издания.

Однако в третьем издании новый материал не использован. Ряд весьма интересных и нужных консультаций, помещенных в газете за первое полугодие 1951 года, не вошел в сборник. Таковы, например, неко-

торые из консультаций, напечатанных в «Труде» 31 января, 7 марта, 13 апреля, 28 апреля 1951 г. и т. д. Не нашла своего отражения в сборнике весьма важная консультация «Труда» от 13 апреля 1951 г. относительно сохранения среднего заработка кормящим матерям, переведенным в связи с кормлением на другую нижеоплачиваемую работу, хотя для этого и следовало лишь слегка изменить текст ответа № 163. Помещение указанной консультации в сборник имело весьма важное значение еще и потому, что соответствующее разъяснение (разъяснение Секретариата ВЦСПС от 22 декабря 1950 г.) издано сравнительно недавно и не включено в большинство сборников нормативных материалов.

Естественно было бы также ожидать, что в каждом новом издании будут устранены ошибки предыдущего. Однако и этого не сделано, если не считать отдельных редакционных поправок.

В третьем издании даже не учтены совершенно справедливые, хотя и далеко не достаточные, замечания, приведенные в рецензии кандидата юридических наук т. Коршуновой на второе издание сборника («В помощь профактиву» 1951 г. № 10, стр. 43).

Досадно, что в сборнике не нашлось места ряду весьма интересных и часто встречающихся в практике вопросов; приведем некоторые из них.

1. Возможно ли суммирование перерывов на кормление ребенка (ввиду дальности расстояния между работой и местом жительства) и соответствующее прекращение работы на час раньше?

2. Возможна ли оплата командировочных, если командировка длилась более 60 дней?

3. Может ли народный суд отменить наложенное на работника дисциплинарное взыскание, если сочтет примененную меру наказания не соответствующей тяжести проступка?

4. Сохраняется ли непрерывный стаж у неизбранных вновь на выборную должность? и т. д.

В сборнике отсутствует очень важный с нашей точки зрения раздел «Дисциплина труда». Вместо него помещен раздел «Правила внутреннего трудового распорядка». Это привело к тому, что вопросы, связанные с наложением дисциплинарных взысканий в порядке подчиненности и по уставам о дисциплине, не нашли своего отражения в сборнике.

Нельзя не пожалеть об отсутствии в сборнике раздела о регрессных исках профсоюзов и о порядке возмещения вреда увечным. Предъявление таких исков — серьезный фактор в нашей общей борьбе за выполнение задачи, поставленной X съездом профсоюзов,— добиться полного устранения причин, порождающих несчастные случаи на производстве.

Ознакомление со всеми консультациями (вопросами и ответами) сборника позволяет нам сделать следующие выводы:

Огромный авторитет юридической консультации «Труда» и большая популярность сборника ее ответов обязывали ответ на каждый вопрос изложить правильно, без ошибок. Этим требованиям некоторые ответы не удовлетворяют.

В сборнике встречаются отдельные ошибки, неправильно ориентирующие читателей.

В ответе № 112 указано, что дисциплинарное взыскание, наложенное на основании правил внутреннего трудового распорядка, можно обжаловать в РКК или в народный суд. Но это правило применимо лишь к таким взысканиям, как замечание, выговор и строгий выговор. Такие же взыскания, как перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев и смещение на низшую должность, в соответствии с п. «а» ст. 10 положения о расценочно-конфликтных комиссиях, могут быть обжалованы только в РКК, как обязательную первичную инстанцию.

В ответе № 249 указано, что молодежь от 14 до 16 лет принимается на работу после медицинского освидетельствования и при наличии разрешения фабричного (заводского, местного) комитета. На самом же деле такое разрешение дает техническая инспекция при областных, краевых или центральных комитетах профсоюза.

В ответе на вопрос № 297 допущена ошибка: заключение о переводе на другую работу может быть дано не только ВКК (как написано в ответе), но и лечащим врачом (до 11 дней).

Неполнота некоторых ответов тоже может дезориентировать читателей. Так, например, в ответе № 309 сказано, что послеродовой отпуск равен 42 календарным дням, и ничего не говорится о том, что в случае ненормальных родов или рождения двойни отпуск после родов предоставляется продолжительностью 56 календарных дней.

Ответ на вопрос № 37 о том, на какой срок заключаются коллективные договоры, гласит: «Коллективные договоры заключаются сроком на один год», в то время как следовало указать, что действие коллективного договора прекращается 31 декабря соответствующего года.

В ответ на вопрос № 286 надо было сказать, что суммы, выплачиваемые за отпуск (равно как и дни отпуска), не учитываются при исчислении пособий по временной нетрудоспособности, хотя на них и начисляются страховые взносы.

В ответе на вопрос № 292 надо было сказать, что работники военно-сторожевой охраны ряда ведомств социальному страхованию не подлежат.

В ответе на вопрос № 297 не сказано, что перевод на другую (т. е. более легкую) работу с доплатой за счет средств социального страхования может осуществляться только с выдачей больничного

листка. Отсутствие этого указания на практике приводит к недоразумениям.

Из редакции ответа № 317 можно сделать вывод, что больничные листки по месту работы надо получать только тогда, когда при предприятии есть поликлиника. А если есть не поликлиника, а амбулатория или медсанчасть, то листки можно получать где угодно.

Как уже отмечено выше, цель сборника — популяризация советского трудового законодательства среди широких масс профактива. Ответы на вопросы должны быть предельно ясными, комментирующими правовые нормы так, чтобы не оставалось никаких сомнений при их применении.

Между тем некоторые ответы на вопросы, опубликованные в сборнике, порой содержат лишь текст закона, явно требующий ряда дополнительных комментариев и пояснений.

Помещение в сборнике ответов такого рода не может удовлетворять читателей и, с нашей точки зрения, является большим недостатком.

Так в ответе № 60 указано, что «работникам с ненормированным рабочим днем в качестве компенсации за работу во внеурочное время может быть предоставлен сверх очередного отпуска дополнительный отпуск продолжительностью до 12 рабочих дней».

Удовлетворит ли такой ответ читателей? Полагаем, что нет. Ведь у них будут десятки сомнений. Что значит «может быть предоставлен»? От усмотрения кого это зависит? От каких показателей зависит размер этого отпуска в допустимых законом пределах (до 12 дней)? Имеет ли работник право требовать дополнительный отпуск, если администрация ему в этом отказывает? и т. д.

В ответе на вопрос № 111 о порядке снятия дисциплинарных взысканий приведена ст. 24 Типовых правил внутреннего трудового распорядка. Но эта статья говорит лишь о снятии таких дисциплинарных взысканий, как замечания, выговор, строгий выговор, совершенно не упоминая о снятии иных видов взысканий, предусмотренных ст. 20 Типовых правил. А вопрос о их снятии имеет большое практическое значение, в частности при решении вопроса о правильности увольнения того или иного работника по п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде.

В сборнике консультаций неоднократно встречается совершенно неправильное применение юридических терминов и ряд других небрежностей.

Нельзя, например, называть пособия по временной нетрудоспособности «пособиями по больничным листам» (вопрос № 289).

На вопрос № 113, какими законами и постановлениями следует руководствоваться по вопросу о правилах внутреннего трудового распорядка, следует ответ: «Справочником профработника, стр. 61».

В ответе на вопрос № 324 сказано: «Санаторно-курортные комиссии». На самом же деле они называются «Санаторно-курортные отборочные комиссии» и т. д.

Все указанные недостатки (а мы перечислили только часть их) снижают ценность весьма необходимого и полезного пособия, каковым являются консультации «Труда».

Кандидат юридических наук старший преподаватель ВШПД ВЦСПС
В. Караваев

Технический инспектор ЦК профсоюза рабочих промстроительных материалов
В. Никитинский

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Взыскание с родителей, кроме алиментов, дополнительных сумм на содержание детей является незаконным

Решением народного суда 1-го участка района имени 26 комиссаров г. Тбилиси постановлено: «взыскивать с Хуршудова Г. А. в пользу Хуршудовой Е. С. алименты на ребенка, родившегося 24 октября 1945 г., по 25% от всех видов доходов ежемесячно; взыскать задолженность по алиментам за 1949 и 1950 гг. в сумме 1853 руб. В иске о взыскании дополнительно 2 тыс. руб. в связи с болезнью ребенка отказать».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР своим определением от 19 мая 1951 г. решение народного суда в части взыскания алиментов и задолженности по ним оставила в силе. В части отказа в иске о взыскании с ответчика дополнительно 2 тыс. руб. решение народного суда отменила и удовлетворила иск Хуршудовой.

Генеральный Прокурор СССР, считая определение Верховного суда Грузинской ССР в части взыскания дополнительно 2 тыс. руб. неправильным, опротестовал это определение в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что взыскание с ответчика дополнительно 2 тыс. руб. на содержание ребенка не основано на законе.

Размер алиментов, подлежащих взысканию на содержание детей, точно определен постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. В этом постановлении не предусматривается случай, когда, кроме 25% заработка ответчика, выплачиваемых на содержание ребенка, могут быть взысканы дополнительные суммы на содержание того же ребенка. Поэтому у Верховного суда Грузинской ССР не было законных оснований для удовлетворения иска Хуршудовой о взыскании с ответчика дополнительной суммы алиментов.

Разрешение судом неподведомственного ему спора — основание для прекращения дела производством

Решением Верховного суда Таджикской ССР от 26 декабря 1951 г. удовлетворен иск таджикской республиканской конторы «Сельхозснаба» о взыскании с таджикской республиканской базы «Хлопкоснаба» 444 366 руб.

Считая это решение неправильным, Генеральный Прокурор СССР опротестовал его в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия указала, что таджикская республиканская контора «Сельхозснаба» отыскивает с ответчика сумму железнодорожного тарифа, оплаченного из своих средств за перевозку грузов по узкоколейной железной дороге. Отправителем была сталинабадская областная контора «Хлопкосбыта».

Указанный иск нельзя рассматривать как спор, вытекающий из железнодорожных перевозок, а поэтому у Верховного суда Таджикской ССР не было оснований принимать к своему производству иск, подлежащий рассмотрению в органах Государственного арбитража.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение Верховного суда Таджикской ССР и дело производством прекратила.

В случае систематической сдачи съемщиком комнаты в целях извлечения нетрудового дохода используемая в этих целях комната может быть изъята у съемщика

Левитис Ф. Г. предъявила в суде иск к Рывкину А. Л. и его жене Ворожейкиной о выселении из комнаты размером в 24 кв. м по тем мотивам, что ответчики в декабре 1950 года были поселены истцом временно на жилую площадь, которой истица пользуется по договору жилищного найма. Однако после предупреждения об освобождении комнаты ответчики добровольно выехать из комнаты отказались, в связи с чем и был заявлен иск о выселении.

Жилищный отдел Кировского района г. Риги предъявил иск к Левитис Ф. Г. об изъятии у нее комнаты размером в 24,5 кв. м, поскольку она, являясь съемщицей четырех комнат общим размером 59,5 кв. м и проживая на этой площади с двумя сыновьями, сдает в наем спорную комнату, извлекая из этого нетрудовые доходы. В частности, жилищный отдел указал, что Левитис сдавала комнату Рывкину и Ворожейкиной, получая за это квартирную плату по 400 руб. в месяц.

Народный суд 1-го участка Кировского района г. Риги признал, что Левитис незаконно получала повышенную квартирную плату за сдачу в поднаем указанной комнаты, но все же удовлетворил иск Левитис о выселении ответчиков, а в иске жилищному отделу в изъятии указанной комнаты

отказал, ссылаясь на то, что эта комната не является изолированной.

Верховный суд Латвийской ССР 13 декабря 1951 г. решение народного суда оставил в силе, уточнив сумму, которая подлежит взысканию с Левитис в доход государства как неосновательное обогащение.

Генеральный Прокурор СССР, считая состоявшиеся решение и определение неправильными, опротестовал их в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что истица Левитис сдавала в поднаем ответчикам комнату за плату 400 руб. в месяц, получив с поднанимателей 2000 руб. Сама истица пользовалась с семьей в составе трех человек остальными тремя комнатами. Таким образом, в целях наживы Левитис сдавала спорную комнату в поднаем, извлекая нетрудовые доходы.

Как видно из приобщенной к протесту справки Кировского районного финансового отдела г. Риги, в том же 1950 году истица часть жилой площади сдавала другим лицам, приезжавшим из Ленинграда, получая с них по 960 руб. в месяц. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что Левитис систематически сдавала жилую площадь в поднаем, извлекая из этого нетрудовые доходы.

Народный суд и Верховный суд Латвийской ССР, признавая факт спекуляции жилой площадью со стороны Левитис, отказал в изъятии комнаты только потому, что спорная комната не изолирована. Между тем из дела видно, что эта комната может быть изолирована и этот вопрос был предметом рассмотрения исполнительного комитета Кировского районного совета депутатов трудящихся.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда, обратив дело на новое рассмотрение в Верховный суд Латвийской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Народному судье Кагульского района Молдавской ССР

Никаких изъятий в законе о том, что на двух детей алименты взыскиваются в размере одной трети заработной платы, для случаев, когда эти дети имеют разных матерей, не установлено. В этом случае на каждого ребенка должно взыскиваться (на общих основаниях) по одной шестой заработной платы ответчика.

Народному судье 2-го участка Альшеевского района Башкирской АССР

Если у суда возникают сомнения в правильности документов, послуживших основанием к отмене решения вышестоящим судом, он должен при новом рассмотрении дела принять меры к проверке правильности этих документов.

Народному судье 2-го участка Черевковского района Архангельской области

Прекратить взыскание алиментов с отца-инвалида на сына 17 лет, имеющего значительный заработок, нет законных оснований, если сын сам не подаст заявления о прекращении взыскания алиментов.

Народному судье Кзыл-Октябрьского района Горьковской области

С сумм, выплачиваемых учащимся сельскохозяйственных школ по подготовке председателей колхозов и слушателям годичных курсов по повышению квалификации председателей колхозов, алименты должны взыскиваться на общих основаниях — как с заработной платы, поскольку выплата этих сумм носит регулярный характер.

Народному судье 2-го участка Мариинско-Посадского района Чувашской АССР

Если женщина имеет трех детей от лица, с которым не состоит в зарегистрированном браке, из которых первый ребенок рожден до указа 8 июля 1944 г., и это лицо записано в книгах загса в качестве отца ребенка, то на этого ребенка она имеет право взыскивать алименты. На детей, рожденных после 8 июля 1944 г., алименты взыскивать она не может.

Народному судье 1-го участка Юргамышского района Курганской области

Запись о регистрации брака, если лица, вступающие в брак, не расписались в книге записей актов гражданского состояния, не действительна в силу ст. 114 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР.

СОДЕРЖАНИЕ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-93-06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А-06824. Сдано в производство 18/VIII 1952 г. Подписано к печати 19/IX 1952 г. Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 34 850 экз. Бумага 70×108¹/₁₆ 3 бумажных, 8,22 печатных листов Заказ 1281 Цена 3 руб.

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.